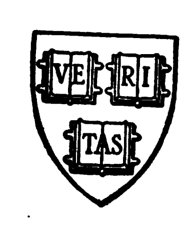

VE RI
TAS

ИЗДАНІЯ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

---

1) Черемисы, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1889. 212 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

2) Вотяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 352 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 25 коп.

3) Пермяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова, 1891. 289 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 75 коп.

4) Мордва, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1895. 296 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.

5) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Веске. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

6) Спасскій монастырь въ г. Казани, историческое описаніе. Е. М. Лебедева. 1895. 215 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

7) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани: томъ I и II 1884 и 1891) по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891) — цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877. Цѣна 1 рубль.

8) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882. Часть I, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.

9) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8° Цѣна 75 коп.

10) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стран. 12° Цѣна 10 коп.

11) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.

12) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваши, Н. И. Золотницкаго. 1884. 56 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

13) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

14) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 20 коп.

15) Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка А. И. Соколова. 1892. Цѣна 2 коп.

16) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стран. Цѣна 5 коп.

17) О древнемъ поселеніи около г. Спасска. А. Обрѣзкова. 1893. Цѣна 3 коп.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XV, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.

1899.

Вышелъ 18 марта.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *Н. Петровскій.*

Погребальные и поминальные обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи.

По предложенію секретаря Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ *Н. Ѳ. Катанова* въ лѣто 1895 г. мною собраны были матеріалы для этнографіи крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи. Съ этою цѣлію я посѣтилъ болѣе 30 селеній крещеныхъ татаръ Мензелинскаго и Белебеевскаго уѣздовъ [1]). Изъ собранныхъ матеріаловъ я составилъ статью о свадебныхъ обычаяхъ и обрядахъ крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи, помѣщенную въ XIII т. „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“ за 1896-й годъ. Въ непродолжительномъ затѣмъ времени я имѣлъ въ виду представить въ упомянутое Общество статью о погребальныхъ обрядахъ крещеныхъ татаръ, но разныя перемѣны въ моей жизни препятствовали мнѣ составленію статьи. Послѣ 24-хъ лѣтъ, проведенныхъ мною среди инородцевъ Мензелинскаго уѣзда, въ сентябрѣ 1896-го года я посе-

[1]) Вотъ списокъ селеній, посѣщенныхъ мною съ этнографической цѣлью. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ села: Савалеево, Большіе Аты, Балчыклы, Налимы, Ляки, Драгунъ Бехметъ, Юшады, Бурды, Багряшъ Мелекесъ, Кабанъ-Бастрыкъ; деревни: Калейкина, Свѣтлое Озеро (Жикты Кюл), Сарапала, Аксарина, Чебуклы, Малые Аты (Оскина), Ѳеодоровка, Нарат-асты, Кадрякова, Верхніе Юшады, Тонгузина, Ахметева, Кадырова, Бишева, Зичя Башы, Мазины; въ Белебеевскомъ уѣздѣ села: Бакалы, Маты, Килеево, Ахманово, Усы; деревни: Бузюрова, Курчеева, Утарова, Азмѣева, Новые Балыклы, Умирова.

лился среди крещеныхъ татаръ, чувашъ, башкиръ, тептярей и прочихъ инородцевъ Белебеевскаго уѣзда.

Кромѣ того, занявъ мѣсто священника съ инородческимъ населеніемъ въ приходѣ, я вошелъ въ постоянное близкое отношеніе къ крещенымъ татарамъ. Это дало мнѣ возможность легко продолжать начатое въ 1895 г. дѣло, т. е. собираніе этнографическихъ матеріаловъ. Предлагаемая статья о погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ представляетъ частію результатъ моихъ личныхъ наблюденій, частію же результатъ разспросовъ крещеныхъ татаръ разныхъ селеній Мензелинскаго и Белебеевскаго уѣздовъ, татаръ, у которыхъ еще сохранились языческіе обряды.

„Смерть находитъ причину“, говорятъ русскіе. Ту же самую мысль выражаютъ и крещеные татары, когда говорятъ: „ӓжялсез ӯлем булмас“ (безъ причины—или срока смерти не бываетъ). Причиной же смерти, какъ извѣстно, являются болѣзни. У крещеныхъ татаръ извѣстны слѣдующія смертельныя болѣзни: „тир кастасы“—горячка или тифъ, „бирян“—водянка, „ак чир“—венерическія болѣзни (букв. бѣлыя болѣзни), „жютял“—кашель, „чикуткы“—чахотка и др. Легкія болѣзни или болѣзни мѣстныхъ отдѣльныхъ органовъ не считаются смертельными. Онѣ извѣстны подъ общимъ названіемъ „сызлау“. Напр. „кюз сызлау“—боль глазная, „аяк сызлау“—болѣзнь ногъ (ревматизмъ), „теш сызлау“—зубная боль и проч. Какъ въ легкой мѣстной, такъ и тяжелой смертельной болѣзни, крещеные татары рѣдко обращаются къ врачебной помощи. Лечатъ они своихъ больныхъ большею частію домашними средствами, рекомендованными какимъ либо знахаремъ или знахаркой изъ ихъ же среды. Къ такимъ средствамъ относятся и соленая вода, и водка, и пиво и проч. напитки съ нашептываніемъ (ӧшкӧрӧӯ) знахаря или знахарки. Въ хроническихъ же случаяхъ болѣзни нѣкоторые изъ крещеныхъ татаръ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ мухаммеданами, обращаются къ муллѣ. Я видѣлъ крещеныхъ татаръ, у которыхъ на шеѣ, вмѣсто креста или на одномъ шнуркѣ съ крестомъ, висѣли выписки изъ

Корана, зашитыя въ тряпку (бӧтӧй). У другихъ рядомъ съ крестомъ виситъ часть оленьяго рога (болан мӧгӧзӧ), какъ средство противъ тифа. Крещеные татары думаютъ, что свертки бумажки и части рога помогаютъ во время тяжкой болѣзни или же предохраняютъ отъ эпидемической болѣзни, какъ напр. отъ холеры—„ӳлят". Я знаю одну старуху—крещеную татарку, три раза въ жизни страдавшую „бѣлой горячкой" съ припадками безумія или, по понятіямъ крещеныхъ татаръ, подверженную злому духу „жен" или „джин". Эта старуха въ послѣдній разъ болѣла назадъ тому около 15 лѣтъ и тогда-же была у извѣстнаго своей ученостью, знакомаго мнѣ муллы деревни Чебукловъ Мензелинскаго уѣзда Насреддина Тохфатуллина, который далъ ей свертокъ, спасающій отъ злого духа. Этотъ свертокъ старуха и. по сіе время носитъ на шеѣ. Но какъ бы то ни было, „смерть находитъ причину", и какъ говорятъ татары „ӳлемнян качыб котола алмассын" — отъ смерти бѣгствомъ не спасешься.

I. Погребальные обряды.

Когда наступаетъ „часъ смерти" (ӳлем сяте)—„агонія", въ ротъ умирающаго вливаютъ ложку воды. Это дѣлается для того, чтобы душѣ было легче выйти изъ тѣла, и для того еще, чтобы смягчить запекшіяся губы для произнесенія молитвъ. Если не подать воды, то воспользуется этой минутой шайтанъ (діяволъ) и подастъ воду; поэтому, если почему либо нельзя подать воды, то нужно смочить губы хоть перышкомъ. Передъ самой смертью почти каждый умирающій выражаетъ желаніе выйти на дворъ, и это желаніе надо непремѣнно исполнить, потому что душа желаетъ проститься съ домомъ и въ послѣдній разъ посмотрѣть на вольный свѣтъ. Тяжко больного надо вынести на рукахъ, несмотря на его крайнюю слабость, иначе душа не выйдетъ изъ тѣла и больной пролежитъ еще нѣсколько дней въ предсмертныхъ мученіяхъ. Бывали случаи, когда почему либо не исполнялась просьба умирающаго показать

ему дворъ, и тогда душа не могла разлучиться съ тѣломъ до тѣхъ поръ, пока не выносили умирающаго въ сѣни или на дворъ. Такіе случаи называются „жан бюлену̌"—задержаніе души (въ тѣлѣ) [1]). За душою умирающаго являются съ кладбища его предки и умершіе родственники, которыхъ обыкновенные люди не видятъ. Видятъ ихъ особо прозорливые люди въ родѣ, напр. Малый карчык—старуха Меланія [2]). Но почти всегда видитъ ихъ самъ умирающій. Это подтверждается тѣмъ, что онъ называетъ многихъ изъ умершихъ по имени. Иногда умирающій видитъ ихъ пришедшими, иногда пріѣхавшими на лошадяхъ въ экипажахъ. Такъ напр. на лошадяхъ видѣлъ своихъ предковъ и родственниковъ старикъ Тимоѳей [3]), какъ заключили изъ его разговоровъ съ умершими окружающіе его дѣти и родственники.

Послѣ того, какъ прибудутъ за душой умирающаго съ того свѣта, душа не долго остается въ тѣлѣ. Она нѣсколько разъ пытается выйти въ ротъ умирающаго, но изъ боязни оставить тѣло и изъ жалости къ плачущимъ, опять уходитъ въ глубины тѣла и костей. Наконецъ, она выходитъ какъ легкая бабочка, и садится на приступку печи или шестокъ (уша башы). Выходъ души изъ тѣла у невинныхъ младенцевъ и неженатыхъ безвинныхъ мужчинъ и дѣвицъ бываетъ легче. Къ нимъ большею частію является добрый духъ или святые (изгеляр) въ видѣ одной изъ ближайшихъ родныхъ, друга, подруги, и обычнымъ при жизни приглашеніемъ куда либо выманиваютъ душу изъ тѣла.

---

[1]) Въ Белебеевскомъ уѣздѣ въ случаѣ «задержанія души» поднимаютъ желобокъ (сыулык) или застрѣху крыши дома; послѣ этого, говорятъ, душа выходитъ легко и скоро.

[2]) Малый карчык ясновидящая старуха въ селѣ Савалеевѣ. Подобныя старухи встрѣчаются почти въ каждомъ селеніи.

[3]) Тимоѳей Яковлевъ, крестьянинъ села Савалеева (умеръ назадъ тому около 50 лѣтъ), прадѣдъ автора статьи.

Такой случай былъ въ деревнѣ Калейкиной, Акташевской волости Мензелинскаго уѣзда съ умершей сестрой Агаѳіи [1]). По выходѣ изъ тѣла душа нѣкоторое время остается дома и, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, напр. на брусѣ, назыв. „киштя“ [2]), и взирая на только что оставленное тѣло, съ удивленіемъ говоритъ: „какъ я могла носить такой большой кусокъ мяса“, т. е. тѣло. Послѣ того, когда въ дѣйствительной смерти человѣка не будетъ сомнѣнія (тутъ нужно различить мярдкя китеў—летаргическій сонъ, о которомъ будетъ говорено ниже), надъ покойникомъ совершаютъ омовеніе. Для этого нарочно приносится изъ рѣчки или ключа вода въ 3-хъ ведрахъ для большого покойника и въ одномъ для маленькаго [3]). Эта вода немного подогрѣвается. Мужчину омываютъ мужчины, женщину—женщины. Дѣтей могутъ омывать и мужчины и женщины, но большею частію омываютъ женщины. Омывающему дается одежда умершаго: рубашка, штаны и др. Также участвующимъ на омовеніи дается посуда, изъ которой омытъ покойникъ Если не дать бывшей въ употребленіи при омовеніи посуды, то покойникъ на томъ свѣтѣ не будетъ имѣть никакой посуды. Во время омовенія покойника кладутъ на лубокъ и этотъ

---

1) Агаѳія Ефремова родомъ изъ Калейкиной въ замужествѣ за крестьяниномъ села Савалеева Ѳомой Васильевымъ. Она и мужъ ея отлично знаютъ всѣ обряды. Они оба сообщили мнѣ много матеріаловъ по этнографіи.

2) «Киштя» называется толстый четырехгранный брусъ, конецъ котораго вдалбливается въ переднюю стѣну избы, а другой конецъ лежитъ на стойкѣ около печи. Стойка эта называется «пеяш» и поддерживаетъ брусъ, на которомъ настилаются доски, образующія полати—«сюндяря». Киштя составляетъ принадлежность каждой татарской избы. Туда кладутся подушки и т. п. и вѣшаются полотенца и скатерти для украшенія комнаты. Пониже киштя вѣшаютъ «шаршау»—занавѣсъ, отдѣляющій женскую половину избы отъ мужской.

3) Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Мензелинскаго уѣзда берутъ съ собой на рѣчку ножъ, которымъ обводятъ три раза то мѣсто на поверхности воды, изъ котораго черпаютъ воду. Черпая воду, произносятъ: «песмелля (бисмилля) бер тянгерем. Ўлек жыуарга алам, таза булсын».—Во имя Одного Бога. Беру для обмыванія покойника, да будетъ чиста.

лубокъ остается для употребленія въ дѣло [1]). Воду послѣ омовенія выливаютъ на чистое мѣсто во дворѣ. По омовеніи покойника одѣваютъ въ чистыя погребальныя одежды [2]). Нѣкоторые умирающіе таковую одежду назначаютъ сами. Одѣвши, покойника кладутъ на нары или лавку головой въ передній уголъ—къ образамъ. Послѣ этого совершается поминовеніе. Первое поминовеніе умершаго состоитъ въ томъ, что наскоро покрываютъ столъ бѣлою или другого цвѣта чистою скатертью и ставятъ туда кушанья—лепешки или блины съ медомъ и такъ называемое „äлбя". Äлбя приготовляется исключительно для поминовенія умершаго до его погребенія и представляетъ изъ себя мучную сухую кашу, смѣшанную съ медомъ [3]). При поминовеніи каждый изъ поминающихъ подходитъ къ столу и произноситъ имя умершаго, прибавляя слово „теяберсен" [4]) и произнося слова пожеланія мѣста умершему въ раю и т. п. При этомъ нѣкоторые передъ образами зажигаютъ восковыя свѣчи и молятся по православному обычаю. Затѣмъ послѣ поминовенія иные родственники умершаго уходятъ по своимъ домамъ, а иные остаются у покойника на ночь. Вечеромъ въ домѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, собираются родственники и сосѣди. Каждый изъ нихъ, приходя къ покойнику, открываетъ его лицо, чтобы посмотрѣть, съ какимъ выраженіемъ лица лежитъ покойникъ. Если выраженіе лица спокойное и глаза закрыты, то это хорошо, а если тревожное и глаза открыты,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Белебеевскаго уѣзда этотъ лубокъ отвозится на кладбище и тамъ оставляется на всегда.

[2]) Въ Мензелинскомъ уѣздѣ умершаго одѣваютъ во всѣ одежды, т. е. въ рубашку, штаны, камзолъ или джилян, а въ Белебеевскомъ лишь въ нижнее платье, т. е въ рубашку и штаны, и завертываютъ въ «кяфинъ»—саванъ

[3]) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Мензелинскаго уѣзда «äлбя» кладутъ съ покойникомъ подъ его мышкой. «Äлбя» дается на томъ свѣтѣ въ гостинецъ прежде умершимъ.

[4]) «Теяберсен» слово не татарское, значеніе этого слова крещеные татары объясняютъ такъ: пусть то, чѣмъ мы поминаемъ здѣсь, будетъ тамъ передъ нимъ (на томъ свѣтѣ передъ умершимъ). О словѣ «теяберсен» см. также на стр. 195 «Татар.-русскаго словаря» Н. П. Остроумова (Каз. 1892)

то дурно: еще будетъ покойникъ. Если умеръ человѣкъ молодой, то приходятъ къ покойнику его сверстники. Ночью читаютъ псалтирь или какую либо другую духовнаго содержанія книгу [1]). Бываетъ впрочемъ иногда, что монотонное чтеніе клонитъ ко сну. Тогда молодежь, чтобы не спать, играетъ въ карты или шашки. Если человѣкъ умеръ утромъ, то въ тотъ-же день родственники умершаго дѣлаютъ гробъ. Для гроба берутъ большею частію липовыя доски. Дѣлать гробъ считается дѣломъ угоднымъ Богу и поэтому это дѣло охотно исполняется и не родственниками умершаго. Гробъ дѣлаютъ отъ 2-хъ до 5 человѣкъ [2]) и за это не берутъ никакой платы. На другой день роютъ для покойника могилу. Придя на кладбище, предварительно на землю бросаютъ монету, какъ бы покупая для покойника мѣсто [3]). Иные-же опускаютъ монету въ самую могилу предъ погребеніемъ покойника. Рыть могилу—дѣло доброе, поэтому оно охотно исполняется не только родственниками умершаго, но и посторонними людьми. Когда все къ погребенію будетъ готово, посылаютъ за священникомъ. По прибытіи священника вносятъ гробъ въ избу, гдѣ лежитъ покойникъ. При этомъ стараются, чтобы нечаянно не задѣть гробомъ за косякъ дверей и не стукнуть имъ, иначе будетъ новый покойникъ. Крыша гроба и деревянный крестъ, приготовленный для постановки на могилѣ, оставляются на крыльцѣ. Затѣмъ въ гробъ кладутъ сухихъ березовыхъ листьевъ или какой либо душистой травы, напр. мяты и аниса, въ видѣ постилки, и постилаютъ во все дно гроба кусокъ бѣлаго холста. На возглавіе кладутъ маленькую подушку, набитую березовыми листьями или душистой травой. Наволочку для подушки шьютъ изъ

[1]) Чтеніе надъ покойникомъ заведено съ тѣхъ поръ, какъ стали открываться въ крещено-татарскихъ селеніяхъ школы, лѣтъ 15—20 тому назадъ.

[2]) Иногда къ богатому человѣку дѣлать гробъ собирается до 40 человѣкъ.

[3]) Въ Белебеевскомъ уѣздѣ указываетъ мѣсто для могилы ближайшій родственникъ умершаго. Онъ первый снимаетъ дернъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должна лежать голова покойника (на западномъ концѣ могилы). Ему за это даютъ платокъ или полотенце.

бѣлаго холста и при этомъ держатъ иголку иначе, чѣмъ обыкновенно, ушкомъ къ себѣ, что называется по-татарски „тискяре [1])“. Къ верхней сторонѣ подушки пришиваютъ изъ черныхъ лентъ крестъ. Когда все это будетъ приготовлено, священникъ окуриваетъ гробъ изъ кадила ѳиміамомъ, и покойника кладутъ во гробъ [2]). Класть покойника во гробъ должны его родственники. Ближайшіе родственники при этомъ выражаютъ свою скорбь приличными случаю причитаніями или однимъ плачемъ. По краткой литіи покойника несутъ въ церковь для отпѣванія. Несутъ гробъ родственники умершаго. Мужчину несутъ мужчины, женщину—женщины, дѣтей подростки [3]). Назадъ тому около 10—15 лѣтъ, когда въ инородческихъ селеніяхъ церквей не было, хоронили большею частью безъ священника. Тогда при выносѣ тѣла изъ дома соблюдались нѣкоторые обряды; напр. по выносѣ покойника изъ избы клали его на носилки, т. е. два шеста, соединенные по концамъ веревками, на которыхъ держался гробъ.

Приготовившись къ несенію, несущіе нѣсколько минутъ оставались на мѣстѣ. Тѣмъ временемъ одинъ изъ мужчинъ, родственниковъ умершаго, остріемъ топора проводилъ вокругъ умершаго черту, какъ бы отрѣзывая его отъ дома и остающихся въ живыхъ. Всѣ, кто провожалъ покойника до могилы, оставались въ чертѣ, а остающіеся дома—внѣ черты. Этотъ обрядъ соблюдается въ нѣкоторыхъ деревняхъ и по нынѣ. На пути въ церковь и отъ церкви до кладбища предъ покойникомъ несутъ крышу гроба, иногда обернутую въ скатерть, крестъ, на который нерѣдко вѣшаютъ полотенце, и икону.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ «тискяре» проводятъ иголкой только до трехъ разъ, а потомъ шьютъ обыкновеннымъ образомъ.

[2]) Въ Мензел. уѣздѣ, въ дер. Бишту-Башы напр., съ неженатымъ человѣкомъ кладутъ во гробъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, которыя нужны «ӧйлянергя»—жениться.

[3]) Въ Белебеевскомъ уѣздѣ во всѣхъ случаяхъ несутъ гробъ исключительно мужчины.

Вмѣсто парчи или покрова гробъ покрываютъ занавѣской (чаршау) большею частію сине-краснаго цвѣта. По выносѣ покойника изъ дома первому встрѣтившемуся съ погребальнымъ шествіемъ человѣку даютъ связку нитокъ или кусокъ какой либо матеріи, большею частію ситца. Такіе-же куски ситца раздаютъ тутъ же въ видѣ милостыни. Отпѣваніе крещеныхъ татаръ совершается, разумѣется, по православному чину. Характерно при отпѣваніи прощаніе съ умершимъ. При прощаніи обыкновенно принято прикладываться къ иконѣ, положенной на груди умершаго, и къ вѣнчику, полагаемому на лобъ покойника. Хотя крещеные татары по настоянію священника и исполняютъ этотъ церковный обрядъ, но при этомъ прощаются и по своему. Прощаніе же ихъ состоитъ въ томъ, что каждый, подходя къ покойнику, дѣлаетъ маленькій поклонъ и прикладываетъ правую руку къ груди покойника сначала ладонью внизъ, потомъ вверхъ, затѣмъ снова внизъ и, сдѣлавъ два—три малыхъ поклона или кивнувъ головой, отходитъ въ сторону. Прощаясь съ умершимъ, нѣкоторые плачутъ, но при этомъ присутствующіе слѣдятъ, чтобы плачущій нечаянно не уронилъ капли слезъ на покойника, что служитъ не добрымъ знакомъ (будетъ новый покойникъ). Такимъ-же образомъ прощаются и тѣ, которые не провожаютъ покойника до церкви, а остаются дома. Бываетъ иногда, что родственникъ или пріятель умершаго встрѣтится съ погребальнымъ шествіемъ на улицѣ Тогда по его желанію несущіе гробъ останавливаются и опускаютъ гробъ ниже и родственникъ или пріятель прощается съ покойникомъ упомянутымъ образомъ, не открывая лица покойника, или же открываетъ его лицо для того только, чтобъ посмотрѣть, насколько умершій измѣнился и каково выраженіе его лица. Выйдя за околицу села, несутъ покойника, не останавливаясь, до кладбища. Послѣ несущіе увѣряютъ, что, чѣмъ ближе къ кладбищу, тѣмъ гробъ становится тяжелѣе. Это происходитъ отъ того, что изъ кладбища на встрѣчу покойнику невидимо вышли его умершіе предки и родственники и сѣли на гробъ. Принесши

на кладбище, покойника кладутъ на край могилы, снимаютъ покровъ и закрываютъ крышку. Если могила готова, то опускаютъ гробъ тотчасъ-же. Для опусканія покойника въ могилу бѣдные употребляютъ веревки изъ мочала или обыкновенныя возжи, а богатые куски холста, которые или уносятся домой, или-же даются нищимъ. Нѣкоторые берутъ на кладбище каравай хлѣба, который даютъ встрѣтившемуся бѣдному человѣку на пути къ кладбищу или же, если таковаго не встрѣтится, на обратномъ пути въ селѣ. Предъ тѣмъ, какъ опустить покойника въ могилу, многіе съ нимъ прощаются упомянутымъ выше образомъ. Опустивши покойника въ могилу, каждый изъ провожавшихъ покойника бросаетъ въ могилу нѣсколько горстей земли и уходитъ домой. Погребеніе доканчиваютъ тѣ, которые рыли могилу. Когда погребеніе приходитъ къ концу, водружаютъ у ногъ покойника крестъ, иногда украшенный лентами и съ соотвѣтствующею надписью карандашомъ или чернилами. Полотенце же поступаетъ въ пользу несшаго крестъ. Окончивъ погребеніе, всѣ участвующіе въ этомъ дѣлѣ обходятъ три раза могилу „посолонь" и каждый разъ прощаются съ погребеннымъ, кладя правыя руки на могилу по три раза вверхъ и внизъ ладонью, какъ сказано выше. Носилки и деревянныя лопатки, бывшія въ употребленіи при рытіи могилы, остаются на могилѣ и послѣ никто не беретъ ихъ. Тѣмъ временемъ, когда совершается отпѣваніе и погребеніе умершаго, въ домѣ, гдѣ умеръ человѣкъ, все прибираютъ и моютъ. Этимъ дѣломъ занимаются женщины, родственницы умершаго. Затѣмъ къ прибытію людей, участвовавшихъ въ погребеніи, приготовляется поминальная трапеза. Трапеза эта состоитъ изъ чая съ сахаромъ и, если есть, съ медомъ, блиновъ съ медомъ, лепешекъ, каши, а иногда и мяса. Когда умретъ хозяинъ дома, употреблявшій водку, поминаютъ и водкой. Состоятельные люди, впрочемъ, почти при всякихъ похоронахъ покупаютъ водку и угощаютъ ею своихъ родственниковъ, принимавшихъ участіе въ погребальныхъ хлопотахъ. Въ день погребенія особыхъ поминокъ не бываетъ. Почти всегда рыв-

шимъ могилу и погребавшимъ покойника предлагается его родственниками баня, въ которой они моются до трапезы. Затѣмъ всѣ расходятся по домамъ и не являются въ домъ умершаго до дня поминокъ. Существуетъ, впрочемъ, повѣрье, что душа умершаго до трехъ дней навѣщаетъ домъ, гдѣ жилъ умершій, и потому хозяева дома нерѣдко приглашаютъ кого-либо изъ родственниковъ или сосѣдей на ночь и нѣкоторые проводятъ эти ночи въ бодрствованіи при свѣтѣ лампы или свѣчки [1]). Если умерла дѣвица, то ходятъ въ этотъ домъ подруги умершей нерѣдко съ парнями и проводятъ ночь въ игрѣ въ карты или въ шашки. Проведеніе этихъ ночей безъ сна называется „урын саклау"—храненіе мѣста (покойника), потому что нерѣдко на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ человѣкъ, хозяева стелютъ постель. Существуетъ повѣрье, что душа является иногда въ видѣ бабочки [2]), или человѣческой тѣни и даже въ видѣ самого умершаго. Эти ночи небезстрашны и рѣдкій человѣкъ въ это время рѣшается выйти на дворъ одинъ.

Загробная жизнь умершихъ составляетъ для человѣка тайну. Но для крещеныхъ татаръ эта тайна иногда открывается людьми, подвергшимися летаргическому сну. Такой сонъ и самъ по себѣ составляетъ для крещеныхъ татаръ великую тайну, доступную лишь для избранныхъ Богомъ людей, черезъ которыхъ Онъ открываетъ будущую загробную судьбу людей. Поэтому летаргическій сонъ и называется не сномъ, а „мярдкя китеӯ", что значитъ „отшедшій къ возвращенію", разумѣется съ того свѣта [3]). Узнать „мярдкя китеӯ" очень трудно. Опре-

---

[1]) Языческій обычай не спать въ первыя 3 ночи послѣ смерти покойника существуетъ и у др. тюркскихъ племенъ, напр. у бельтиръ Енис. губ. См. «Изв Общ. Арх., Ист и Этн.», т. XII, стр. 119.

[2]) По вѣрованіямъ киргизъ душа спящаго человѣка летаетъ надъ землею въ образѣ мухи; поэтому мухъ рѣдко убиваютъ. См. статью *А. А. Диваева* «Киргиз. былина о Бикетъ-батырѣ. Казань, 1897», стр. 53.

[3]) مردّکا کیتو

дѣлить это состояніе можно лишь по нѣкоторымъ признакамъ, какъ-то: по очень слабому, замѣтному лишь нѣкоторымъ людямъ, біенію пульса (тамыр тибеў), по едва замѣтной теплотѣ подъ мышками, чуть замѣтному расширенію ноздрей и пр. Такъ какъ „мярдкя китеў“ продолжается иногда очень долго, напр. 3—7 дней, то во многихъ случаяхъ, говорятъ крещеные татары, по незнанію такихъ людей принимаютъ за умершихъ и хоронятъ. Подтвержденіемъ тому служатъ разсказы о томъ, что такіе-то, тогда-то, отходя отъ могилы послѣ погребенія, слышали отчаянные голоса въ могилѣ; нѣкоторые-же объясняютъ это по-мухаммедански, т. е. явленіемъ къ погребенному ангеловъ смерти Мункира и Накира, которые допрашиваютъ умершаго въ могилѣ о его вѣрѣ и проч. Иногда случается, что „мярдкя китеў“ продолжается не болѣе сутокъ. Но всегда „мярдкя китеў“ бываетъ во время тяжкой болѣзни, напр. горячки. Послѣ возвращенія съ того свѣта, т. е. по пробужденіи отъ летаргическаго сна, больной скоро выздоравливаетъ и, оправившись отъ болѣзни, припоминаетъ все видѣнное на томъ свѣтѣ. Для характеристики такихъ видѣній я привожу здѣсь одинъ разсказъ, слышанный мною назадъ тому 15 лѣтъ въ селѣ Савалеевѣ Мензелинскаго уѣзда отъ самого „бывшаго на томъ свѣтѣ“ Ѳеодота Леонтьева. Разсказъ этотъ я слышалъ и послѣ нѣсколько разъ отъ другихъ лицъ, передававшихъ слова этого Леонтьева въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Вотъ главное содержаніе этого разсказа.

Бер табкыр Ляўянтей Пидуты каты чирляб жаткан. Жяй кӧнӧ эш багыты булгачын жамагатлары аны жангыз калдырыб кырга киткянняр.

Карчыгы Ўркяй-дя киткян икян. Ул шулай жата торгач бик ауырайыб киткян-дя истян жазган. Бу иртя-белян булган. Иссяляннеб ўлгян-кюк булыб ул кичкя-чаклы жаткан. Тик кичкя-таба-гына жамагатлары кайтыр алдыннан ангар ис керган.

Тик ул жамагатлары кайткач бер тяўлекья-чаклы аларга бер сюз дя ăйтя алмый жаткан. Икенче кöннö ангар тел кереб эчяргя ашарга сораб алган. Шуннан суң ул отордан—оторо ис жыя башлаган. Öч кöннян суң ул тороб аякка жöрöй башлаган. Шул öч тяўлек эчендя ул ўзе ней кюргянне исябляб жатыб исе киткян. Анын элеке кöннö ăлсез булыб жатыуы мярдкя китеў булган икян. Мярдкя китеб кюргяннярен ул сунгыннан кюб кешегя сöйляште. Тик ангар теге дöньядя беряў ăйткян икян: син мында кюргяненгне кешелярга сöйляшсянг озак гумер итмяссенг, тиз ўлярсенг диб. Шуннызтан ул мярдкя киткяннян суң дюрт-биш жыл-гына тордо. Теге дöньядя анын кюргянняре бигеряк айырмачык булган. Ул ўзе ничек итеб теге дöньядя жулыкканын бердя белмей, тик кюргянен-геня ăйтя. Мына мин кюрдемдей: зыяратнын астында зур ауыл икян. Урамы зыяраттан тегермянгя-таба бик озон урам икян. Ул урамда ăр тöрлö жортлар арасында минга кюбесен кем жорто икянен ăйттеляр. Ул жортларнын кайсыларында ўлгян кешеляр торалар икян, кайсылары ўлясе кешелярга ăзерлянеб куйылган икян. Бер жортно „бу синен жортонг“ диб минга кюрсяттеляр. Ул жортнон эченя кергяч минга бик эямне тейде: анын эче бик жакты эйе ăр тöрлö тямнеисляр татыб торган. Аннары шул жорт-белян жяняшя бер жорт кўрсяттеляр „мына бу синенг карчыгынг Ўркяй жорто“ диб. Ул жортнон эченя кереб карагач бик жакты, бик эямне тейде, тик бер почмагы ăзряк карангырак ыйы. Мин „бу ник бер почмагы карангы“ диб сорагач, минга ăйтгеляр: „синенг карчыгынгнын тормошонда садака бирясе жирляре бар“ диб. Шушы öйдян чыгыб урам-белян бара торгач мин бер читяннян ўреб балчык-белян сылаган бик кечкеня бер тяряззяле начар öй кўрдем. „Бу кем öйö“ диб сорагач минга ăйттеляр: „бу Озон Питер öйö“ диб. Урамны ўтеб чыккач мине бер тöшкя алыб бардылар. Анда баргач минем котом чыкты. Ней öйöнг дисягез—ул тöштя бик эямсез зур казаннар кайнаб тора-дыр ыйы. Шул казаннарнын астына бер туктамый утын салыб торалар, эченя сыу öстяб торалар икян. Казаннар

эчендя кешелярнен башлары-гына кюреееб кайнаб жаталар. Шушында мин ӓлля кайчан ӳлгян Пимула Микитен кюрдем. Ул ыска-гына тездян жугары кюн кейем кейеб казан астына бик зур кочак утын китереб ташлады. Аннары шундук кюбтянюк ӳлгян Мутка Жяпимен кюрдем. Ул бик зур чиляк-белян казанга сыу китереб салды. Шуларны кюреб котом чыгыб мин кычкыра башладым. Минга айттеляр: „син мында кычкырсанг ӳлярсенг“ диб. Шуннан сунг былар бар-да жук булды-да мин ис жыя башладым.

Однажды Ѳеодотъ Леонтьевъ сильно захворалъ и лежалъ въ постели. Такъ какъ было лѣтнее рабочее время, то семейные оставили его одного и ушли въ поле на работу. Старуха его Ирина тоже ушла. Когда онъ лежалъ такимъ образомъ, ему сдѣлалось очень тяжело и онъ лишился сознанія. Это было утромъ. Лишившись сознанія, онъ сдѣлался какъ мертвый и лежалъ (въ такомъ положеніи) до вечера. Только вечеромъ предъ возвращеніемъ семейныхъ у него явилось сознаніе. Но только онъ, когда вернулись семейные, до истеченія сутокъ не могъ сказать имъ ни одного слова На другой день у него явилась возможность говорить и онъ попросилъ пить и ѣсть. Послѣ этого у него все болѣе и болѣе стало возвращаться сознаніе. По истеченіи трехъ дней онъ всталъ на ноги и сталъ ходить. Въ продолженіе этихъ трехъ дней онъ думалъ о томъ, что̀ видѣлъ, и удивился. То, что онъ лежалъ въ первый день безъ чувствъ, было „мярдкя китеӳ“ (отшествіе его на тотъ свѣтъ для возвращенія въ этотъ свѣтъ). О томъ, что онъ видѣлъ во время своего отшествія, разсказывалъ онъ многимъ людямъ. Однако ему на томъ свѣтѣ сказалъ нѣкто: „если ты разскажешь о томъ, что видѣлъ здѣсь, людямъ, то проживешь недолго, умрешь“. Потому-то онъ и жилъ послѣ своего отшествія и возвращенія (съ того свѣта) лишь 4—5 лѣтъ. То, что онъ видѣлъ на томъ свѣтѣ, было весьма ясно. Онъ самъ-же нисколько не знаетъ, какимъ образомъ попалъ

на тотъ свѣтъ, и говоритъ только то, что видѣлъ. Говоритъ онъ: „вотъ я видѣлъ—подъ кладбищемъ большая деревня. Улица ея длинная отъ кладбища до мельницы. На этой улицѣ есть различные дома. Между этими домами мнѣ показали много домовъ и назвали ихъ хозяевъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ жили умершіе, иные-же были приготовлены для тѣхъ, которые еще не умерли. Мнѣ показали одинъ домъ и при этомъ сказали: „вотъ это твой домъ". Когда я вошелъ въ этотъ домъ, мнѣ показалось очень красиво: внутренность его была очень свѣтлая, была полна разными благовоніями. Потомъ рядомъ съ этимъ домомъ показали мнѣ другой домъ и сказали: „вотъ этотъ домъ твоей старухи Ирины". Когда я вошелъ въ этотъ домъ и посмотрѣлъ, мнѣ показалось очень свѣтло и очень красиво, только одинъ уголъ былъ немножко темноватъ. Когда я спросилъ: „отчего этотъ уголъ теменъ?", мнѣ сказали: „у твоей старухи есть въ жизни дѣла, за которыя ей слѣдуетъ творить милостыню". Вышедши изъ этого дома, я пошелъ по улицѣ и увидалъ маленькую плохенькую въ одно окошко избу, сдѣланную изъ плетня и обмазанную глиной. Когда я спросилъ: чья эта изба?",—мнѣ сказали: „эта изба Петра Долгаго". Когда прошли улицу, меня привели въ одно мѣсто. Пришедши въ это мѣсто, я ужаснулся. Почему? скажете вы: тутъ находились большущіе кипящіе котлы. Подъ эти котлы непрестанно подкладываютъ дрова и въ котлы постоянно наливаютъ воды. А въ котлахъ кипятъ люди, только ихъ головы виднѣются. Здѣсь я видѣлъ неизвѣстно когда (т. е. очень давно) умершаго Никиту Пимулина. Онъ былъ одѣтъ въ коротенькую выше колѣнъ кожаную одежду, принесъ большущее беремя дровъ и бросилъ подъ котелъ. Тутъ-же я видѣлъ давно умершаго Ефима Муткина. Онъ принесъ большущее ведро воды и влилъ въ котелъ. Видя все это, я въ ужасѣ сталъ кричать. Мнѣ сказали: „ты здѣсь не кричи, если будешь кричать, то умрешь". Послѣ этого видѣніе прекратилось, и я сталъ приходить въ сознаніе.

Дѣйствительно ли Ѳеодотъ Леонтьевъ находился въ состояніи летаргическаго сна и видѣлъ во снѣ все то, что онъ

потомъ разсказывалъ, или вышеприведенныя видѣнія его есть просто вымыселъ съ цѣлію подтрунить надъ своей довѣрчивой старухой и досадить Петру Долгому, съ которымъ онъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ, или же, наконецъ, онъ былъ въ загадочномъ состояніи, подобномъ состоянію Мухаммеда, передававшаго о своемъ путешествіи по небесамъ [1]),—для нашей цѣли безразлично. Важенъ лишь тотъ фактъ, что этотъ и подобные этому разсказы о загробныхъ видѣніяхъ почти повсюду принимаются за дѣйствительныя видѣнія и какъ нельзя лучше выражаютъ представленіе крещеныхъ татаръ о загробной жизни.

Подобные этому разсказы о посѣтившихъ тотъ свѣтъ лицахъ я слышалъ и въ другихъ деревняхъ Мензелинскаго и Белебеевскаго уѣздовъ. Въ деревнѣ Сарапалѣ Мензелинскаго уѣзда напр. мнѣ говорили о какой-то женщинѣ, по имени Гöрпöй—Агрипина, лежавшей въ состояніи „мярдкя китеў“ двое сутокъ; въ Ѳеодоровкѣ Мензелинскаго же уѣзда говорили о дѣвушкѣ, видѣвшей чудныя райскія обители; въ Калейкинѣ—о дѣвушкѣ изъ деревни Аналыкъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи, видѣвшей тѣ-же обители и пр. Описывать подробно всѣ эти видѣнія я не считаю нужнымъ; достаточно сказать, что они въ общемъ сходны съ вышеприведенными видѣніями Ѳеодота Леонтьева. Всѣ эти видѣнія происходятъ гдѣ то подъ землей,—подъ тѣми мѣстами, гдѣ находятся кладбища. Блаженство праведныхъ изображается въ нихъ спокойной и радостной жизнью въ свѣтлыхъ домахъ и отсутствіи страданій. Страданія грѣшниковъ изображаются жизнью въ тѣсныхъ и темныхъ избушкахъ въ родѣ избы Петра Долгаго. Мученія-же величайшихъ грѣшниковъ представляются въ кипящихъ котлахъ и въ тяжкихъ работахъ въ „аду“, подобно Никитѣ Пимулину и Ефиму Муткину.

[1]) См. 1) «Свѣдѣнія о Коранѣ, *Г. Саблукова*. Казань, 1884», стран. 190—223. 2) «Mirâdj—nâmeh, par *A. Pavet de Courteille*. Paris, 1882».

При этомъ я нигдѣ не слышалъ о томъ, ѣдятъ ли пищу за гробомъ, или нѣтъ? Судя потому, что слова „пища“ и „ѣда“ въ разсказахъ отсутствуютъ, можно предполагать, что крещеные татары не допускаютъ возможности ѣсть въ этихъ подземныхъ домахъ. А такъ какъ умершіе за гробомъ живутъ почти такъ-же, какъ и живые на землѣ, т. е. и съ тѣломъ и душой, одѣваются въ одежды и пр., то слѣдовательно имѣютъ потребность и въ пищѣ. Но пищи нѣтъ и на томъ свѣтѣ и для того, чтобы поддержать свою загробную жизнь, умершіе невидимо получаютъ пищу отъ своихъ родныхъ, остававшихся въ живыхъ. Для этого умершіе невидимо (видимо лишь нѣкоторыми прозорливыми) выходятъ изъ своихъ могилъ и являются въ свои родные дома каждый разъ, когда происходятъ въ нихъ поминовенія умершихъ. Съ этой цѣлью и справляются у крещеныхъ татаръ всѣ поминки, къ описанію которыхъ мы и переходимъ.

II. Поминальные обряды.

Крещеные татары Уфимской губерніи совершаютъ поминовенія умершихъ различнымъ образомъ. Во первыхъ у нихъ различаются поминки по одномъ умершемъ и по всѣхъ сродникахъ (родительскія). Къ перваго рода поминовеніямъ относятся 1) поминки, совершаемыя въ третій день по смерти, называемыя öчöсе—третины; 2) въ седьмой день—жидесе-седьмины; 3) въ сороковой день—кырвы—сорочины; 4) черезъ годъ и болѣе—аш уздырыу (буквально отправленіе или проводы пищи)—годовщина. Ко втораго рода поминовеніямъ относятся поминки, справляемыя въ извѣстные дни и по особымъ случаямъ. Дни поминовенія всѣхъ умершихъ родителей и родственниковъ слѣдующія: 1) каждый четвергъ въ недѣлѣ кече-атна, атна-кич, 2) Симек кöн—день семикъ, бываетъ въ четвергъ передъ Прощенымъ днемъ; 3) Пукрау—Покровъ,—бываетъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ за два дня до праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, а въ другихъ въ самый

17

Покровъ; 4) Ӳле чыккан-кӧн день выхода умершихъ, бываетъ въ четвергъ на страстной недѣлѣ. По особымъ случаямъ совершаются поминовенія тогда, когда въ домѣ случится какое либо несчастье, объясняемое ясновидящими людьми гнѣвомъ умершихъ за невниманіе со стороны оставшихся въ живыхъ родственниковъ. Поминки въ третій день послѣ смерти кого бы ни было обязательны для всѣхъ—богатыхъ и бѣдныхъ. До совершенія этихъ поминокъ душа умершаго находится безъ опредѣленнаго мѣста: она бываетъ то на могилѣ, то дома. Лишь по совершеніи третинъ она получаетъ отъ Бога опредѣленное мѣсто.

Третины или ӧчӧсе справляются слѣдующимъ образомъ. Къ вечеру дня, который приходится третьимъ по исходѣ души изъ тѣла умершаго, приготовляются кушанія. Пекутъ хлѣбъ, блины, варятъ курицу или утку, разводятъ медъ для сыты и пр. Передъ вечеромъ посылаютъ мальчика или дѣвочку повѣщать ближайшихъ родственниковъ о имѣющихъ быть вечеромъ поминкахъ—третинахъ. Въ этотъ разъ—на ӧчӧсе—приглашаютъ лишь изъ трехъ домовъ. Приглашающій мальчикъ при этомъ не входитъ въ домъ, а разговариваетъ съ хозяевами дома черезъ окно. Приглашенные—большею частію мужъ съ женой и въ рѣдкихъ случаяхъ одна изъ старшихъ въ домѣ женщинъ, напр. мать хозяина,—являются непремѣнно съ своимъ хлѣбомъ, блинами или какимъ либо печеніемъ на сковородѣ. Печеніе на сковородѣ называется „таба исе чыгарыу"—„производство сковороднаго запаха"—и составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго поминовенія. Приходя въ домъ, гдѣ происходятъ поминовенія, приглашенные родственники ставятъ свои кушанія вмѣстѣ съ кушаніями, поставленными хозяевами дома. Кушанія ставятся въ трехъ блюдахъ на столъ, покрытый бѣлою скатертью, на мѣсто, гдѣ умеръ поминаемый человѣкъ, и на шестокъ—„уша башы". Кушанія, поставленныя на „уша башы", назначаются для умершаго и состоятъ изъ того же, что на столѣ. Кромѣ того на столъ ставятъ сосудъ съ пивомъ, виномъ, если поминаютъ употре-

блявшаго вино, а иногда, если поминающіе люди бѣдные или поминаемый—младенецъ, ставятъ только воду. Затѣмъ постилаютъ на лавки вокругъ стола кошмы и кладутъ подушки, предназначая это для сидѣнія умершему, котораго поминаютъ, и тѣмъ изъ умершихъ, которые являются сюда съ нимъ. Это дѣлается при каждомъ поминовеніи. Послѣ того, какъ кушанія поставлены по надлежащимъ мѣстамъ и мѣста для сидѣнія умершихъ приготовлены, ставятъ на „божницу" передъ иконами зажженныя восковыя свѣчки. Таковыя-же свѣчки ставятъ и на трехъ блюдахъ на столѣ, нарахъ и „уша башы". Иногда, если свѣчъ много, ставятъ ихъ и у котла, гдѣ варилось кушаніе, и на дверяхъ, и на окнахъ. Поставивши свѣчки, молятся съ крестнымъ знаменіемъ, произнося кто что вздумаетъ и кто какъ умѣетъ молиться. Помывшись, всѣ поочередно, по одному и по два, подходятъ къ столу и, произнося слова „теяберсен, алдында булсын, жомак ашы булсын",—„да достигнетъ цѣли, да будетъ (пища) передъ нимъ, да будетъ (у него) райская пища!", съѣдаютъ по кусочку и по ложкѣ изъ каждаго блюда. Затѣмъ каждый изъ поминающихъ отпиваетъ изъ сосуда то, что предложено, отливъ предварительно нѣсколько капель—часть покойнаго—на полъ. Къ поминовенію, кромѣ старшихъ въ домѣ и приглашенныхъ родственниковъ, никто не допускается ни изъ семейныхъ, ни изъ постороннихъ, если таковые въ это время будутъ въ домѣ. Послѣ поминовенія за столомъ бываетъ поминовеніе на дворѣ. Для этого берутъ на дворъ тѣ кушанія, которыя были положены на мѣсто, гдѣ умеръ поминаемый, и тѣ, которыя были на шесткѣ—„уша башы". Берутъ туда также и питье, какое было при поминовеніи въ домѣ. Вышедши на дворъ, всѣ поминающіе становятся въ группу, держа въ рукахъ блюда съ кушаніями и сосудъ съ питьемъ (иногда все это ставятъ на вынесенный изъ дома столъ). Затѣмъ поминаютъ здѣсь умершаго такъ же, какъ и въ домѣ, т. е. такъ же откусывая и отпивая съ произношеніемъ вышеприведенныхъ словъ. Окончивши поминовеніе,

17*

всѣ идутъ за ворота озатырга—„провожать“ поминаемаго. При этомъ старухи иногда поютъ пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Престольскій піала,
Шкабтан тӧшӧб уалсын;
Безнен туган апат булды,
Жомакка кереб кыуансын.

* * *

Кимя, кимя кер жыудык,
Кибяр дидек кибмяде;
Кайтыр дидей кӧтяр əйек,
Кайтыр жиргя китмяде.

* * *

Ишя торган арканым
Ат муйнында черейдер;
Апакай жӧзлӧ бябекяем
Жир куйнында черейдер.

Хрустальное стекло пусть разобьется,
Падая изъ шкапа;
Нашъ родной умеръ,
Пусть радуется,—войдя въ рай.

* * *

Мыли бѣлье въ нѣскольких лодкахъ,
Думали, что высохнетъ, но не высохло;
Ждали бы, думая, что вернется,
Но онъ (умершій) уже не вернется:
Не въ такое мѣсто ушелъ,
Откуда можно вернуться.

* * *

Арканъ, который я не кончилъ вить,
Гніетъ на шеѣ лошади;
Дитятко мое съ бѣленькимъ личикомъ
Гніетъ въ нѣдрахъ земли.

Проводивши умершаго за ворота, всѣ идутъ въ домъ и садятся за столъ. Къ этому времени къ кушаніямъ, бывшимъ на столѣ, прибавляются еще другія кушанія или же добавляютъ изъ тѣхъ же кушаній. Иногда приготовляютъ чай. За столъ садятся и тѣ изъ семейныхъ, которые не участвовали въ поминовеніи, не исключая и постороннихъ лицъ, случившихся въ это время въ домѣ. Старшіе члены семьи садятся за одинъ столъ съ приглашенными на поминки, а для младшихъ съ дѣтьми накрываютъ другой столъ или же подаютъ имъ на нары. Прислуживаютъ за столомъ хозяйка дома и нѣсколько постороннихъ женщинъ. Обычныхъ при всякомъ угощеніи гостей словъ „кушайте, ѣшьте, пейте“ при поминкахъ не употребляютъ. Кушаній гостямъ, какъ принято въ другое время, не подкладываютъ, и кашу въ чашкѣ не поправляютъ. Всѣ ѣдятъ и пьютъ до сыта и изъ остатковъ кушаній надѣляютъ приглашенныхъ. Послѣ трапезы приглашенные родственники уходятъ по своимъ домамъ, неся хлѣбъ и блины, намазанные медомъ, и остатки отъ другихъ кушаній. Этотъ хлѣбъ и кушанія съѣдаются всей семьей съ поминовеніемъ умершаго, по которомъ справлялись поминки. Этимъ и заканчивается поминовеніе въ третій день ӧчӧсе.

Жидесе—седьмины совершаются въ седьмой день по смерти. Разница въ поминовеніи въ седьмой день заключается въ томъ, что родственники приглашаются изъ семи домовъ и кушанія ставятся на столъ въ семи блюдахъ. Такъ какъ приглашенныхъ на поминки въ этотъ день бываетъ болѣе, чѣмъ въ третій день, слишкомъ вдвое, то и кушанія приготовляются болѣе, чѣмъ вдвое, сравнительно съ прежнимъ. Для

этого закалываютъ гуся, курушку, а иногда и барана или овцу. Обрядъ поминовенія тотъ же, что и въ третій день. Лишь, провожая умершаго, иногда поютъ другія пѣсни, напримѣръ:

Минем атым кюк журга
Менеб китте тауга ўргя;
Кюзебез туя кюрмей калдык,
Кереб китте, туганай, тар гюргя.

* * *

Без жöрöйбез ат белян,
Ауыр булмаса ыйы ўрляре;
Äтекяй безгя бахиллек бирде,
Тар булмасын жаткан гюрляре.

* * *

Кюккя меняр эйем бачкыч жук,
Менгяч тöшяргя чылбыр жук,
Сагынсак ничек итейек,
Барыб кюрешергя жола жук.

Моя лошадь—сѣрый иноходецъ
Поднялась и ушла въ гору, въ холмъ;
Не насмотрѣлись наши глаза до сыта,
Нашъ родной скрылся въ тѣсную могилу.

* * *

Мы ѣздимъ на лошади,
Какъ бы не было тяжело въ гору;
Батюшка нашъ далъ намъ благословеніе,
Пусть не будетъ тѣсной могила,
Въ которой онъ лежитъ.

* * *

Взошелъ бы на небо, нѣтъ лѣстницы;
Если взойдешь, нѣтъ цѣпи, по которой спускаться;
Чтожъ мы подѣлаемъ, если скучаемъ:
Нѣтъ возможности ходить
(На тотъ свѣтъ) и видѣться.

Кырки—сорочины, какъ показываетъ названіе, должны совершаться въ сороковой день по смерти. Но на самомъ дѣлѣ повсемѣстно дѣлаютъ эти поминки гораздо раньше. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ Селѣ Бурдахъ напр. кырки дѣлается обыкновенно въ 21-й или 23-й день по смерти; въ селѣ Большихъ Атахъ въ 17 или 20 день; въ деревнѣ Ѳеодоровкѣ въ одинъ изъ дней между 20—40 по смерти, а въ селѣ Саваееевѣ того же уѣзда седьмины и сорочины справляются вмѣстѣ въ одинъ изъ дней между 9-мъ и 40-мъ днями. Въ этотъ разъ приглашаются на поминки почти всѣ родственники, живущіе въ селеніи, гдѣ происходитъ поминовеніе. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ приглашаютъ опредѣленное число домовъ. Такъ въ деревнѣ Ѳеодоровкѣ приглашаютъ изъ 9 или 11 домовъ. Состоятельные люди рѣжутъ для поминокъ овцу, а бѣдные гуся. Многіе варятъ пиво и покупаютъ водку. Самое поминовеніе въ кырки ничѣмъ не отличается отъ поминовенія въ жидесе.—Самое главное и послѣднее поминовеніе умершаго „аш уздырыу"—годовщина совершается черезъ годъ, иногда же по несостоятельности гораздо позже: въ 3-й, 5, 7 и 9 годы (обязательно въ нечетный годъ). Для этого поминовенія закалывается у состоятельныхъ корова, а у бѣдныхъ телка или овца. Если же поминаютъ умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ, то и богатые закалываютъ телку или овечку. Мясо зарѣзаннаго животнаго раздѣляютъ пополамъ и всю лѣвую сторону варятъ въ нарочно приготовленныхъ на дворѣ котлахъ или же, за неимѣніемъ такихъ котловъ, разносятъ мясо варить по сосѣдямъ. Хозяинъ дома, гдѣ совершается поминовеніе, поку-

паетъ $^{1}/_{4}$—1 ведра водки. Приготовленіемъ пищи у котловъ занимаются посторонніе люди изъ родственниковъ—мужчины и женщины. Въ то время, когда варится мясо, хозяева посылаютъ своихъ дѣтей звать всѣхъ своихъ родственниковъ, сосѣдей и пріятелей. Иногда заранѣе повѣщаютъ о днѣ поминовенія и такихъ родственниковъ, которые живутъ въ другихъ селеніяхъ верстъ за 15—40. Къ вечеру собирается приглашенныхъ гостей до того много, что имъ не хватаетъ мѣста въ домѣ. Поэтому иные изъ родственниковъ остаются на дворѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ поставлены кушанія на столы. Кушанія готовятся не только въ котлахъ, но и въ печахъ. Необходимую принадлежность, кромѣ блиновъ, въ этотъ разъ составляютъ 40 булокъ—гердя. Во многихъ мѣстахъ, напр. въ Савалеевѣ, Ѳеодоровкѣ, Калейкиной, Сарапалѣ Мензелинскаго уѣзда приглашенные приносятъ свои кушанія—хлѣбъ, блины, медъ—и по одной бутылкѣ водки или пчеляки $^{1}/_{4}$ ведра меду. Когда все будетъ приготовлено и разставлено по столамъ, которыхъ бываетъ накрыто 3—5, начинается поминовеніе. Зажигаютъ множество восковыхъ свѣчъ и огарковъ и ставятъ ихъ кто предъ иконами, кто на столъ, кто лѣпитъ на блюда, кто на косяки дверей, кто на окна, кто на брусы полатей и нѣкоторые даже на двери въ сѣняхъ и на крыльцѣ. Чѣмъ свѣтлѣе будетъ при поминовеніи, говорятъ крещеные татары, тѣмъ свѣтлѣе будетъ въ жилищѣ умершаго на томъ свѣтѣ. Поставивши свѣчи, молятся съ крестнымъ знаменіемъ; помолившись минуты 2—3, начинаютъ по очереди подходить къ переднему столу для поминовенія. Поминаютъ, какъ всегда, откусывая и прихлебывая съ произношеніемъ: „теаберсен, алдында булсын“ и пр. Поминаютъ всегда стоя на ногахъ. Помянувши такимъ образомъ, выходятъ на дворъ провожать умершаго, который вмѣстѣ съ другими умершими родственниками невидимо присутствуетъ въ домѣ при поминовеніи. Провожать берутъ стулъ и подушку для сидѣнія умершему. Кромѣ блиновъ и говядины берутъ сюда одну бутылку водки и сосудъ пива или меду. Провожать выходятъ не всѣ, а лишь

нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, хорошо знающихъ порядки поминовеній. Выпивъ по рюмкѣ водки и закусивъ блинами и говядиной, запивъ пивомъ или медомъ, начинаютъ пѣть пѣсни, подобныя приведеннымъ выше. Проводивши умершаго за ворота, всѣ идутъ въ домъ и всѣ садятся за столы. Женщины садятся отдѣльно за передніе столы, а мужчины за другіе столы ниже первыхъ, ближе къ дверямъ. Передъ тѣмъ, какъ начать ѣсть, всѣ кушанія, принесенныя званными, складываютъ въ большія блюда или чашки (табак) вмѣстѣ съ кушаніями хозяевъ, а водку сливаютъ въ одинъ большой сосудъ или въ обыкновенное ведро. Затѣмъ всѣ ѣдятъ и пьютъ, и поминальный ужинъ къ концу походитъ скорѣе на свадебный пиръ, чѣмъ на поминки. Водку пьютъ не только мужчины, но и женщины. Пришедши отъ вина въ возбужденное—полупьяное состояніе, нѣкоторые начинаютъ пѣть обычныя житейскія иногда самыя веселыя пѣсни. Случается, что забредетъ какой либо „музыкантъ" съ гармоникой, скрипкой или балалайкой подъ мышкой и начинаетъ наигрывать единственныя знакомыя ему плясовыя пѣсни. Соблазнъ для плясуній—бабъ великъ и онѣ робко выходятъ изъ-за стола и начинается пляска сначала тихо по одной, а потомъ и попарно и по три все веселѣй и веселѣй. Такъ продолжаются „поминки" до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ изъ ведра до послѣдней рюмки и не съѣдятъ мясо до послѣдняго куска. Съѣсть непремѣнно должны все приготовленное мясо, т. е. всю лѣвую сторону животнаго, и лишь кости должны остаться цѣльными [1]). Мозги изъ костей не вынимаются, потому что нельзя ломать костей. Кости и объѣдки со столовъ бросаются собакамъ на дворъ.—Существуетъ повѣрье, что, чѣмъ торжественнѣе и веселѣе совершится поминовеніе, тѣмъ лучше и веселѣй будетъ жить умершему на томъ свѣтѣ. Поминки продолжаются далеко за

[1]) Языческій обычай, запрещающій ломать кости заколотаго животнаго, существуетъ и у др. тюрк. племенъ, напр. у китайскихъ киргизъ. См. томъ XII «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн.», стр. 133.

полночь и нѣкоторые изъ гостей уходятъ домой лишь передъ разсвѣтомъ, а иные, опьянѣвъ, остаются и на всю ночь.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Белебеевскаго уѣзда, напр. въ Умировой, Новыхъ Балыклахъ, Иликовой и въ селѣ Бакалахъ того же уѣзда на другой день послѣ поминокъ бываетъ слѣдующій обрядъ. Рано утромъ собирается молодежь, которая затѣмъ собираетъ на дворѣ обгложенныя кости животнаго, зарѣзаннаго для поминокъ. Собравши кости, молодежь несетъ ихъ въ одно опредѣленное мѣсто за околицей и при этомъ поетъ пѣсни. Вотъ двѣ изъ нихъ:

Ак келятня кергян чакта,
Уң жагымда калды бер бачкыч;
Акирятня кергян чакта
Бер Ходай бирсен тел ачкыч.

* *
*

Жӧгӧрӧб кердем бюлмягя,
Ӑдряс бишмят чӧйдя жук;
Безнен туганайны сорасагыз,
Жомакка китте, ӧйдя жук.

Когда я входилъ въ бѣлую клѣть,
Направо осталась одна лѣстница;
Когда онъ (умершій) будетъ входить
Въ загробную жизнь, пусть Одинъ Богъ
Дастъ ему ключъ языка.

* *
*

Бѣгомъ вошелъ въ комнату,
(Хвать) шелковаго бешмета нѣтъ на вѣшалкѣ;
Если спросите про нашего родного,
То его нѣтъ дома, ушелъ въ рай.

Поминовеніе умершихъ въ четвергъ каждой недѣли состоитъ въ томъ, что къ вечеру этого дня хозяйка дома приготовляетъ кушаніе получше, чѣмъ въ прочіе дни недѣли,— варитъ, напр., кашу—кыстыбый, а иногда и мясо. Иной разъ пекутъ и блины, что для умершаго гораздо лучше, потому что изъ печи распространяется сковородный запахъ, о значеніи котораго сказано выше. Приготовивши какое либо изъ названныхъ кушаній, хозяйка накрываетъ столъ, ставитъ туда въ маленькомъ блюдѣ кушаніе, беретъ воды въ ковшикѣ, который ставитъ также на столъ, постилаетъ на лавку кошму, кладетъ туда-же подушку и поминаетъ описаннымъ выше образомъ всѣхъ умершихъ родственниковъ, называя ихъ по имени при словѣ теяберсен. Поминовеніе обыкновенно совершаетъ хозяйка одна, а остальные члены семьи въ это время сидятъ подальше отъ стола на лавкахъ и нарахъ. Но строго запрещается въ это время сидѣть на шесткѣ—уша башы—и разговаривать громко. Когда хозяйка дома окончитъ поминовеніе, т. е. перечислитъ всѣхъ умершихъ съ откусываніемъ за каждымъ именемъ по кусочку,—отпиваетъ изъ ковша воды, предварительно выливъ на полъ нѣсколько капель. Затѣмъ вся семья садится за столъ и съѣдаетъ приготовленное кушаніе, въ томъ числѣ и ту часть, которая была на столѣ при поминовеніи.

Поминовеніе въ семикъ состоитъ въ томъ, что въ этотъ день утромъ закалываютъ 3—5 курицъ, которыхъ варятъ вечеромъ въ котлѣ. Тѣмъ временемъ, пока варятся курицы, пекутъ блины и приготовляютъ какія либо другія кушанія. Когда всѣ кушанія приготовлены, совершаютъ поминовеніе такъ-же, какъ и во всѣ четверги. Послѣ поминовенія приготовленныя кушанья съѣдаются всей семьей.

Поминовеніе въ Покровъ есть самое большое и главное поминовеніе въ году. Къ этому поминовенію начинаютъ готовиться дня за два и болѣе: варятъ пиво, пчеляки дѣлаютъ медъ, покупаютъ водку. Въ самый день поминовенія утромъ каждый домохозяинъ рѣжетъ одну овцу, 3—5 курицъ иногда,

гуся или курушку. Женщины пекутъ хлѣбы, пироги, начиненные разною овощію (рѣпой, морковью, свеклой и пр.), ватрушки изъ творогу (ремчек) и проч. Не смотря на то, что поминовеніе во многихъ деревняхъ происходитъ за два дня до праздника Покрова, день поминовенія считается праздникомъ и потому въ этотъ день прекращаются всѣ работы и все принимаетъ праздничный видъ: всюду въ домахъ чистота, на всѣхъ чистыя праздничныя одежды, парни и дѣвки снуютъ по улицамъ въ самыхъ нарядныхъ одеждахъ. По переулкамъ мальчики играютъ въ клюки съ шариками (кяшякя—шара). Къ полднямъ всѣ кушанія бываютъ готовы и совершается поминовеніе. Такъ какъ въ этотъ день приготовляется множество кушаній, то и поминовеніе продолжается дольше обыкновеннаго: изъ каждаго кушанія нужно помянуть каждаго умершаго родственника по имени. Послѣ поминовенія въ домѣ каждая хозяйка, а иногда и остальные члены семьи, не исключая и дѣтей, идутъ на кладбище. Придя на кладбище, каждая семья совершаетъ поминовеніе надъ могилой своихъ родныхъ. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ селахъ заведено священниками служить въ этотъ день на могилахъ панихиды и потому поминовеніе въ Покровъ въ настоящее время напоминаетъ русскую „Радоницу". Помолившись на могилахъ, садятся около нихъ группами и угощаются семьи взаимно. Многіе приносятъ сюда вино и медъ, которыми также угощаютъ другъ—друга. Возвратившись съ кладбища, начинаютъ ѣсть и пить сначала каждая семья у себя дома, а потомъ родственники и сосѣди составляютъ отдѣльныя группы и поочередно пируютъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. Такая пировня въ хорошіе урожайные годы продолжается по два и по три дня. Пока пируютъ старшіе, молодежь днемъ играетъ и веселится на улицахъ въ своихъ праздничныхъ костюмахъ, а по вечерамъ составляетъ хороводы, которые продолжаются далеко за полночь. Поминки въ Покровъ называются тюгемчячем—проливаніе—просыпаніе. Такое названіе дано этимъ поминкамъ вѣроятно потому, что при поминовеніи, какъ и

всегда, часть каждаго питья отливаютъ изъ сосуда на полъ, и потому еще, что остатки кушаній пропадаютъ даромъ, такъ какъ готовится всего много, кушанія не съѣдаются и остатки бросаются собакамъ.

Назадъ тому около 20 лѣтъ кромѣ описанныхъ поминокъ повсемѣстно совершали поминовенія въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Поминовеніе въ этотъ день почти ничѣмъ не отличалось отъ поминовенія въ семикъ, т. е. рѣзали курицъ, пекли блины и пр. Но, такъ какъ въ послѣднее время крещеные татары за исключеніемъ не многихъ склонныхъ къ мухаммеданству соблюдаютъ Великій постъ, то вмѣсто скоромной пищи поминаютъ постной пищей, а въ нѣкоторыхъ селахъ поминовенія въ этотъ день и вовсе не бываетъ. Не смотря на это, нигдѣ еще не исчезло вѣрованіе въ то, что въ этотъ день всѣ мертвецы выходятъ изъ своихъ могилъ, почему и называется этотъ день ӳле чыккан кӧн—день выхода мертвецовъ. Нѣкоторыя старухи увѣряютъ, что даже можно видѣть умершихъ—какъ они вереницами идутъ изъ кладбища въ деревню. Для того, чтобы видѣть ихъ, нужно залѣзть на крышу и, стоя около трубы, смотрѣть черезъ рѣшето по направленію къ кладбищу. Кромѣ обычныхъ поминовеній въ нѣкоторыхъ деревняхъ соблюдается въ этотъ день величайшая тишина въ домѣ: не производятъ стука топоромъ (не рубятъ), не ходятъ по сосѣдямъ просить чего либо и пр. Этимъ днемъ и заканчивается рядъ поминовеній, совершаемыхъ въ извѣстные дни въ продолженіе года.

Всѣ эти поминовенія для крещеныхъ татаръ обязательны. Малѣйшее уклоненіе отъ исполненія какого либо изъ описанныхъ поминокъ влечетъ несчастье. Умретъ, напр., корова или овца отъ неизвѣстной причины, ясновидящая старуха объясняетъ это гнѣвомъ какого либо изъ умершихъ и совѣтуетъ, во избѣжаніе новаго несчастья, совершить „экстренное“ поминовеніе. Это поминовеніе совершается не въ день обыкновенныхъ поминовеній и не въ четвергъ, а въ особый день, хотя ничѣмъ не отличается отъ поминовенія въ четвергъ. Экстрен-

ныя поминки нерѣдко совершаются и тогда, когда только будетъ замѣчено болѣзненное состояніе животнаго. Если животное заболѣло дѣйствительно отъ гнѣва умершаго, то по совершеніи поминокъ оно выздоравливаетъ. Въ такихъ случаяхъ старухами рекомендуется подавать въ память умершаго милостыню. Милостыню подаютъ, впрочемъ, и тогда, когда кто либо увидитъ во снѣ умершаго безъ надлежащей одежды. Если увидятъ умершаго безъ рубашки, подаютъ въ видѣ милостыни нищему рубашку; если безъ обуви—обувь, безъ шапки—шапку и т. д.

III. Примѣты и сны, предвѣщающіе смерть.

Нужно сказать, что вѣра въ *сны* очень распространена среди крещеныхъ татаръ и особенно среди женщинъ. По нимъ они могутъ отчасти узнавать будущую судьбу людей, объ участи умершихъ и пр. Есть личности, сны которыхъ отличаются особенной ясностью, и толкованія этихъ сновъ почти всегда сбываются. Кромѣ сновъ о будущемъ можно узнавать кое что и по примѣтамъ на яву. Вотъ нѣкоторые примѣты и сны, предвѣщающіе смерть:

1) *Примѣты на яву*: курица запоетъ пѣтухомъ, пристанетъ къ задней части ея соломинка; свалится копна, кладь, стогъ; если кто станетъ, окончивши класть стогъ, подравнивать снизу (кибян кюте кагыу), не дожидаясь спуска находящагося на стогу человѣка, умретъ послѣдній.

2) *Во снѣ*: строить новое зданіе, срубить дерево, ѣсть медъ, мясо; слышать колокольный звонъ; видѣть много священниковъ.

Изъ описанныхъ нами поминовеній видно, что по понятіямъ крещеныхъ татаръ умершіе выходятъ изъ своихъ могилъ и невидимо являются къ поминкамъ. Бывали случаи, говорятъ

крещеные татары, что они являлись нѣкоторымъ людямъ и видимо. Нерѣдко мертвые являются въ страшномъ видѣ. Принимаютъ, напр., видъ большущей копны, какъ это видѣли въ Савалеевѣ двое охотниковъ, возвращаясь съ охоты, при чемъ никакъ не могли стрѣлять въ это страшилище: ружья не дѣйствовали. Иногда мертвые загораживаютъ путь проѣзжающимъ. Такъ, напр., разсказывалъ мнѣ въ томъ же селѣ старикъ Прокопій: „Везъ я разъ, говоритъ, ночью къ больному священника; вдругъ лошадь на чистомъ мѣстѣ средь дороги останавливается. Я сталъ стегать и понукивать, а она ни шагу впередъ: кидается изъ стороны въ сторону да и только. Священникъ и говоритъ: „дѣло не ладно, Прокопій; погоди, я прочитаю молитвы“. Слѣзъ, обошелъ кругомъ съ молитвой и лошадь пошла впередъ. Смотрю впередъ подальше: словно большая копна перевалилась отъ дороги въ сторону къ кладбищу!“ Подобные разсказы о явленіи мертвыхъ около кладбища я слышалъ и въ другихъ деревняхъ. Поэтому кладбища считаются мѣстомъ страшнымъ и каждый, проходя мимо, не только ночью, но и днемъ творитъ про себя молитву. Страхъ болѣе усиливается тогда, когда замѣчены будутъ на могилахъ огни, которые нерѣдко видны издали лѣтомъ. Это явленіе приписывается крещеными татарами нехорошимъ людямъ изъ умершихъ, которые выходятъ изъ могилъ и скитаются по ночамъ повсюду. Это „убырлы кеше“ (упырь), говорятъ они. Также выходятъ въ каждую ночь изъ своихъ могилъ тѣ, кто умерли отъ вина—„опойцы“. Даже на могилахъ ихъ иногда замѣчаютъ отверстія. Кромѣ того, что опойцы пугаютъ по ночамъ людей, они причиняютъ большое зло еще тѣмъ, что отвлекаютъ отъ могилъ дождевыя облака (они терпѣть не могутъ воды), вслѣдствіе чего въ селеніи не бываетъ дождей и урожая. Во время продолжительнаго бездождія нерѣдко заливаютъ отверстія въ могилахъ (для этого нужно вылить на могилу непремѣнно 40 ведеръ воды), а иногда опойцевъ и вовсе вырываютъ изъ могилъ и зарываютъ ихъ въ болото.

Конечно это дѣлается тайно ночью, но тѣмъ не менѣе въ въ селеніи объ этомъ знаютъ даже дѣти.

Такой случай былъ назадъ тому около 10 лѣтъ въ деревнѣ Сарапалѣ и недавно въ селѣ Савалеевѣ Мензелинскаго уѣзда.

Въ заключеніе долгомъ считаю принести благодарность всѣмъ лицамъ, услугами которыхъ я пользовался при собираніи матеріаловъ для сей статьи: учителя Курчеевскаго училища *К. А. Маркова* въ Белебеевскомъ уѣздѣ, учителя Савалеевской школы *П. Р. Ѳоманова* въ Мензелинскомъ уѣздѣ, также разсказщиковъ и разсказщицъ: Татіану и Гликерію Тимоѳеевыхъ, Агаѳію и Ѳому Васильевыхъ въ селѣ Савалеевѣ, Татіану Васильеву въ селѣ Атахъ, Гликерію и Павла Алексѣевыхъ и Евдокію Игнатьеву въ дер. Ѳедоровкѣ Мензелинскаго уѣзда и Степана Васильева въ дер. Бузюровой Белебеевскаго уѣзда.

Священникъ **С. Матвѣевъ.**

1898 г. 30 августа.
Село с. Діяшево
Белебеевскаго уѣзда.

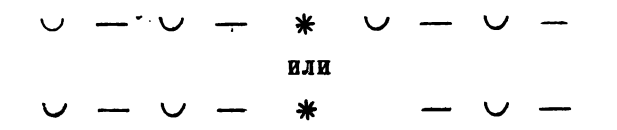
Историческія пѣсни казанскихъ татаръ.[1]

Историческихъ пѣсенъ у казанскихъ татаръ я никогда не встрѣчалъ, и потому былъ весьма радъ, когда удалось мнѣ пріобрѣсти нижеприведенныя три пѣсни: пѣсни первую и третью я получилъ отъ казанскаго татарина, дѣйствительнаго члена Общ. Арх., Ист. и Этн.. Абду'лъ—Каюма Насырова, а вторую отъ другого казанскаго татарина, по профессіи старьёвщика, Ибрагима Исхаковича Барышова. Всѣ эти пѣсни сочинены отдѣльными лицами, а не народомъ, и называются „бейтъ"—„бӓјіт". По словамъ г. Насырова, сочиненіемъ бейтовъ занимаются обыкновенно молодые люди, учащіеся или учившіеся въ медресахъ, мусульманскихъ среднихъ школахъ, иногда и старцы, знакомые съ мусульманскою ученостью, тогда какъ народныя пѣсни слагаются и поются неграмотною толпою, чаще всего на праздникахъ (вечеринкахъ и хороводахъ). Бейты разыгриваются обыкновенно отдѣльными лицами на флейтахъ и скрипкахъ, а народныя пѣсни распѣваются хоромъ. Народныя пѣсни у казанскихъ татаръ называются „джырыу"—„џырӯ". Бейтъ и джырыу другъ отъ друга отличаются слѣдующимъ: 1) бейтъ состоитъ изъ многихъ куплетовъ (четверостишій), составленныхъ на одну общую тему, тогда какъ джырыу зачастую состоитъ только изъ одного куплета (четверостишія); 2) джырыу во всѣхъ четырехъ стихахъ имѣетъ одинъ и тотъ-же хорошо выдержанный раз-

[1]) Доложено Общему Собранію 23 февраля 1899 года.

кѣръ, который очень легко можетъ быть спѣтъ хоромъ, тогда макъ размѣръ бейта очень рѣдко выдерживается, и потому можетъ быть распѣваемъ не всякій бейтъ; 3) джырыу составляется изъ словъ и оборотовъ, понятныхъ каждому и принятыхъ въ просторѣчіи, тогда какъ бейтъ изобилуетъ иностранными словами и оборотами, преимущественно арабскими и персидскими, и чѣмъ ученѣе слагатель, тѣмъ болѣе въ бейтѣ иностранныхъ словъ и оборотовъ, а потому бейтъ не всегда и не всѣмъ понятенъ и 4) бейтъ отличается часто большею содержательностью, нежели джырыу, и потому европейцамъ нравится больше второго.

Общепринятый тюркскій размѣръ бейтовъ и джырыу слѣдующій:

въ которыхъ долгій слогъ можетъ быть замѣненъ двумя короткими. Татары, достаточно знакомые съ арабскою литературою, свои бейты часто слагаютъ по правиламъ арабской метрики.

Переводъ пѣсенъ я дѣлаю близко къ татарскому подлиннику, а подлинникъ передаю въ двухъ транскрипціяхъ: арабско-татарской и русской академической. Первая транскрипція передаетъ тексты въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я получилъ ихъ отъ татаръ, а вторая передаетъ народное произношеніе татарскихъ словъ въ самомъ точномъ видѣ. Въ сноскахъ я отмѣчаю каждое слово, которое заимствовано изъ другихъ тюркскихъ нарѣчій: турецкаго знакомъ † и джагатайскаго знакомъ ††, арабскія, персидскія и русскія слова у меня не выдѣляются, такъ какъ ихъ легко узнать по словарямъ. Объ особенностяхъ академической транскрипціи желающіе могутъ узнать изъ слѣдующихъ изданій: 1) „Jakutische Grammatik. St. Petersb., 1851“ академика О. Н. Бётлинга; 2)

„Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. С.-ПБ. 1893“ (т. I) дѣйств. члена Общ. Арх., Ист. и Этн. академика В. В. Радлова; 3) „Азбуки восточныхъ и западныхъ языковъ. С.-ПБ. 1859“ Р. Нипперта и 4) „Отчетъ Н. Ѳ. Катанова о поѣздкѣ, совершенной съ 15 мая по 1 сентября 1896 года въ Минусинскій округъ Енис. губ. Казань, 1897“.

I. Пѣсня о взятіи Казани русскими.

Пѣсня эта въ одной арабско-татарской транскрипціи была помѣщена въ татарскомъ календарѣ А. К. Насырова на 1881 годъ (Казань, 1880) и у казанскихъ татаръ извѣстна подъ именемъ „Казан бäјітї“—„Стихотвореніе о Казани“. По словамъ г. Насырова это стихотвореніе сочинено очень давно и извѣстно всѣмъ татарамъ Казанской губ. Мелодію пѣсни о взятіи Казани русскими играли мнѣ при нижеупомянутыхъ обстоятельствахъ и крещеные татары Уфим. губ. 12 августа 1897 года я и членъ—сотр. Общ. Арх., Ист. и Этн., знатокъ татарской народной литературы, священникъ С. М. Матвѣевъ, живущій въ селѣ Діашевѣ Белебеев. у. Уфим. г., были въ крещено-татарской деревнѣ Курчеевой того-же уѣзда и пригласили къ себѣ музыкантовъ—крещеныхъ татаръ: скрипача Илью Петровича Николаева и гусляра Степана Михайлова. Николаевъ очень долго игралъ намъ между прочимъ пѣсню о взятіи Казани русскими, а Михайловъ на своихъ 17—струнныхъ гусляхъ ему только аккомпанировалъ. Музыканты сообщили намъ, что мелодія этой пѣсни извѣстна въ Уфимской и Казанской губ. и крещенымъ татарамъ, и татарамъ—мусульманамъ. Словъ пѣсни, къ сожалѣнію, никто изъ нихъ и изъ присутствовавшихъ незналъ.

Татарскій текстъ.

1-ый куплетъ:

تاریخی یتی†† یوزده * کلدی تیمر بلغارغه
عبد الله خان‌ننك قولندین * بلغار شهرین آلدیا[1]

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи [2]):

تاریخی جیدی جوز * کیلدی تیمر بلغارغه
عبد الله خان‌ننك قولندان * بلغار شهرین آلدیا

Тарiхі̥ ɥiді̥ ɥӧздӓ̥
Кiлді̥ Тiмі̥р Булҕарҕа,
Абдулла—ханның kулыннан
Булҕар шӓһрі̥н алды-ja.

2-ой куплетъ:

اول بولوك‌ننك صونکنده * قازان صوی بوینده
ایکی اوغلی†† کلوبن†† * قازان شهرین صالدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اول بولوك‌ننك صونکنده * قازان صوی بوینده
ایکی اولی کیلکان‌ده * قازان شهرین صالدیا

Ул бӧlӧкнӧң суңында
Казан сӯы бујында

---

[1]) Манера прибавленія къ концу стиха слога «а» - «ja» заимствована изъ джагатайскаго языка; срав. казанскія изданія «Divани хикметъ» и «Бакырганъ китаби».

[2]) Народное писаніе выговоръ словъ передаетъ гораздо лучше, чѣмъ ученое, ибо ученое писаніе, гоняясь преимущественно за иностранными словами и оборотами, народной фонетики не принимаетъ во вниманіе вовсе.

Ікі̧ улы кіlгäн-дä
Казан шähрі̧н салды-ја.

3-ій куплетъ:

ایکی یوز آلتمش ایکی یل * قزان مسلمان قولنده
آخر باری صونکنده * اورس خلقی آلدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

ایکی جوز آلتمش ایکی جل * قازان مسلمان قولنده
آخر باری صونکنده * اورس خلقی آلدیا

Ікі̧ џӧз алтмыш ікі̧ џыл
Казан мөсөлма̧н kулында,
Ахыр бары суңында
Урыс халkы алды-ја.

4-ый куплетъ:

غازیلری کوب ایدی * ملالری چوق† ایدی
عالملری کوب ایدی * زمان یادکار ایردیا††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

غازیلری کوب ایدی * ملالری کوب ایدی
عالملری کوب ایدی * زمان جادکار ایردیا††

Ђазilärі̧ кӱп—і̧јі̧,
Мөлла̧лары кӱп—і̧јі̧,
Ђalімнäрі̧ кӱп—і̧јі̧,
Заманы Џäді̧гäр ірді̧-ја.

5-ый куплетъ:

بو جهان منور ایدی * جور جفا یوق ایدی
مرید مرشد کوب ایدی * زمانی حوب ایردیا††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

بو جهان منور ایدی * جورو جفا چوق ایدی
مرید مرشد کوب ایدی * زماتی خوب ایردیا††

Бу џiһан мөна̥уар-ыjы,
Џаур-у џафа џук-ыjы,
Мўріт мўршіт кўп-і̥jі̥,
Заманы хөп ірді̥-ja.

6-ой куплетъ:

عالملری دوست ایدی * مرشدلری خاص ایدی
بارچه دوشمان[1] پست ایدی * زمانی یادکار ایردیا††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

عالملری دوست ایدی * مرشدلری خاص ایدی
بارچه دوشمان پست ایدی * زمان جادکار ایردیا††

Ђалімнäрі̥ дус-ыjы,
Мўршітläрі̥ хас-ыjы,
Барча дөшма̥н нäс-і̥jі̥,
Заманы Џäді̥гäр ірді̥-ja.

7-ой куплетъ:

یادکاز خان‌ننك بر قزی * قالدی توقز†† یاشنده
خلق ایشلو اشنده * کوب عقللی ایردیا††

[1]) Это слово передѣлано на татарскій ладъ изъ персидскаго.

Тоже самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

جادكار خان‌ننك بر قزى * قالدى طوغز جاشنده
خلق اشلى اشنده * كوب عقللى ايرديا††

Џäдį̥гäр—ханның бį̥р kызы
Калды туђыз џäшį̥ндä,
Халык į̥шlį̥ į̥шį̥ндä
Кў̥п аkыллы ірдį̥-ja.

8-ой куплетъ:

توقز يوز ايللى يتى††ده * يادكار كتي دنياديـن††
آتاسى‌ننك اورننه * خان بولورسن تيديا††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

طوغز جوز ايللى جيدى‌ده * جاوكار كيتدى دنيادن
آتاسى‌ننك اورننه * خان بولورسن ديديا

Туђыз џөз іllį̥ џідį̥дä
Џäдį̥гäр кітті̥ дөнjḁ̈дäн,
Атасының урнына
Хан булырсын дідį̥-ja.

9-ый куплетъ:

سن مؤنث دكلمو سن * خان‌غه لايق دكل مو سن
مونچه ايرلر بارنده * خان بولماس من تيديا††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

سين مؤنث توكلمو سن * خان‌غه لايق توكل مو سن
مونچه ايرلر بارنده * خان بولماس من ديديا

Сін·мөа̥ннас тӧгӧl—мі̥-сі̥н?
Ханҕа лаjыk тӧгӧl—мі̥-сі̥н?
Мунча іpläр барында
Хан булмасмын діді̥-ja.

10-ый куплетъ:

اوشبو † سوزدن عبرت آلدی * بو دنیانی یوقفه صاندی ††
آناسی ننك صونكنده * اوز جانن اوزی آلدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اوشبو †† سوزدن عبرت آلدی * بو دنیانی جوقغه صاندی
آناسی ننك صونكنده * اوز جانن اوزی آلدیا

Ушбу сӳздäн ҕыбрäт алды,
Бу дӧнjа̥ні̥ џуkkа санды,
Атасының суңында
Ӱз џанын ӳзі̥ алды-ja.

11-ый куплетъ:

نسلنده براير بار ايردی †† * اسمی آننك شغالی
شفالركا يار ايردی †† * توتقون بولمش ايرديا ††

Въ народномъ писаніи останется то же самое, кромѣ 3 глаголовъ на концѣ.

Нäсі̥лі̥ндä бі̥р ір бар-ыjы,
Ісі̥мі̥ аның Шыҕаlі̄,
Шіфäläргä џäр-і̥jі̥,
Төтkөн булмыш ірді̥-ja.

12-ый куплетъ:

كوب خلايق بارديلار * كوب مال بيروب آلديلار
اوشبو †† شهر قزانغه * خان قيلديلار ايرديا ††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

كوب خلايق باردىلار * كوب مال بيروب آلدىلار
اوشبو†† شهر قازانغه * خان قيلدىلار ايرديا††

Кӱп халајык бардылар,
Кӱп мал бірі̥п алдылар,
Ушбу шäһрі̥ Казанђа
Хан кылдылар ірді̥ - ја.

13-ый куплетъ:

شهر قزان ايچنده * شغالى هم خان بولدى
دنيا ديكان سرايغه * جور جفا تولديا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

شهر قازان ايچنده * شغالى هم خان بولدى
دنيا ديكان سراىغه * جورو جفا طولديا

Шäһрі̥ Казан і̥чі̥ндä
Шыђалī һäм хан булды,
Дөнјḁ̈ дігäн сарайђа
Џаур - у џафа тулды - ја.

14-ый куплетъ:

اوز اوزينى بلماس * كوزى هم مالغه تويماس
اورصلاردان مال آلوب * دارىغه صو قويديا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اوز اوزين هم بلماس * كوزى هم مالغه طويماس
اورصلاردان مال آلوب * دارىغه صو قويديا

Ўз ўзін hӓм бiлмӓс,
Кўзі hӓм малҕа туймас,
Урыслардан мал алып,
Дарыҕа сӯ kөйдө - ја.

15-ый куплетъ:

اورس خلقی ایشایدی * شغالیکا قوشولدی
شغالیدان ایبان اورص * قزان شهرین آلدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اورص خلقی ایشایدی * شغالیکا قوشولدی
شغالیدن ایبان اورص * قازان شهرین آلدیا

Урыс халkы ішӓйді,
Шыҕаlīгӓ kушылды,
Шыҕаlīлӓн Ібан урыс
Казан шӓhрін алды - ја.

16-ый куплетъ:

ایبان اورص ضور بولدی * مسلمانلار خور بولدی
نیچه ولی نیچه عزیز * شهادتلر طابدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

ایبان اورص ضوربولدی * مسلمانلار خور بولدی
نیچه ولی نیچه عزیز * شهادت لر تابدیا

Ібан урыс зур булды,
Мөсөлманнар хур булды,
Нічӓ ваlī, нічӓ ҕазіз
Шӓhадӓтlӓр тапты - ја.

17-ый куплетъ:

روسلار خبردار ایدی * مسلمانلار بی خبر ایدی
شهر قزان یاننده * اوروش††توقوش††بولدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اورسلار خبردار ایدی * مسلمانلار بی خبر ایدی
شهر قازان جاننده * اوروش††توقوش††بولدیا

Урыслар хабардар-ыјы,
Мөсөлманнар бі-хабар-ыјы,
Шäһрі Казан ҷанында
Өрөш тукыш булды-ја.

18-ый куплетъ:

اول اوروشدین††بولمادی * قزان شهرین آلمادی
اوشبو†† زویه طاعنده†† * اورس قالا[1] صالدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اول اوروشدان بولمادی * قازان شهرین آلمادی
اوشبو†† زویه طاونده * اورس قالا صالدیا

Ул өрөштан булмады,
Казан шäһрін алмады,
Ушбу Зуја тауында
Урыс кала салды-ја.

19-ый куплетъ:

مسلمانلار کوردیلر * صوراب ازلب بلدیلر
اوشبو†† برزننك یرمز * قاندین††کلدنك تیدیا††

---

[1]) Слово это на татарскій ладъ передѣлано изъ арабскаго.

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

مسلمانلار کوردیلر * صوراب ازلاب بلدیلر
اوشبو †† بزننك جیرمزکا * قایدان کیلدنك دیدیا

Мөсөлма̥ннар кўрді̥läр,
Сөра̥п, і̥зläп бі̥lді̥läр,
Ушбу бі̥зні̥ң џірі̥бі̥згä
Кайдан кілді̥ң? диді̥ - ја.

20-ый куплетъ:

قایدین ††اورص کلوب سن†† * مونده مقام قلب سن
کمدین †† رخصت آلوب سن * تیوب جهاد قیلدیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

قایدان اورص کیلوب سن * مونده مقام قیلوب سن
کمدن رخصت آلوب سن * دیکاچ جهاد قیلدیا

Кайдан, урыс, кілі̥п - сі̥н,
Мунда makам kылып - сын?
Кі̥мнäн рөхса̥т алып - сын?
Дігäч, џіhат kылды - ја.

21-ый куплетъ:

بار ایردی †† بر مرد خدا * اسمی ایدی آننك چورا
کوب اورص نی قرماغه * خدا مدد بیردیا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

بار ایدی بر مرد خد * اسمی ایدی آننك چورا
کوب اورص نی قرارغه * خدای مدد بیردیا

Бар-ыjы бі̥р мäрді̥ Хөда̥,
Ісі̥мі̥ аныҥ Чөра̥,
Кўп урысны kырарђа
Хөда̥й мäдäт бірді̥-ja

22-ой куплетъ:

بار ایردی†† بر ایر اولماس * اسمن آننك کمسه† بلماس
شهر قزانغه کلکونچه†† * کمسه† کورماس ایردیا††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

بار ایدی بر ایر اولماس * اسمن آننك هیچ کم بلماس
شهر قازانغه کیلکونچه * هیچ کم کورماس ایردیا††

Бар-ыjы бі̥р ір Ўlмäс,
Ісі̥мі̥н аныҥ hiч-кі̥м бі̥lмäс,
Шähрі̥ Казанђа кіlгі̥нчі̥,
Іч (hiч)—кі̥м кўрмäс ірді̥-ja.

23-ій куплетъ:

اولماس برله†† ابو العالق * یاری بیردی جبار خالق
مؤمنلرننك اوچونی†† * باروب آلور ایردیا††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اولماس بلان ابو العالق * یاری بیردی جبار خالق
مؤمنلرننك اوچونی†† * باروب آلور ایردیا††

Ўlмäс—бі̥läн Абул-ђalik (ka) [1]
Џäрі̥ бірді̥ Џаббар Xalik,

[1] По другому варіанту, записанному г. Насыровымъ,—Абду'лъ—Халикъ.

Мӧмӧннӓ̥рні̥ң ӱчі̥ні̥
Барып алыр ірді̥-ja.

24-ый куплетъ:

تیدیلر†† آنکا†† یا چورا * ایـرورسن†† مرد خـدا
اللهننك حکمنـه ندر چاره * ایبان اورص‌نی سن طورا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

دیدی‌لر آنکار یا چورا * بـولـورسن مـرد خـدا
الله حکـمنـه نی‌در چـاره * ایبان‌اورص‌نی سین طورا

Ділді̥lӓр аңар, ɥӓ Чөра̥,
Булырсын мӓрді̥ Хөда̥,
Алланың хӧкмӧнӓ̥ нї-ді̥р чара?
Ібан урысны сін тура.

25-ый куплетъ:

کلـوب یندی چورا باطر * روس خانی چادرده یاتور
چـادر ایچنه کروبن†† * باشن کیسوب آلدیـا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

کیلوب جیندی چورا باطر * اورص خانی چاترده جاتور
چماتـر ایچنـه کـرکان‌ده * باشـن کیسوب آلدیا

Kiлі̥п ɥітті̥ Чөра̥ батыр,
Урыс ханы чатырда ɥатыр,
Чатыр і̥чі̥нӓ кі̥ргӓн-дӓ,
Башын кісі̥б —алды-ja.

26-ой куплетъ:

اولتروب †† ایردی †† آشنه * آشی یتدی باشنه
آشی آلدندین †† کنکونچه †† باشی توشتی آشنه

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اوطرغان ایدی آشنه * آشی جیتدی باشنه
آشی آلدندان کیتکونچه * باشی توشدی آشنه

Утырђан-ыјы ашына,
Ашы џітті̥ башына,
Ашы алдыннан кіткі̥нчі̥,
Башы тӫштӫ ашына.

27-ой куплетъ:

عقلی یوقدر باشنه * کوب خلقی بار قاشنده
نیك بیورمادی بر باشنه * اصطروغ تورونك قاشمده

Въ народномъ писаніи останется то же самое, кромѣ 2-го слова сначала.

Аkылы џуk-тыр башында,
Кўп халkы бар kашында,
Нік бѳјѳрма̥ды бі̥р башына,
Ыстрог [1]) тѳрѳң kашымда.

28-ой куплетъ:

کستی آننك باشنی †† * آقوزدی هم قاننی ††
اول دوشمان‌ننك جاننی †† * جهنمکا بیردیا

---

[1]) Видоизмѣненіе русскаго слова «строго»

То жо самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

کیسدی آننك باشی‌نی †† ✱ آغـزدی هم قـانی‌نی††
اول دوشمان‌ننك جانی‌نی†† ✱ جهنـمـکـا بیـردیـا

Кісті̥ аның башыны,
Аҕызды һӓм ƙаныны,
Ул дөшмә̥нның џаныны
Џӓһӓннӓмгӓ бірді̥ - ја.

29-ый куплетъ:

توقز یوز ایللی توقزده†† ✱ سچقان††یلی ایدی آنده
عقرب‌ننك ایکنچی کوننده ✱ ایبـان اورص آلـدیـا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

طوغز جوز ایللی طوغزده ✱ تچقان جلی ایدی آنده
عقرب‌ننك ایکنچی کوننده ✱ ایبـان اورص آلـدیـا

Туҕыз џӧз іллі̥ туҕызда,
Тычƙан џылы - ыјы анда,
Аƙрапның іві̥нчі̥ кӧнӧндӓ̥
Ібан урыс алды - ја.

Русскій переводъ.

1. Въ семисотыхъ годахъ (гиджры) [1],
Пришелъ Тимуръ въ Булгаръ,
(И) изъ рукъ хана Абдуллы
Взялъ городъ Булгаръ.

[1]) По-русски въ XIV—мъ вѣкѣ.

2. Послѣ того разгрома
На берегу рѣки Казанки
Два его сына, пришедши,
Основали городъ Казань.

3. Двѣсти шестьдесятъ два года
Казань (была) въ рукахъ мусульманъ,
Наконецъ, послѣ всего (этого)
Взяли (её) русскіе люди.

4. Много было борцовъ за вѣру,
Много было муллъ (тогда),
Много было (и) ученыхъ.
(Таково) было время Едигера.

5. Міръ сей былъ освѣщенъ (правдой):
Не было (ни) притѣсненій, (ни) обидъ;
Много было учениковъ и наставниковъ.
(Вообще) время то было хорошее.

6. Ученые были друзьями (народа),
(А) наставники были прекрасными,
Враги (же) всѣ въ смиреніи,
(Таково) было время Едигера.

7. Одна дочь хана Едигера
Осталась девяти лѣтъ (отъ роду),
Когда народъ былъ занятъ (своими) дѣлами,
Она выказала много ума.

8. Въ девятьсотъ пятьдесятъ седьмомъ году [1])
Едигеръ ушелъ изъ сего міра,
И на мѣсто (то) отца
„Будешь ханомъ!“ сказали (ей).

9. Хотя ты и женскаго пола,
Неужели не можешь быть ханомъ?“—
„Когда есть столько мужчинъ,
Не буду ханомъ!“ сказала (она).

[1]) По-русски въ 1550—мъ году.

10. (Она) послѣдовала этимъ словамъ,
Міръ сей поставила въ ничто,
(И вскорѣ) послѣ отца своего
Отняла у себя свою душу.
11. Въ родѣ ея былъ одинъ мужъ.
Имя ему (было) Шигалей,
Онъ былъ человѣкомъ полезнымъ
(Но, къ несчастію) попалъ въ плѣнъ.
12. Отправилось много народу,
(И) давши много денегъ, выкупили,
(Потомъ) въ этомъ городѣ Казани
Сдѣлали (его) ханомъ.
13. Въ городѣ Казани
Шигалей сталъ ханомъ,
(И) дворецъ, называемый міромъ,
Наполнился обидами и притѣсненіями.
14. Не зная себя самого,
(И) не насытившись и деньгами,
Взялъ у русскихъ денегъ,
(И) налилъ въ порохъ воды. [1]).
15. Русскій народъ умножился,
(И) присоединился къ Шигалею,
(И) Иванъ—русскій [2]) у Шигалея
Взялъ городъ Казань.
16. Иванъ—русскій усилился,
(А) мусульмане ослабѣли:
Сколько святыхъ, сколько благочестивыхъ
Обрѣли (тогда) мученичество.
17. Русскіе получали вѣсти,
(А) мусульмане никакихъ,

[1]) На основаніи татарскихъ лѣтописей говоритъ объ этомъ въ своей «Исторіи Казани» и К. Ѳ. Фуксъ.

[2]) «Иванъ русскій»—Іоаннъ Грозный, царствовавшій въ 1553—1584 годахъ.

(Когда) подлѣ города Казани
Происходили битвы (и) сраженія.
18. Этими битвами не добились (ничего)
(И) города Казани не взяли.
На этой Свіяжской горѣ
Русскіе основали городъ [1]).
19. Мусульмане увидали (его),
(И) путемъ распросовъ узнавши,
„Въ эту самую нашу землю
Откуда пришли вы?“ сказали.
20. „Откуда пришли вы, русскіе,
Чтобы остановиться тутъ?
Кто вамъ далъ позволеніе?“
Сказали и стали воевать.
21. Былъ одинъ Божій человѣкъ,
Имя ему было Чура.
Чтобы истреблять русскихъ,
Господь давалъ (ему) помощь.
22. Былъ одинъ мужъ безсмертный,
Имени его никто не зналъ.
Пока онъ не приходилъ въ Казань,
Никто (его) раньше не видывалъ.
23. Безсмертному и Абулъ—Галику [2])
Всемогущій Творецъ подавалъ помощь,
(И) мщеніе за вѣрующихъ
(Они), идя (на войну), чинили (русскимъ).
24. Говорили ему: „О Чура,
Ты (вѣдь)—Божій человѣкъ!
Противъ воли Божіей не устоять,
(Иди и) изруби Ивана—русскаго!“

---

[1]) Основаніе города Свіяжска по русскимъ лѣтописямъ случилось въ 1551-мъ году.

[2]) По другому варіанту, имѣющемуся у г. Насырова, не Абу'лъ Галикъ а Абду'лъ-Халикъ.

25. Пришелъ богатырь Чура,—
Русскій царь сидѣлъ въ шатрѣ.
Какъ только (Чура) вошелъ въ шатеръ,
Отрѣзалъ голову (одному военачальнику).
26. (Царь) сидѣлъ за пищею,
(И) пища подходила къ концу;
Не убрали еще отъ него пищи,
Какъ голова (убитаго) упала къ пищѣ.
27. Ума въ головѣ (Чуры) не было,
(Ибо) подлѣ (царя) было много народу,
Почему (царь) не приказалъ начальнику:
„Стойте строго подлѣ меня?“
28. Отрѣзалъ (онъ) ему голову,
Выпустилъ изъ нея кровь,
(И) душу этого врага своего
Отправилъ въ геенну огненную.
29. Въ девятьсотъ пятьдесятъ девятомъ [1]),
Былъ это годъ мыши,
Во второй день мѣсяца скорпіона
Иванъ—русскій взялъ (Казань).

II. Пѣсня о французахъ и Александрѣ I.

Эта пѣсня по- татарски названа „Бăјі̥ті̥ Äliксăндi̥р—„Стихотвореніе объ Александрѣ“. Послѣ каждаго куплета стоитъ припѣвъ „Галавесъ молодесъ—арминыскый губирна“, который сплошь состоитъ изъ русскихъ словъ: „Галавесъ“ изъ русскáго „голубчикъ“, „молодесъ“—„молодецъ“, „арминыскый“—„армейская“ или „армянская“ и „губирна“—„губернія“.

گلاوٚیس مولدیـس * ارمین اسکی گوٚبیرنا

Галавéсъ молодéсъ арми́ныскый губирнá.

1) По русски въ 1552-мъ году 2-го октября.

Татарскій текстъ.

1-ый куплетъ.

الكسه ندور آتلاری * باردە يفاك †† تشاۋلی
الكسه ندور صالدتلاری * افيسرگا اوشاۋلی

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اليكساندر آطلاری * باریده جپاك طشاولی
اليكساندر صالداتلاری * افيسركا اوشاولی

Ǟlіксäнді̥р атлары
Бары-да џі̥пäк тышаулы,
Ǟlіксäнді̥р салдатлары
Ǟфісäргä өша̥улы.

2-ой куплеть:

مندوم طاۋننك باشينه * اسم يازدوم طاشينه
فرانصوص بيك آزغان ايكان * بنم † عزيز باشمه

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

مندم طاوننك باشنه * اسم جازدم طاشنه
فرانصوص بيك آزغان ايكان * مينم عزيز باشمه

Мі̥нді̥м таунынӊ башына,
Ісі̥мі̥м џаздым ташына;
Франсус бік азҕан—ікäн
Міні̥м ҕазіз башыма.

3-ій куплетъ:

اوچ دورت کردم صوغشقه * قانلار بیلغه‌دیکه آقدی‌لار
صوغشمز تمام بولغاچ * بزکا میدال تاقدی‌لار

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

اوچ دورت کردم صوغشغه * قانلار بیل کاتیکلی آقدی‌لار
صوغشمز تمام بولغاچ * بزکا میدال طاقدی‌لار

Ӫч дӱ̆рт кірдім суғышka,
Каннар бiлгӓ—тікl'aктылар;
Суғышыбыз тамам булғач,
Бізгӓ мідал taктылар.

4-ый куплетъ:

ارمینلارنی جیدروب * صایلوب صایلوب آلدی‌لار
بارده بلار کیته دیب * سونشوب قالدی‌لار

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

ارمین‌لرنی جیدروب * صایلاب صایلاب آلدی‌لار
باری‌ده بولار کیته دیب * سوینشوب قالدی‌لار

Ӓрміннӓрні џыйдырып.
Сайлап, сайлап алдылар;
Бары-да былар кітӓ діп,
Сӧjӧнӧшӧп kалдылар.

5-ый куплетъ:

فرانصوص‌ننك ایللاری * توگراك ایکن کوللاری
اینك باشینه ملتوق قویب * صالدات کرر الکاری

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فـرانصـوص‌ننك ايـل‌لرى * توكاراك ايكان كول‌لرى
اينك باشينه ملطـق قويوب * صالدات كرار الكارى

Французсның іllärі̥
Тўгäрäк—ікäн кўllärі̥,
І̥jі̥ң башына мылтыk kујып,
Салдат кі̥рäр і̥lгäрі̥.

6-ой куплетъ:

فرانصوص‌ننك كوپرون * تيمـر برلان †† بركتكان
فرانصـوص‌ننك كشسـون * الكسه نـدور اولترتكان ††

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فـرانصـوص‌ننك كوپـرين * تيمر بـلان بركتـكان
فرانصـوص‌ننك كشـى سن * اليكساندر اوترتكـان

Французсның кўпі̥рі̥п
Тімі̥р—бі̥lăн бі̥ркі̥ткäн,
Французсның кі̥ші̥сі̥н
Ălіксăнді̥р ўті̥рткäн.

7-ой куплетъ:

فرانصوص‌ننك قابقـاسـون * بارده تيمـر طاقطه سـى
فرانصوص‌نى پولون آلعاچ * الله بـزنى صـاقـلـدى

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فرانصوص‌نـنـك قابقاسـن * بارى‌ده تيمر طاقتاسى
فرانصوص‌ننك پولن آلغاچ * الله بـزنى صـاقـلادى

Франсусның kапkасын
Бары-да тімі̥р таkтасы,
Франсусның пулын алҕач,
Алла бі̥зні̥ саkлады.

8-ой куплетъ:

صولی صازننك بوینده * بتماس آننك قامشی
اون ایکی قالا آرسنده * بارده فرانصوص طاوشی

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

صولی صازننك بوینده * بتماس آننك قامشی
اون ایکی قالا آراسنده * باریده فرانصوص طاوشی

Сӯлы сазның буjында
Бі̥тмäс аның kамышы,
Ун ікі̥ kала арасында
Бары-да франсус таушы.

Русскій переводъ.

1. У коней Александра
Всё шелковыя путы,
Солдаты у Александра
Похожи на офицеровъ.
2. Взошёлъ я на вершину горы
(И) на камнѣ ея написалъ свое имя,
Французы, видно, сильно рехнулись,
(Покусившись) на мою милую голову.
3. Три—четыре (раза) вступалъ я въ битву,
(Гдѣ) кровь (у всѣхъ) текла до пояса;
Когда битва наша окончилась,
Повѣсили намъ медали.

4. Собравши (отовсюду) армейцевъ,
Отобрали и оставили (лучшихъ);
Говоря: „Всѣ они уйдутъ!“,
Остались довольны (всѣми).
5. У французскихъ деревень
Оказывается, круглыя озера;
Положивъ на плечи ружья,
Солдаты пошли впередъ.
6. У французовъ мосты
Скрѣплены желѣзомъ;
Французскихъ людей
Велѣлъ перебить Александръ.
7. У французовъ ворота
Всѣ съ желѣзными досками;
Когда (мы) брали у французовъ деньги,
Хранилъ насъ Господь единый.
8. По берегамъ болотъ съ водою
Нескончаемо идутъ камыши;
Между двѣнадцатью городами
Слышны голоса (про) французовъ.

III. Пѣсня о французахъ и Николаѣ I.

Пѣсня эта по-татарски называется „Николай бäjı̥tı̥“—„Стихотвореніе о Николаѣ“. Внизу подъ стихотвореніемъ рукою г. Насырова по-татарски написано: „окончено (писаніемъ) 12 февраля 1855 года“. Въ этомъ стихотвореніи, какъ и предыдущемъ, послѣ каждаго куплета стоитъ припѣвъ изъ русскихъ словъ:

ای ای کولوبیس مولودیس * روبیـزنتـا روبیـزنـای

Ай áй голубéсъ, молодéсъ, рубѝ—зна—тá руби—знáй.

Здѣсь „голубéсъ“ изъ русскаго „голубчикъ“, „молодéсъ“ —„молодецъ“, „рубй—знатá руби—знáй“ изъ словъ: „руби знай да руби знай“. Г. Насыровъ сообщилъ мнѣ, что эту пѣсню поютъ также хоромъ.

Татарскій текстъ.

1-ый куплетъ:

فرانصوص‌نك ايللرى * توگاراك ايكن كوللرى
جنك اچينه ملتوق آلوب * اوزى كراى الكارى

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فرانصوص‌ننك ايللرى * توكاراك ايكان كوللرى
جينك اچنه ملطق آلوب * اوزى كرار الكارى

Франсусың illäpį
Тӳгäрäк—ікäн кӳlläpį;
Џің įчįнä мылтык алып,
Ӱзį кįрäр įlгäрį.

2-ой куплетъ:

فرانصوص آطلرى * بارده جفك †† تشاؤلى
نيكولاى‌ننك قازاقلرى * افيسركاى اوشاولى

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فرانصوص‌ننك آطلارى * بارى‌ده جپاك طشاولى
نيكولاى‌ننك قازاقلارى * افيسركا اوشاولى

Франсусың атлары
Бары-да џįпäк тышаулы;

Нікулайның kазаkлары
Ӓфісӓргӓ өша̥улы.

3-ій куплетъ:

فرانصوص‌ننك کوپرون * تیمر برلن †† بترکان
فرانصوص‌ننك یوز کشی‌سن * اون‌ایکی صالدات‌اوترگان

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فرانصوص‌ننك کوپرین * تیمر بلان بترکان
فرانصوص‌ننك جوز کشی‌سن * اون‌ایکی صالدات‌اوترکان

Франсусның кӯпі̥рі̥н
Тімі̥р—бі̥лӓн бі̥ті̥ргӓн;
Франсусның џӧз кі̥ші̥сі̥н
Ун ікі̥ салдат ӯті̥ргӓн.

4-ый куплетъ:

فرانصوص‌ننك آطلری * تزام جرده دولایدور
نیکولای‌ننك قازاقلری * فرانصوص‌نی تورایدور

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فرانصوص‌ننك آطلاری * توزام جیرده دولای‌در
نیکولای‌ننك قازاق‌لاری * فرانصوص‌نی طورای‌در

Франсусның атлары
Тӧзӓ̥м џірдӓ дулай—дыр;
Нікулайның kазаkлары
Франсусны турай—дыр.

5-й куплетъ:

منلوم طاوننك باشينه * اسم يازدوم قاشمه
بو فرانصوص آزعان ايكن * اوزننك عزيز باشينه

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

منبدم طاوننك باشنه * اسم جازدم قاشمه
بو فرانصوص آزغان ايكان * اوزىننك عزيز باشنه

Мі̥нді̥м тауның башына,
Ісі̥мі̥м ɥаздым kашыма;
Бу̥ франсус азҕан—ікӓн
Ўзі̥ні̥ң ҕазіз башына.

6-ой куплетъ:

فرانصوص قابقاسى * تمر ايكن تاقطاسى
بو دنياده بتكان ايكن * فرانصوص‌ننك نفقه‌سى

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

فرانصوص‌ننك قابقاسى * تيمر ايكان طاقطاسى
بو دنياده بتكان ايكان * فرانصوص‌ننك نفقه‌سى

Франсусның kапkасы
Тімі̥р—ікӓн таkтасы;
Бу дӫнјӓ̥дӓ̥ бі̥ткӓн—ікӓн
Франсусның нафkасы.

7-ой куплетъ:

تيران كولننك اچنده * اوزون ايكن قامشى
اون ايكى كورول آراسنده * فرانصوص‌ننك تاوشى

Та же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

تیران کولننك اچنده * اوزون ایکان قامشی
اون ایکی کورول آراسنده * فرانصوصننك طاوشی

Тірӓн кўlнің ічіндӓ
Өзөн—ікӓн kамышы;
Ун ікі көрөл арасында
Француснын таушы.

8-ой куплетъ:

نیکولای‌ننك قازاعینه * اون ایکی ارول باشینه
نیکولای‌ننك قازاقلری * باری برله†† صوعشا

То же самое въ нынѣшнемъ народномъ писаніи:

نیکولای‌ننك قازاغنه * اون ایکی اورول باشنه
نیکولای‌ننك قازاقلاری * باری بلان صوغشا

Нікулайнын kазаҕына
Ун ікі өрөл башына;
Нікулайнын kазаkлары
Бары—білӓн суҕыша.

Вмѣсто 2-го стиха 8-го куплета у г. Насырова записанъ варіантъ:

اون ایکی کارول باش اورا

Ун ікі көрөл башыра.

Русскій переводъ.

1. У французскихъ деревень,
Оказывается, круглыя озера;

Держа ружье въ рукавѣ,
Они идутъ впередъ.
2. Лошади у французовъ
Всѣ съ шелковыми путами;
Казаки у Николая
Похожи на офицеровъ.
3. Мосты у французовъ
Окованы желѣзомъ;
Сотню человѣкъ французовъ
Побивали двѣнадцать солдатъ.
4. Лошади у французовъ
Артачатся на ровномъ мѣстѣ;
Казаки у Николая
Крошатъ французовъ.
5. Взошелъ я на вершину горы
(И) на бровяхъ написалъ свое имя;
Эти французы, видно, рехнулись,
(Коли) рискуютъ милыми головами.
6. У французовъ ворота,
Оказывается, съ желѣз. досками;
Въ семъ мірѣ, видно, кончилось
Пропитаніе у французовъ.
7. Въ глубокомъ озерѣ (или: озерахъ),
Оказывается, длинные камыши;
Между двѣнадцатью королями
(Слышны) голоса (про) французовъ.
8. У казаковъ Николая
На головахъ двѣнадцать орловъ;
Казаки Николая
Сражаются со всѣми.

По другому варіанту:

8. Казакамъ Николая
Кланяются 12 королей;
Казаки Николая
Сражаются со всѣми.

Затѣмъ считаю нужнымъ привести въ дополненіе къ этимъ пѣснямъ еще двѣ, сочиненіе которыхъ казанскіе татары приписываютъ двумъ казанскимъ ханамъ XVI вѣка: первую татарскому поэту—хану Мухаммедъ-Амину (по Фуксу: Махмедаминъ и Мехмедаминъ), царствовавшему въ 1502—1518 годахъ, а вторую хану Шигалею, царствовавшему въ 1519—1521, 1546 и 1551—1552 годахъ.

I. Пѣсня Хана Мухаммедъ-Амина о Тамерланѣ.

Напечатана по-татарски на стр. 60 изданія Мухаммедъ-Зарифа Хусеинова „Тауарихи Булгарія. Казань, 1883“. Въ ней казанскій ханъ изрекаетъ проклятіе Тимуру (Тамерлану), разрушителю Болгаръ, жившему въ 1337—1405 годахъ по Р. Хр. По русскимъ лѣтописямъ, напр. по „Древнему лѣтописцу“, Болгары взялъ Булатъ-Темирь, золотоордынскій князь, въ 1361-мъ году. Пѣсню эту я передаю въ нынѣшнемъ общепринятомъ народномъ писаніи.

Татарскій текстъ.

1-ый куплетъ:

چقدی هجرتدن جیدی جوز ایللیده
توشدی خرابلق زلزله عالمگا
اوزی آقصاق عقلی احمق فتنه‌ده
ظلمنی اظهار قلدی هر جیرگا

Чыкты hiџрäттäн џiдį џөз illįдä,
Төштө хараплык зälзälä alämгä;
Ӱзį akcak, акылы axмak, фiтнäдä
Зөлөмно iзhap кылды häp џiргä.

2-ой куплетъ:

کوب علما ومشایخلار شهید
بولدیلار هم دین اسلام نوری بلان
دار اسلام فتنه‌سندن بل عیان
بولدی ویران آقدی جاشلر خوف بلان

Кўп ɉуlама уа машаjыхлар шähiт
Булдылар häм дінį іслам нөрө-бįlӓн;
Дары іслам фітнäсįннäн, бįl ɉаjан,
Булды уайран, акты џäшlӓр хауф—бįlӓн.

3-й куплетъ:

نی جواب بیرور خدای قاشنده اول
صورسه الله شدت وعقاب بلان
یا الهی ایله † اول بنده‌نکنی سین
آخرتده ظالم وجاهل بلان

Нī џауап бірįр Хөдаj kашында ул,
Сөрса Алла шіддäт уа іkап—бįlӓн?
Ɉä Ilаhi, äйlӓ ул бäндäңнį сін
Ахырäттä зalім уа џаhil—бįlӓн.

Русскій переводъ.

1. Явился (Тимуръ) въ семьсотъ пятидесятомъ году [1]),
(И) міръ исполнился гибельныхъ землетрясеній;
Самъ онъ будучи хромъ, а умомъ глупъ,
Распространилъ всюду мракъ смятеній.

---

[1]) По-русски: въ 1349,50-мъ году.

2. Много ученыхъ и старцевъ мучениками
Стали, освѣщенные вѣрою ислама;
Страна ислама отъ смятеній, знай вѣрно,
Опустѣла, и полились отъ страха слезы.
3. Чтó-же отвѣтитъ онъ передъ Богомъ,
Если Господь будетъ допрашивать строго?
О Боже мой, сего раба своего ты
На томъ свѣтѣ суди какъ жестокаго язычника.

II. Пѣсня хана Шигалея о его везиряхъ.

Напечатана по-татарски въ календарѣ А. К. Насырова на 1881 годъ (Казань, 1880). Сложена она Шигалеемъ тогда, когда при одной изъ осадъ Казани русскими ему пришлось оставлять этотъ городъ со слезами отчаянія и жалобы на везирей—измѣнниковъ.

Татарскій текстъ.

1-ый куплетъ:

دوست دوست دیکانم * دوست توكل ایکانسز
دوست دیب اوك جورکانم * باری‌ده دوشمان ایکانسز

Дус дус дігäнім
Дус—тöгöl ікäнсіз!
Дус діб-ўк џöргäнім
Бары-да дөшман ікäнсіз!

2-ой куплетъ:

ای بالالار بالالار * بزدن جلاب قالالار
بزدن قالغانماللارنی * روسلار کیلوب آلالار

Ій балалар, балалар.
Біздăн џылап kалалар;
Біздăн kалђан малларны
Рөслар кіліп алалар.

Русскій переводъ.

1. Называлъ я (васъ) всё друзьями,
(А) вы оказались не друзьями;
Я жилъ, считая (васъ) друзьями,
(Между тѣмъ) всѣ вы оказались врагами.
2. О дѣти (мои), дѣти (мои)!
Остаются они отъ насъ въ слезахъ.
Деньги, остающіяся отъ насъ,
Русскіе, приходя, забираютъ.

Изъ приведенныхъ здѣсь 5 казанско-татарскихъ пѣсенъ арабскихъ и персидскихъ словъ болѣе всего въ пѣснѣ о Тамерланѣ и пѣснѣ о взятіи Казани русскими, на основаніи чего можно думать, что и составители ихъ въ мухаммеданскомъ смыслѣ были болѣе учены, нежели составители остальныхъ 3 пѣсенъ. Богатырь Чура, упоминаемый въ пѣснѣ о взятіи Казани,—лицо историческое, своими подвигами стяжавшее извѣстность какъ среди казанскихъ татаръ, такъ и среди киргизъ. О дѣятельности его на пользу Шигалея см. стран. 102—107 „Исторіи о казан. царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI ст. СПБ. 1791“ и стр. 120—121 „Опыта Казан. исторіи П. Рычкова. СПБ. 1767“, а о подвигахъ его у киргизъ см. брошюру Мухаммедъ-Наджиба Али-акберова „Кыссэ-и Нарукның улы Чура-батыр. Казань, 1884“ и статью А. А. Диваева „Шура-батырь“ на стр. 1—88 тома IV „Сборника матеріаловъ для статистики Сыръ-дарьин. обл. Ташкентъ, 1895“.

Дѣйств. членъ Общества

Н. Катановъ.

Матеріалы

А) Этнографическіе.

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

Баксы, какъ лекарь и колдунъ.

(Этнографическій очеркъ).

Одну изъ видныхъ ролей при различныхъ болѣзняхъ, въ большинствѣ случаевъ, играютъ у киргизовъ «баксы»; особеннымъ же авторитетомъ они пользуются у нихъ при родахъ женщины, нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, ревматизмѣ, параличѣ и т. д., гдѣ, обыкновенно, киргизы склонны приписывать появленіе этихъ недуговъ соприкосновенію нечистой силы, а именно: «джинна», «пери», «албасты», «мäртў» [1]) и т. п. духовъ.

Относительно личности «баксы» или по-монг. «бахши», мы распространяться не станемъ. Слово это, какъ извѣстно, происходитъ отъ джагатайскаго باقسى или باخشى, т. е. лекарь, шаманъ, знахарь, колдунъ и т. п. Баксы называются преимущественно тѣ киргизскіе лекаря, которые имѣютъ сношенія съ духами и даже власть надъ ними. А чтобы паціенты безусловно вѣрили сношеніямъ его съ нечистыми, каждый баксы употребляетъ нѣкоторые магическіе фокусы, напр., пропускаетъ смычекъ своего кобыза сквозь ребра, или вонзаетъ себѣ ножъ въ животъ, глотаетъ иглы и т. д.

Лично намъ только разъ удалось встрѣтить баксы въ Перовскомъ уѣздѣ, который поразительно хорошо зналъ чревовѣщаніе; когда онъ приступилъ къ вызыванію духовъ и уже находился почти въ изступленіи, до насъ явственно стали доноситься хрюканіе свиней, рычаніе и лай собакъ, ржаніе жеребятъ, блеяніе ягнятъ и т. д. Ему чудится въ это время, что къ нему постепенно являются духи и бѣсы. Къ каждому изъ нихъ онъ обращается отдѣльно, называя его по имени и описывая наружность его.

---

[1]) О джиннахъ, пери, албасты и мäртў см. труды слѣдующихъ авторовъ: *Ѳ. Пояркова*: въ «Этнограф. Обозр.» кн. XI, стр. 41. *Х. Кустанаева*— «Этнографич. очерки», стр. 42—43, въ «Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этногр.» при Имп. Казан. универ. т. XIV в. 2, 1897 г.; въ «Сборн. матер. для статист. Сыръ-Дарин. Обл.» т. V, стр. 46—47, 1896 г., *М. Миропіева*—въ «Зап. Имп. Русс. Геогр. общ»., по отд. Этног. т. X, вып. 3, 1888 г.

Во время сеанса онъ перестаетъ играть на своемъ кобызѣ [1]), и призывъ его прерывается только при наступленіи полнаго изнеможенія.

Разсматривая здѣсь различныя болѣзни, мы остановимся на тѣхъ недугахъ, гдѣ особенно проявляется дѣятельность баксы. А именно, на болѣзняхъ, которую киргизы называютъ ایالی کسل, т. е. людей, побитыхъ якобы джиннами и пери, отъ которыхъ страдаютъ больные, находясь подъ властью ихъ. Самый способъ леченія этой болѣзни киргизы называютъ «кöшӳрӳ», отъ глагола кöшӳрмöк «переселить» духовъ-мучителей, поселившихся въ больномъ, на другой предметъ [2]).

Вотъ что намъ сообщаетъ относительно леченія этой болѣзни киргизъ Чимкентскаго уѣзда Ногай-куринской волости, Эркимбекъ *Ахенбековъ*. Приглашенный къ больному баксы въ теченіе семи дней играетъ на своемъ кобызѣ и вызываетъ своихъ джинновъ. По истеченіи этого срока, по приказанію джинна, обращеннаго къ баксы, рѣжутъ желтаго козла съ лысиной или чернаго барана съ лысиной же [3]).

Зарѣзавъ какого либо изъ этихъ животныхъ, всѣ кости отдѣляютъ отъ мяса и складываютъ на шкуру убитаго животнаго, а мясо варятъ и раздаютъ народу въ «худаи» (во имя Бога). Причемъ баксы и больной этого мяса не ѣдятъ. Затѣмъ баксы уводитъ больного на большую дорогу, захвативъ съ собою названную шкуру съ костями. Тамъ онъ выкапываетъ—«ошакъ»—яму съ двумя отверстіями, черезъ которыя свободно можетъ пролѣзть человѣкъ, протаскиваетъ черезъ эти отверстія больного взадъ и впередъ три раза и возвращается потомъ съ нимъ домой, оставивъ на мѣстѣ шкуру съ костями. Послѣ того одежду больного получаетъ баксы.

Это одинъ способъ леченія, а другіе баксы поступаютъ иначе. Вмѣсто того, чтобы рѣзать скотину, они берутъ голый черепъ павшаго животнаго, окрашиваютъ его въ красную краску, называемую «джоба» [4]) и чернятъ сажей.

Затѣмъ дѣлаютъ семь куколъ «коршакъ» и приготовляютъ семь фитилей «шыракъ». Когда все готово, баксы ведетъ больного къ развѣтвленію семи дорогъ. Куколъ онъ—тамъ привязываетъ къ упомянутому черепу пестрыми

[1]) Описаніе кобыза см. въ V т. «Сборн. матер. для статист. Сыръ-Дарьин. обл.» 1896 г. стр. 4. Здѣсь мы даемъ для нагляднаго знакомства портретъ *Бай-аке*, играющаго на кобызѣ.

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о леченіи болѣзни способомъ «кöшӳрӳ», см. въ «Этнографич. очеркахъ киргизовъ Казалинск. и Перовскаго уѣздовъ» *Х. Кустанаева*, стр. 47.

[3]) Рѣжутъ желтаго козла или чернаго барана съ лысинами, по словамъ киргизовъ, по той причинѣ, что джинны якобы боятся ихъ.

[4]) Краска جوبه «джобâ», добываемая въ горахъ, идетъ на окраску рѣшетки киргизскихъ юртъ.

нитками, скрученными въ обратную сторону [1]), потомъ зажигаетъ фитиля, а больного сажаетъ на черепъ. Какъ только фитиля сгорятъ, баксы беретъ больного и немедленно убѣгаетъ съ нимъ безъ оглядки, приговаривая «саттым, саттым»—«продалъ», «продалъ»! [2]).

Если бы онъ оглянулся назадъ, то آچ آرواق (голодный арвахъ) [3]) снова поселился бы въ больномъ.

Такой же способъ леченія, какъ говоритъ Ахенбековъ, примѣняется и къ женщинамъ, которыя не способны рожать. По окончаніи процесса леченія баксы беретъ кусочекъ краснаго сукна—«манатъ», свертываетъ его, перевязываетъ шолкомъ семи цвѣтовъ и предлагаетъ носить больному на шеѣ или за пазухой.

При свертываніи кусочка сукна баксы—упоминаетъ имена святыхъ и заканчиваетъ словами: Сулайман деми-мнан байладымъ «привязалъ я дыханіемъ Соломона».

Ниже мы приводимъ текстъ и переводъ призыва баксы, когда онъ приступаетъ къ леченію своего паціента. Вотъ онъ:

صو باسینده سلیمان
صو آیاغی ایر قورقیت
بالالاردی سین قورقیت
آیداچو برمین داو پیریم
چاقرغانده کیل پیریم
مونکلی مینان شیرلی ننک
کیسالین تاویب بیر فریم
جیر جوزینداکی آولیا
کون کوزینداکی آولیا
معروفداکی ومشروقداکی آولیا
ترکستانده تومین باب

---

[1]) Нитку пеструю крутятъ въ лѣвую сторону, тогда какъ обыкновенно крутятъ въ правую сторону. Дѣлаютъ изъ этой нитки фитиля, обматываютъ на колышки, приколачиваютъ въ землю и зажигаютъ.

[2]) Т. е. продалъ болѣзнь кукламъ.

[3]) *Арвахъ* или по-киргизски *Арвакъ*,—это души усопшихъ. Объ «арвахахъ» см. въ «Этнограф. очерк.» Х. Кустанаева, стр. 44.

سزدیردین میدات تیلایمن
صایرامداغی صانسز باب
اوترارده اوتوز باب
اینك اولكانی آریستان باب
اینك كچی سی آلاچه قاف
سز دیردین میدات تیلایمن
قازی قورت آطا آولیا
آری جاقتا قینکراق بار
بیری جاقتا قراق بار
سزدیردین میدات تیلایمن
قرامورت آطا آولیا هوالله
بیکنا وآطا بیك آطا
بیکیچ آطا قولدای کور
چقباق آطا آولیا
قوچقار آطا آولیا
سزدیردین میدات تیلایمن
تولکی باسی آولیا الله هو
آولیا آطا آولیا
عیشه بی بی آولیا
سزدیردین میدات تیلایمن
تیك تورماس آطا آولیا
قراخان بابام قولدای کور هوالله
چیلتان بابام قولدای کور
آینالاین آتنکنان
تیلاویمدی اونکدای کور
سزدیردین میدات تیلایمن

شیخی بورخ دیوانه هو الله
آر واقتی جبیوب حیداغان
سیطان کورسی بابلاغان
حیده بیرمین داو پیریم

❀ آل ایندی جینلاردینك آطین آیتب چاقرادی ❀

آینالاین قراغوس
جانجاغونکدی قراب اوچ
بیلقیداغان بویریکدین
صولقیلداغان جوراکدین
شیرمینده قیلمای بایقاب توس
کیلچی بیرمین مُلده قیز
آرواق کورسی حیداغان
جین سیطان کورسی بایلاغان
موینونه مونچاق تاغینغان
چاقرمسام صاغینغان
چاقرغان جیردین طابیلغان
کیلچی بیرمین صاری قیز
تودیکان سوزی داری قیز
حیداچی بیرمین داو پیریم هو

Переводъ:

О, Сулейманъ, пребывающій у воды! [1])

[1]) Тронъ пророка Сулеймана (Соломона), по преданію, постоянно висѣлъ надъ водой. Кромѣ того, Сулейманъ, находясь всегда на берегахъ рѣкъ и морей, оказывалъ помощь, когда его призывали.

О, мужественный Коркудъ, [1]
Наводящій страхъ на дѣтей!..
О, мой главный пиръ, сгони (духовъ) сюда!
О, мой пиръ, предстань же, когда зовутъ тебя!
Несчастнаго и больного
Отгадай недугъ, о, мой пиръ!...
О, святые, обитающіе на землѣ,
О, святые, обитающіе на небесахъ,
О, святые запада и востока,
О, десять тысячъ святыхъ Туркестана,
Молю у васъ помощи.
О, безчисленные святые Сайрама,
О, тридцать святыхъ Отрара, [2]
Самый старшій изъ нихъ Арыстанъ-бабъ [3],
А самый младшій Алача-капъ,
Молю у васъ помощи.
О, святой Казы-куртъ-ата [4],
О Кынгракъ [5], находящійся на той сторонѣ,
О, Каракъ [6], находящійся по эту сторону,
Молю у васъ помощи!
О, святой Кара-муртъ-ата,
О, Бекбау-ата Бекъ-ата,
О, Бегичъ-ата-поддержи!
О, Святой Чакпакъ-ата,
О, святой Кочкаръ-ата,
Молю у васъ помощи!
О, святой Тюльку-башъ,

---

[1]) Могила св. Коркуда находится на берегу р. Сыръ-Дарьи См. т. X «Зап. Вост. Отд. Имп. Русс. Археол. Общ.», статью: «Нѣсколько словъ о могилѣ св. Хорхутъ-ата». См. также статью В. Бартольда: «Китаби-Коркудъ», помѣщенную въ VIII т. тѣхъ же «Записокъ», стр. 203—218.

[2]) Развалины историческаго гор. Отрара, гдѣ скончался Тимуръ (1335—1405), находятся между городами Чимкентомъ и Туркестаномъ, при впаденіи р. Арысь въ Сыръ-Дарью.

[3]) Гробница св. Арыстанъ-баба, наставника по химіи Азретъ-Султана Ясавійскаго, находится на одной верстѣ отъ г. Отрара.

[4]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о св. Казыкуртѣ см. въ V т. «Сбор. матер. для стат. Сыръ-Дарьин. обл.», въ статьѣ: «Легенда о Казыкуртовскомъ ковчегѣ».

[5]—[6]) Кынгракъ и Каракъ—названія горъ, находящихся въ 100 верстахъ отъ Чимкента къ Сыръ-Дарьѣ.

О, святой Ауліе-ата [1]),
О, святая Айша-биби [2]),
Молю у васъ помощи!
О, святой Текъ-турмасъ-ата [3]).
О, дѣдушка мой Кара-ханъ, поддержи меня подъ руки!
О, дѣдушка мой Чильтѣнъ, поддержи меня подъ руки,
«Да кружусь» я вокругъ твоего имени!
Направь мои молитвы къ лучшему.
Прошу и вашей помощи
О, Шайхы-Борхъ-дивана! [4])...
О, сгоняющій арваховъ и джинновъ,
О, подчиняющій себѣ шайтановъ,
Главный мой пиръ, сгони ихъ сюда!

---

[1]) Нѣкій Кара-ханъ происшедшій изъ племени уйгуровъ или карлуковъ, царствовавшій въ концѣ X вѣка, основатель династіи Караханидовъ или Илекъ-хановъ, который изъ тюрковъ первый принялъ мусульманство, по народному преданію, былъ похороненъ въ г. Ауліе-ата и надъ его могилой сооруженъ мазаръ (мавзолей), существующій теперь и носящій названіе Ауліе-ата, по имени котораго городъ получилъ свое названіе, Св. Авретъ-Ауліе слылъ въ народѣ подъ именемъ Кара-хана, но настоящее его имя было—Ша-Махмудъ. См. Протоколъ Турк. Круж. Люб. Археол. отъ 5 Мая 1897 г., сообщенія В. А. Каллаура и В. Б. Панкова.

[2]) Гробница Айша-биби находится околс почтовой станціи Головачевской, не доѣзжая до г. Ауліе-ата. По словамъ мѣстныхъ туземцевъ одинъ изъ Самаркандскихъ хановъ былъ женатъ на христіанкѣ, китайской княжнѣ, имя которой отожествляется съ именемъ Ханым-биби (памятникъ этого имени имѣется въ Самаркандѣ), сестра которой Айша-биби пріѣзжала къ ней въ Самаркандъ въ гости. На обратномъ пути Айша-биби умерла влизи рѣки Асы, гдѣ и сооруженъ ей настоящій мавзолей. Кромѣ того, въ одной книгѣ записанъ якобы такой разсказъ: «Айша-биби была дочь Измаилъ-Ата. Ауліеатинскій святой избралъ ее своей невѣстой и высказалъ о своемъ желаніи Измаилъ-ата. Послѣдній нехотя согласился, цослать дочь къ Ауліе-ата, но при этомъ сказалъ, что женихъ не увидится съ невѣстой. Такъ и случилось: Айша-биби умерла въ городѣ, 2-ташахъ отъ города, гдѣ и была похоронена См. Протоколъ Турк. Круж. Любит. Археол. отъ 5 Мая 1897 г., сообщ. В. А. Каллаура.

[3]) Могила св. Тектурмаса находится на высокомъ берегу р. Таласа, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Ауліеата.

[4]) По преданію Шайхы-Борхъ-дивана, стоя на одной ногѣ 40 дней молилъ Всевышняго, чтобы Онъ уничтожилъ свои семь адовъ. Когда Всевышній послалъ къ нему своихъ ангеловъ, въ образѣ людей-грабителей, которые отняли у него посохъ и джанду (харатъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ сшитый), избивъ его, тогда Шайхы-Борхъ сталъ просить Бога, чтобы Онъ увеличилъ число адовъ до восьми, ибо онъ ранѣе не подозрѣвалъ, что у Бога есть такіе злые рабы.

Далѣе баксы призываетъ джинновъ по ихъ именамъ:

«Да кружусь» вокругъ тебя, Кара-гусъ [1])!
Лети ко мнѣ, озираясь вокругъ себя,
Не причиняя мягкимъ почкамъ
И трепещущему сердцу (больного) вреда,
Опустись осторожно, не осрами меня.
Подойди ко мнѣ ближе Мулла-кызъ,
(Мулла-кызъ), сгоняющая арваховъ,
Подчиняющая себѣ джинновъ и шайтановъ,
Увѣшавшая свою шею бусами,
Скучающая, когда я ее не зову,
Всегда готовая, когда я ее зову!...
Подойди ко мнѣ ближе Сары-казъ [2]),
Вѣдь ты дѣвица, даже плевокъ которой цѣлебенъ!
О, главный мой пиръ, сгони всѣхъ!... Боже!

Еще подробнѣе и интереснѣе далъ намъ свѣдѣнія относительно леченія баксами помянутыхъ выше болѣзней также посредствомъ «кӧшӳрӳ киргизъ Чимкентскаго уѣзда, Мулла-али Махдибаевъ. Онъ разсказываетъ, что приглашенный къ больному баксы начинаетъ съ того, что ощупываетъ больному руки, нажимаетъ жилы у кисти руки больного (вѣроятно пульсъ), затѣмъ беретъ свой кобызъ и начинаетъ играть, дабы узнать отъ своихъ джинновъ, какимъ недугомъ страдаетъ больной. Послѣ довольно предолжительной игры и призыва джинновъ баксы кладетъ свой кобызъ на землю и объявляетъ, что ему предсказывали арвахи, что больной, въ такое то время подъ обрывомъ, или подъ деревомъ, или на берегу рѣки во время сна, или находясь въ пути, когда спалъ одинъ на землѣ, былъ побитъ джинномъ. Иногда баксы говоритъ, что больной испорченъ آجينه Аджина [3]), или находятся подъ вліяніемъ ديو پرى дива-пери, или больного коснулось холодное дуновеніе водяного пери سوپرى دينك سالقينى توسكين или, наконецъ, говоритъ, что, вѣроятно, одинъ изъ предковъ больного былъ когда-то опокровительствованъ арвахомъ за свою праведную жизнь, вслѣдствіе чего по временамъ является къ больному арвахъ и кладетъ на него

[1]) Наши киргизы Кара-гусомъ называютъ коршуна, а по другимъ свѣдѣніямъ чернаго беркута.

[2]) Сары-кызъ—желтая дѣвица, т. е. бѣлокурая, блондинка.

[3]) Аджина—злой духъ женскаго пола. Онъ и до сихъ поръ является сартамъ въ разныхъ видахъ и въ разное время, но преимущественно—по ночамъ. Встрѣча съ Аджиной причиняетъ сартамъ вредъ—порчу: послѣ этой встрѣчи съ Аджиной, сарты дѣлаются юродивыми (дивана). См. «Сарты» Н. П. Остроумова, вып. второй, стр. 174, изд. 1893 г.

тяжесть, причиняя ему мученія, за то что больной велъ не благочестивую и не достойную его предку жизнь.

Затѣмъ баксы, если только онъ имѣетъ усердное намѣреніе лечить больного, изъявляетъ на то согласіе и приступаетъ къ леченію. Прежде всего онъ собираетъ какъ можно больше народа изъ этого аула, предлагаетъ имъ предварительно совершить طهارة омовеніе, а потомъ впускаетъ ихъ въ юрту, усаживаетъ кольцомъ, а въ средину садитъ или укладываетъ больного. Кромѣ того, по приказанію баксы вносятъ въ юрту связаннаго Кара-гуса или связанную курицу и кладутъ около больного, а иногда приносятъ голубя и даютъ больному, чтобы онъ держалъ его въ объятіяхъ. Это дѣлается для того чтобы болѣзнь перешла къ нимъ, т. е. къ кара-гусу, курицѣ или къ голубю. Иногда вмѣсто этихъ пернатыхъ баксы приказываетъ принести голые черепа верблюда или собаки, или же, наконецъ, 5—10 куколъ, которые больному даютъ подержать съ вышеупомянутою цѣлью. Затѣмъ до наступленія сеанса вносится въ юрту 2—3 кетменя [1]) безъ ручекъ, нѣсколько желѣзныхъ предметовъ, и все это кладетъ въ огонь, для того чтобы накалилось докрасна. Потомъ приготовляютъ 5—10 фитилей, скрученныхъ изъ тряпицы, вносятъ въ юрту обнаженную острую шашку и кинжалъ и, наконецъ, приносятъ и вѣшаютъ въ юртѣ одну здоровую колотушку и толстую нагайку. Всѣ эти перечисленные предметы, какъ увидитъ читатель ниже, будутъ необходимы, какъ выражаются киргизы, во время его اويون игры (леченія). Когда все это готово, баксы беретъ въ руки свой кобызъ и начинаетъ играть, а спустя уже нѣкоторое время подпѣвать и призывать своихъ джинновъ. Вотъ что онъ поетъ:

ایس دینك باسی بسمیلده
قرآن دینك باسی بسمیلده
اونکلای کورکین ایسمدی
جراتقان جبّار بر آلله
آینالاین اِیْ آلله
سین قولداسانك مین مونده
آووادن کومر توسرکن
اوت جاقبای تیمور پسرکن

[1]) Необходимое орудіе мардекеровъ (чернорабочихъ) въ Туркестан. краѣ, замѣняющее собою нашъ желѣзный заступъ.

قاو کوریکی بافیلداب
بالغه توسی چاقیلداب
ایر داود پیریم سین قولده
سین قولداسانك مین مونده
تخت سلیمان قولدای کور
سوناق آطا اونکدای کور
آطا پیریم ایمیس بینك
ایر مقام ایندی سین قولده
سین قولداسانك مین مونده
سو آیاغی ایر قورقود
فلکت‌دی سین قورقوت
بجسی پیری ایمس بینك
کوزونکدی سال قولم توت
بجسی بابا سین قولده
مین سیندیم تار جولده
مین سیندیم سز دیرکه
میدیت برکین بز دیرکه
بیره کورکین باغیمدای
خدای میدیت بیره کور
اویناب تورغان چاغیمدای

Переводъ:

Начало каждаго дѣла: بسم الله «Во имя Бога!»

Начало Корана: بســـم الله «Во имя Бога!»

О, направь мое дѣло,
Создатель всемогущій, единый Боже.

«Да кружусь» [1]) вокругъ тебя, о, Боже!
Если Ты поддержишь, я здѣсь готовъ,
О, сбрасывающій угли съ неба,
О, накаливающій желѣзо, не разводя огня!...
Да запыхтятъ кузнечные мѣхи,
Да застучатъ обухи молотовъ.
О, мой пиръ, мужественный Даудъ [2]), поддержи!
Если ты поддержишь, я здѣсь готовъ.
О, тронъ Сулеймана! [3]), пожалуйста поддержи.
О, Сунакъ-Ата! направь мое дѣло,
Развѣ ты мой не главный пиръ? [4])
О, мужественный Макамъ, теперь и ты поддержи,
Если ты поддержишь, я здѣсь готовъ.
О, мужественный Коркудъ, властитель низовьевъ водъ,
Застращай ты болѣзнь (больного)!
Развѣ ты не пиръ баксыевъ?—
Обрати свой взоръ ко мнѣ, держи мою руку.
О, Баксы-баба! поддержи,
Я прибѣгаю къ помощи, застигнутый на узкой дорогѣ,
Я прибѣгаю къ вамъ,
Дайте намъ помощь...
Пошли же мнѣ, пожалуйста, мое счастье.
О, Боже! окажи же мнѣ помощь
Въ то время, когда я занятъ игрой (леченіемъ)!

Здѣсь баксы прерываетъ свои призывы къ святымъ и проситъ присутствующихъ, чтобы они всѣ произносили: لا الله الا الله «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога!» Тогда, собравшіеся въ юртѣ люди безостановочно повторяютъ эту фразу, а баксы приступаетъ уже къ призыву джинновъ:

---

[1]) Слово: «Да кружусь» будетъ встрѣчаться ниже очень часто. Фраза эта въ большомъ употребленіи у здѣшнихъ туземцевъ и выражаетъ собою ласкательное восклицаніе. Оно произносится краткимъ словомъ: آينالاين— «да кружусь» (вокругъ тебя), готовъ отдать жизнь за тебя. Восклицаніе это осталось отъ древняго обычая, по которому, принося жертву, напр. для излеченія болѣзни, кружились вокругъ больного и потомъ предметъ жертвы или рѣзали или раздавали больнымъ. См. слов. Л. Будагова.

[2]) Пророкъ Даудъ (Давыдъ), какъ гласитъ преданіе, былъ по ремеслу кузнецъ и обладалъ необыкновенной силой.

[3]) Говорятъ, тронъ Сулеймана (Соломона) обладалъ чудодѣйственной силой и могуществомъ.

[4]) Пиръ отъ персид. پير—старикъ, глава монаховъ. основатель религіознаго ордена.

قوی قافده جاتقان پریلار
مین چاقردیم کیلینکدیر
بارك آلده ایرلاریم
تیلاویمدی بیرینك دیر
لسکری تودار قره باس
اویولوب قونار آرالاس
قوبوزونکدی کوناریب
قوی قافدان کیلچی چاره باس
توقسان قویدینك تیریسی
تون چیقباغان چاره باس
سکسان قویدینك تیریسی
بورك چیقباغان جاره باس
قاتدی قیین ایس بولدی
کیدیرگینینك جراماس
توقسان قویدینك تیریسی
تون چیقباغان کوکامان
سکسان قویدینك تیریسی
جینك چیقباغان کوکامان
کیلچی بیری کوکامان
ازغارینکنان قورقامن
توقسان توغای قدیرغان
بالاغین جینغال سدیرغان
کیلچی برمین جولبارسم
جان آیاماس جولداسم
جازیلمای قالسه باغیمم

کیلمایمه مینم ناەوسم
آرقەدن کیلکان بوز اولك
موینونکدی سوز اولك
ایسیکدینك آلدی قوبه تال
قایروب باسین سوغه سال
آتانکا لَنَتْ تیل کورنك
آلدیمه کیلیب اویون سال
کوکینی دیکان جین کیلدی
هایقایلاب بارین آلده سال

Переводъ:

О, пери, обитающіе въ горахъ Кафъ [1]),
Я зову васъ, идите ко мнѣ...
Баракельдэ! [2]) мои мужи,
Пошлите мнѣ то, о чемъ я молю!...
О, Кара-басъ, обладающій знаменемъ арміи!
Прилети и сядь плотной кучей въ перемѣшку.
Захвативъ съ собою кобызъ,
Лети изъ горъ Кафъ, о, Чарá-басъ! [3])
Изъ девяносто бараньихъ шкуръ
Не скроили тебѣ шубы. Чара-басъ,

[1]) Подъ горами «Кафъ» принято подразумѣвать Кавказскія горы, но, здѣсь говорится не о тѣхъ Кавказскихъ горахъ, которые, какъ выразился покойный Г. С. Саблуковъ, нынѣ «почти насквозь проколоты русскимъ штыкомъ», но тѣхъ, которые въ видѣ кольца или на подобіе экватора на глобусахъ, отъ востока къ западу опоясываютъ всю землю и служатъ пріютомъ «пери» и «дивовъ».

[2]) Баракельдэ بارك الله—восклицаніе это арабское и означаетъ въ переводѣ: «Да благословитъ Богъ!» (въ смыслѣ: браво! славно)!

[3]) Одинъ изъ главныхъ духовъ. Имя это состоитъ изъ двухъ словъ: چراباس «чарá» — большая котлообразная деревянная чашка, вмѣщающая иногда въ себѣ около двухъ ведеръ бульона, и «басъ»—голова. Чарабасъ обладалъ скавочнымъ ростомъ.

Изъ восьмидесяти бараньихъ шкуръ
Не скроили тебѣ шапки, Чара-басъ!
О, трудное и тяжелое теперь у меня дѣло,
Твое замедленіе сейчасъ невозможно (явись скорѣй).
Изъ девяноста бараньихъ шкуръ
Не скроили тебѣ шубы, Кокаманъ,
Изъ восьмидесяти бараньихъ шкуръ
Не скроили тебѣ рукавовъ, Кокаманъ
О, поди поближе, Кокаманъ,
Я страшусь твоего проницательнаго холода;
Ты избродилъ девяносто луговъ,
Пообтрепавъ о колючки чингыла оконечности своихъ штановъ.
О, подойди поближе, мой джолбарсъ [1]),
Мой другъ, нещадящій для меня своей жизни!
Если я не вылечу своего больного.
Развѣ мнѣ не будетъ стыдно?
Изъ-за горъ пришелъ Бозъ-ӧлекъ;
О, Бозъ-ӧлекъ, вытяни шею!...
Предъ дверями растетъ стройный талъ.
Сгони его вершину и опусти въ воду.
О, Тиль-корунгъ, да будетъ проклятъ твой отецъ!
Явись предо мною и начни игру...
А, вотъ явился джиннъ, по имени Кокеней!
Собери-ка ты всѣхъ съ гикомъ да съ крикомъ!

Здѣсь опять баксы обращается къ присутствующимъ, чтобы они произносили слова: الله هو—«Онъ, Богъ!» Люди повторяютъ эти слова, а баксы продолжаетъ:

جین دینك باسی دوسی بای
جین چاقردیم اوسونـدای
جین آولیا کیلامه
بر برینه قوسولمای
داویسیمده سفان نی بولدی
قوبوزیمه قوسولمای
قراغای قوبز قولغه آلدیم

---

[1]) Джолбарсъ جولبارس—тигръ.

آبی جیلندای تولغاندیم
بو قوبوزیم سینبادی
غریب جانیم تینبادی
اون بیسمده جابیسدی
جیرمه‌ده تابیسدی
کونباس ایسکا کوندوردی
قو آغاچغه توندوردی
توبه‌که چقتان تورت آتیم
کوك کیبمدی بورته آتیم
آلتی قولاچ آلا آتیم
وای بای مینم بوز آتیم
اویداده بار اون خوجم
قیرداده بار قرق خوجم
آسراسی جاس خوجم
تولپو دیکان مس خوجم
کیل تولپو کیل تولپو

Переводъ:

Глава джинновъ Досыбай...
Вотъ какимъ способомъ призываю я джинновъ.
Джинны и святые развѣ приходятъ,
Не присоединяясь одинъ къ другому?...
Что съ тобой сдѣлался, мой голосъ,
Что не подпѣваешь моему кобызу?
Я взялъ въ руки сосновый кобызъ
И какъ змѣя водяная извиваюсь.
Вѣдь вотъ не ломается мой кобызъ,
Не даетъ покоя бѣдной душѣ моей.
Пятнадцати лѣтъ онъ (джиннъ) присталъ ко мнѣ,
Двадцати лѣтъ онъ подружился со мной.
Склонивъ меня къ такому дѣлу противъ воли,

Приковалъ онъ меня къ высохшему дереву [1])
О, мои четыре коня, стоящихъ на бугрѣ,
О, мой мухортый конь, одѣтый въ зеленое одѣяніе,
О. мой пестрый конь въ шесть кулачей [2]),
Ахъ! Ахъ! мой бѣлый конь!...
Дома у меня девять хозяевъ,
Въ степи у меня есть сорокъ хозяевъ,
Но выдѣляется изъ нихъ молодой хозяинъ,
По имени Мисъ-Толпу;
О, иди ко мнѣ Толпу, иди Толпу!

Въ это время возбужденный баксы начинаетъ вонзать себѣ въ ротъ и въ животъ кинжалъ, а потомъ продолжаетъ:

جین دینك آطی قرامان
ایندی قایده بارامن
آتامنان قالغان قرامان
سینی منین بولامن
اولگوسز کوی‌لیك پیشبایمن
آلدالاب جولغه توسبایمن
آیتقانیمدی قیلماسانك
آلدینگا سیره توسمایمین
جین آتاسی جیرانتای
قولونگا جاسیل تو آلدینك
نایزانکدی قانغه سوغاردینك
دیرتدی کوروب قواندینك
آقساق قویدای مُنکرانب
اوقور قویدای جامرانب
زیانداستی خاتوننان
بار خدایم آجرانب

[1]) Т. е. къ кобызу,
[2]) Кулачъ равняется $2^1/_2$—3 аршинамъ.

جین کیلادی آیداب آل
آیاق قولین بایلاب آل
جن آتاسی جیراننای
جال قویروغون تویگان تای
آینالاین پیریم آی
قرا سقال بالتەلیم
قوی مقبالدان خلتەلیم
زیانداسین آلماسانك
بر آیده بولسه جانتقانیم
ایل ایمس ایدینك ایردوای
ایرینباسینك کیل دوای
قاندی قایریم ایس بولدی
کورساتچی کوچونك ایندوای
آرقەدان کیلگان آق توبت
آیلانه اورکان ساق توبت
توبه تیم اوروب قاچورغین
جاینه کیتسون فلَکَتْ
ایکی بیتنك آلبراب
قزیل تیلینك سالبراب
ساونی اینکیندی اینکقیلداب
اوزی نینك سوزین مقولداب
سری قز کیلدی جاقینداب
چاقردیم کیلگین سری قز
کیلمیکیننه بارینکز
کومیکینکدی کوب قیلیب
بلانی بایلاب آلینکز

Переводъ:

Имя джинна Караманъ...
Куда теперь я дѣнусь?
О, Караманъ, унаслѣдованный мнѣ отцомъ,
Я долженъ имѣть съ тобою дѣло!...
Я не крою рубахи безъ примѣрки,
И не выступаю въ путь, обманывая тебя.
Если не будешь ты исполнять, что я прикажу тебѣ,
Я не пойду ни за что навстрѣчу къ тебѣ.
О, отецъ джинновъ Джирӑнтай!
Ты взялъ въ руки зеленое знамя,
Напоилъ свою пику кровью;
Угадавъ болѣзнь, ты доставилъ мнѣ радость!
Заставивъ стонать какъ хромого барана,
Заставивъ стонать какъ слѣпого барана,
Падучею страдающую женщину
Освободи отъ этой болѣзни, о, Боже!..
Вотъ идутъ джинны; сгони ихъ въ кучу,
Да забери ихъ, связавъ имъ ноги и руки.
О, отецъ джинновъ Джирӑнтай!
О, ты мой жеребенокъ съ развязаннымъ хвостомъ и гривою,
«Да кружусь» вокругъ тебя, мой пиръ!
О, ты мой Кара-сакалъ съ топоромъ,
Да съ сумкой изъ дорогого бархата!
Если ты не освободишь ее отъ падучей,
Я пролежу здѣсь цѣлый мѣсяцъ.
О, мужественный Дӑу, ты былъ моимъ врагомъ,
Если тебѣ не лѣнь, приди ко мнѣ, о, Дӑу!
Здѣсь предстоитъ тяжелая работа,
Покажи же теперь свою силу, о, Дӑу!
О, Акъ-тубетъ! [1]), пришедшій изъ-за горъ,
О, Сакъ-тубетъ! ты ходишь вокругъ и лаешь.
О, мой тубетъ! залай такъ, чтобы убѣжала болѣзнь,
Пусть уходитъ она отсюда на свое мѣсто.
Съ отвисшими двумя щеками,
Съ высунутымъ краснымъ языкомъ,
Подоивъ неугомонную верблюдицу
И бормоча по своему,
Приблизилась къ намъ Сары-кызъ.
О, Сары-кызъ, я зову тебя, иди;

---

1) Акъ-тубетъ и Сакъ-тубетъ, какъ говорятъ киргизы, имена собакъ особой породы, которыя отличаются какъ замѣчательные караульщики.

Сходи ты за пришедшими (джинами) и,
Собравъ большую гурьбу,
Свяжите болѣзнь и возьмите себѣ.

Затѣмъ баксы встаетъ съ своего мѣста, приказываетъ принести ему раскаленныя до красна кетмени и. проч. желѣзныя вещи и велитъ уложить на землю. Потомъ онъ босыми ногами, совершенно спокойно, начинаетъ ходить по раскаленнымъ кетменямъ. При каждомъ прикосновеніи его босыхъ ногъ до кетменей, слышится шипѣніе. Опаленныя свои ноги онъ обтираетъ потомъ о больного своего паціента. Затѣмъ онъ хватаетъ фитиля, зажигаетъ ихъ, беретъ въ ротъ, вытаскиваетъ ихъ пылающими изъ рта, вновь вкладываетъ и, въ концѣ концевъ тушитъ во рту. Схвативъ приготовленную колотушку, баксы падаетъ навзничъ на больного и начинаетъ бить себя въ грудь что есть мочи; потомъ беретъ нагайку и бьетъ больного или другого человѣка, присутствующаго въ юртѣ, разложивъ его на брюхо. Люди, подвергшіеся такому наказанію баксы, говорятъ, что никакой боли отъ ударовъ не чувствуетъ, но предпологаютъ, что соприкосновеніе нагайки къ тѣлу задерживается джиннами.

Продѣлавъ все это, баксы опять берется за кобызъ, начинаетъ играть и звать своихъ джинновъ:

جول جول جاتر جول جاتر
جول جغالای قول جاتر
سو قولداردینك اچنده
سر آزبان دیکان ایر جاتر
سر آزبانده سیکل جوق
کوك چولاقده کیکیل جوق
آرقه داغی آولدای
قیاغه بیتکین قاویندای
بارك آلده ایرلاریم
کیلب اورچی داولدای
ایگونچی کیگن چیکبیندی
بازار داغی کیتبیندی
جنگا کیلدی داولبای

قرسی آلدینان قراسام
توجوروب قویغان تیاقدای
توسرتینان قراسام
قرغیغه قویغان آیاقدای
بویورینان قراسام
بیلکه آسقان صداقدای
تولغانیب جانقان جیلاندای
کیلینچیک تاقتان قبراندای
قرا چوبار قبلانوم
ابی جیلندی آط اینکین
سوجیلندی سوت اینکن
جادو کویم جارغوچیم
تینتوچی قره بایغوسم
تویه باسدی چاره کوز
آینالاین جارغوچیم
قانغه تویماس بایغوسیم

Переводъ:

Дорога, дорога лежитъ, дорога лежитъ,
Вдоль дороги воины лежатъ,
Между этими воинами
Лежитъ мужъ Саразбанъ.
Саразбанъ не имѣетъ красоты,
Какъ сѣрая безхвостая (лошадь) не имѣетъ чёлки.
Баракельдэ, мои мужи,
Вы (привлекательны) какъ аулъ на гладкой степи.
Какъ дыни, выросшія на косогорѣ,
Пригите и опустошите словно буря!...
Въ чекменѣ, что носятъ хлѣбопашцы,
Съ кетменемъ, что продаютъ на базарѣ,
Сейчасъ предсталъ здѣсь Даулбай.

Какъ посмотрю на него я спереди,
Онъ походитъ на гладкую палку, съ ободранной шкурой,
Какъ посмотрю на него свади,
Онъ походитъ на (красивую) чашку, что ставятъ копчику—перепелятнику,
Какъ посмотрю на него сбоку,
Онъ походитъ на лукъ, что подвѣшиваютъ къ поясу.
Какъ змѣя извивающаяся,
Какъ кыранъ [1]), которую подвѣшиваютъ (на грудь) молодухи
Мой капланъ съ черными полосами,
Обратившій въ лошадь змѣя водяного,
Полюбившій змѣя водяного, какъ любятъ молоко,
Мой колдунъ разрушитель,
Моя черная сова, сдѣлай-ка здѣсь обыскъ!
О, ты, съ верблюжьею головою, съ главами съ чарѝ,
«Да-кружусь» вокругъ тебя, мой разрушитель.
О, ты моя сова, насыщающаяся кровью!...

Въ это время баксы, сидя на мѣстѣ, машетъ рукою; въ какую бы сторону онъ ни махнулъ, предметы, находящіеся на разстояніи 5—10 шаговъ отъ него, разсѣкаются словно отъ удара острой шашки; кошма-ли это стѣнъ киргизской юрты, глинобитный-ли дувалъ (стѣна), безразлично. Все это происходитъ якобы по волѣ джинна-разрушителя (джаргышъ). Бѣснуясь такимъ образомъ, баксы приходитъ въ полное изступленіе и изнеможеніе, бѣгаетъ съ ревомъ по выраженію Махдибаева, какъ опьяненный въ случный періодъ, самецъ верблюдъ, подражая собакѣ, выскакиваетъ изъ юрты, бѣгаетъ по полю, обнюхивая окружающее, мычитъ на подобіе коровъ,—ржетъ подражая жеребцу, воркуетъ какъ голубь и. т. д. Махдибаевъ всѣ эти издающіеся звуки приписываетъ голосамъ присутствующихъ джинновъ. Затѣмъ баксы беретъ острую шашку, даетъ двумъ изъ присутствующихъ людей, которые, держа шашку за концы, опускаютъ ее на полъ лезвіемъ къ верху. Баксы становится на лезвіе одной ногой, затѣмъ убираетъ эту ногу и становится другою, и каждый разъ ноги свои обтираетъ о больного. Потомъ снова въ припадкѣ изступленія начинаетъ играть на кобызѣ, развязываетъ своему буйному съумашедшему паціенту руки и ноги, присутствующіе приходятъ въ ужасъ, опасаясь, чтобы одержимый болѣзнью больной не бросился на нихъ, но онъ къ удивленію ихъ совершенно спокойна остаетсявъ юртѣ и выкрикиваетъ то же самое, что и присутствующія, о баксы опять призываетъ своихъ джинновъ, описывая ихъ внѣшность:

جالغيز چيقڤان توبولغی
جای چيق بولغان قوبوزوم

[1] Кыранъ—амулетъ цилиндрическій серебряный.

جیلمایه دینک تیریسی
چار آینه بولغان قوبوزوم
جویروك آندینك قیلی نان
جای چیق قیلغان قوبوزوم
جیتی کینترینك مقبالین
طمار قیلغان قوبوزوم
آینالاین دَولاْیم
دُولغالی سو پیریم
بارك آلده بیك‌لاریم
نارتچی برمین دَولاریم
بایمونکه کیلدی اوسونده
مالایی بار باسینده
قرق جیکتی قاسنده
آیده هاری آسننده
آیده برمین چوباریم
نار کومسدن طُمارینك
چوباریم مینم کیلماسه
نارقامایدی خوماریم
آیده برمین سکسین چوق
بارماغینك بار اوکچونك جوق
سیره او وایم قیلمایمن
قوروالار دیب کونکلوم توق
آیداوچو قره آیداب کیل
جورمیگینین بایلاب کیل

چا چاو چقب قالماسون
بارین آلوب جایناب کیل
بایمونکامدای ایر قایده
ایر بایمونکام کیلکینده
ظالم دیرگه کون قایده
آیده برمین قره میس
قرامیس‌دینك آوزین چیچ
مین چاقردیم سزدیردی
کیسلدیر دینك آتین چیچ
آیده برمین بوق باسار
هایقایلاسی جاو قاچار
قرق بایطالدی قولاچار
آیداچی برمین قولاچار
آلپیس آتدی آوغانیم
آتین بایلاب ساوغانیم
آره‌لاسیب آلوب قال
آیامایین جاومالین
آوواذغی آلا آتیم
نوروب جورکین توری آتیم
چابولوچی سری آتیم
آیده برمین قره آتیم
آرواق قویمای تیربیندیم
بارك آلده کور بیندیم
قیادن اوچقان سونقاریم
جوگروب جورکان تولپاریم

بارك آلده جيرانتاى
كيلدنكزبه اينكريم
جين كيلادى جيلوب
آرووىڭا تيگولوب   о о
بايلاغالى كيلكينده
آياق قولى قالار بوكولوب

Переводъ:

Изъ прутика одиноко-выросшаго таволожника,
Сдѣланъ смычекъ моего кобыза;
Шкуркою «джильмая [1])
Украшенъ мой кобызъ, точно 4 угольнымъ зеркальцемъ,
Изъ волоса коня-скакуна
Сдѣланъ смычекъ моего кобыза.
Зашитый въ бархатъ семи городовъ
Повѣшенъ тумаръ на мой кобызъ,
«Да кружусь» вокругъ васъ, мои Дäу!...
О, Дувулгы, пиръ ты мой водяной!
Бара кельдэ, мои беки!
О, мои Дäу, тяните сюда ближе...
Вотъ явился Баймунке
Въ сопровожденіи своего слуги;
Передъ нимъ сорокъ его джигитовъ,
А подъ нимъ его змѣй-удавъ.
Сгоняй поближе, о мой чубарый,
Съ тумаромъ изъ чистаго серебра.
Если не придетъ мой чубарый,
Не разсѣется моя жажда.
Сгоняй ближе (джинновъ), о мой Сиксанъ-чокъ!
Ты имѣешь пальцы, но не имѣешь пятокъ.

---

[1]) Джильмая—по объясненію здѣшнихъ киргизовъ, есть мѣстность въ Аравіи около Мекки. Верблюды этой мѣстности отличаются быстротою. Тонкой шкурой этого верблюда, якобы оклеивается верхняя часть кобыза, дабы инструментъ былъ звучнѣе. По мѣстности этой и верблюды получили свое названіе.

Я ни чуть не забочусь.
Сердце мое спокойно, что ты сгонишь (джинновъ)
О, ты, сгоняющій К а р а, пригони ихъ всѣхъ!
Да смотри, чтобы не захлебнулись (въ попыхахъ);
А которые не хотятъ идти, свяжи ихъ;
Такъ собери всѣхъ и пригони сюда.
О, гдѣ найдемъ такого мужа, какъ Баймунке!
Когда придетъ мужъ Баймунке,
Развѣ жестокимъ будетъ жизнь?...
Подойди ближе, К а р а-м и с ъ,
Развяжи отверстіе чернаго бурдюка.
Я позвалъ васъ всѣхъ къ себѣ,
Отгадайте названіе болѣзни.
Подойди ближе, Б о к ъ-б а с а р ъ,
Вѣдь когда ты заорешь, разбѣгается непріятель.
О, мой К у л а ч а р ъ (прибывшій) съ сорока кобылицами!
Гони ихъ ближе, Кулачаръ!
О, ты мой а в г а н е ц ъ, (прибывшій) съ 60-ю лошадьми,
Авганецъ, у котораго дою я лошадь, привязавъ ее.
Смѣшавшись съ другими (джиннами), спасите больного,
Я не пожалѣю для васъ богатства враговъ!...
О, мой п е с т р ы й-к о н ь, находящійся на небесахъ!
О, мой г н ѣ д о й-к о н ь, скачущій съ мѣста!
О, мой буланый конь скакунъ!
О, мой в о р о н о й к о н ь, подойди поближе!...
Перебирая всѣхъ арваховъ, я вспотѣлъ.
Баракельдэ, мой К у р б е т ъ!
Ты мой кречетъ, поднимающійся со скалъ,
Ты мой скачущій тулпаръ!
Баракельдэ Джирăнтай!...
Вы мой «вьючный», пожаловали?..,
Джинны приходятъ толпою.
Соприкасаясь къ своимъ арвахамъ.
Когда придутъ связывать (болѣзнь),
Руки и ноги останутся у ней согнутыми.

Собравъ всѣхъ своихъ джинновъ и пустивъ ихъ якобы въ бой, баксы, чтобы не осрамиться и чтобы леченіе его удалось, обращается съ усердною мольбою къ Богу и ко всѣмъ извѣстнымъ ему святымъ, упоминая ихъ имена:

خدای ابروین بیره کور
کوزومدونك جاسین کوره کور

سین نان میدت تلایمن
سیرامده بارسانسز باب
سزدن میدت تلایمن
ترکستانده تومن باب
سزدن میدت تلایمن
اونرارده اوتوز باب
سزدین میدت تلایمن
اینك اولکانی آرسنان باب
سزدین میدت تلایمن
سوناق آتا آولیا
سزدین میدت تلایمن
قورقود آتا آولیا
سزدین میدت تلایمن
آولیا آتا بزرك
سزدین میدت تلایمن
چاقباق آتا آولیا
سزدن میدت تلایمن
توقسان توقوز مشایخ
سزدیردن میدت تلایمن
موناو چونکونك قدالدی
بوساتقین دیب جفامدی

Переводъ:

О, Боже! очисти его совѣсть...
О, утри мои слевы.
Я молю Твоей помощи!...
Въ Сайрамѣ есть безчисленное множество святыхъ,

Я молю о вашей помощи!
Въ Туркестанѣ есть 10000 святыхъ,
Я молю о вашей помощи!
Въ Отрарѣ есть 30 святыхъ,
Я молю о вашей помощи!
Самый старшій (изъ нихъ) Арыстанъ-бабъ,
Я молю о вашей помощи!
О, святой Сунакъ-ата!
Я молю о вашей помощи!
О, святой Коркудъ-ата!
Я молю о вашей помощи,
О, великій Ауліе-ата!
Я молю о вашей помощи!
О, святой Чакпакъ-ата!
Я молю о вашей помощи!
О, девяносто девять шейховъ!
Я молю о вашей помощи!...
Вотъ этотъ рабъ твой присталъ,
Прося избавить отъ мученій.

Такимъ образомъ баксы перечисляетъ имена всѣхъ святыхъ, жившихъ на землѣ, о которыхъ онъ слышалъ. Когда начинаютъ напирать на него джинны, душить его или трясти юрту, опьяненный баксы мечется во всѣ стороны съ зажмуренными глазами, но тѣмъ не менѣе находитъ всѣ необходимые ему предметы, а присутствующимъ приказываетъ произносить: صاف بولدی «все кончено» или بارك الله «да благословитъ Богъ». Всѣ присутствующія въ юртѣ лица безусловно подчиняются требованіяхъ баксы, повторяютъ всѣ слова, которыя онъ приказываетъ произносить; если баксы садится, то и они садятся, если баксы встаетъ, то и они встаютъ, словомъ подражаютъ всѣмъ его движеніямъ.

Заканчивая свой сеансъ словами صاف بولدی т. е. «все кончено». баксы опять берется за кобызъ, начинаетъ играть и пѣть джиннамъ «отпускную—пѣсню» (джинъ кайтарады).

Пѣсня его заключается въ слѣдующемъ:

آينالابن دوّلاريم
آينالاين بيكلاريم
بارك الله دوّلاريم
بارك الله بيكلاريم

آیداوچی قره آیداب قایت
قول آیاغین بایلاب قایت
چاچاو چیقب قالماسون
بارین آلوب جایناب قایت
اولکان کچی آغا بار
بیسکده جاتقان بالا بار
جان جاغینکنکا بارمای قایت
تونکدوکی آچوق بی باق بار
نظر کوزونك صالمای قایت
لیسکر بنکدی آره‌لاب
جره‌لی بر قالماسون
تاستامای بارین آلوب قایت

«Да кружусь» вокругъ васъ, мои дивы,
«Да кружусь» вокругъ васъ, мои беки,
Баракельдэ, мои дивы,
Баракельдэ, мои беки!
О, ты, погоняющій Кара, гони ихъ домой,
Гони ихъ со связанными руками и ногами!
Да смотри, чтобъ не захлебнулись (впопыхахъ);
Всѣхъ забери и гони домой.
Есть старшіе и младшіе братья,
Есть младенцы, лежащіе въ люлькахъ,
Слѣдуй домой, не заворачивая съ джиннами никуда.
Есть несчастныя вдовы, съ открытымъ тӳндӳкъ [1]),
Такъ слѣдуй домой, не обращая туда своихъ взоровъ.
Обходя свою армію,
Провѣрь, чтобъ не остались даже джаралы [2]);
Не бросая никого, всѣхъ угони домой!

Послѣ этого нѣкоторые душевно-больные, какъ говоритъ Махдибаевъ, выздоравливаютъ, но тѣ, у которыхъ болѣзнь застарѣла и которыхъ уже,

[1]) Верхнее отверстіе юрты. У бѣдныхъ киргизовъ иногда не достаетъ, кошмы, чтобы прикрыть «тӧндӧкъ», и юрта остается всегда сверху открытой.
[2]) Особый видъ бѣсовъ, которые отличаются якобы мелкимъ ростомъ.

превративъ въ сумашедшаго, покинулъ поселившійся въ нихъ бѣсъ или джиннъ, тѣ остаются навсегда не излечимыми.

Вотъ все, что мы пока можетъ сообщить о дѣятельности баксы; надѣемся, что по полученіи болѣе подробныхъ свѣдѣній о нихъ, мы вернемся къ нимъ,

На ряду съ баксы у киргизовъ есть еще одна интересная личность, о которой мы считаемъ не лишнимъ, хотя вкратцѣ, но все же сказать здѣсь мимоходомъ нѣсколько словъ.

Нерѣдко киргизы подвергаются укусу или ужаленью разныхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся: змѣй, скорпіоновъ. фалангъ, кара-куртовъ и т. д.

Цивилизованные народы въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи медицины. Но у киргизовъ на этотъ случай есть свой избавитель— это **арбауши**. Онъ занимается исключительно заговариваньемъ и нашептываніемъ волшебныхъ причитаній, которыми вызываетъ изъ норъ змѣй, фалангъ, скорпіоновъ и кара-куртовъ, для того, чтобы уничтожить въ нихъ ядъ.

Вотъ одинъ изъ варіантовъ заговора или заклинанія, сообщеннаго намъ киргизомъ Перовскаго уѣзда, Кысбугутской волости, **Тайтановымъ**.

بى بى ديسادى بى بازار آوليا
دارين دارين ديسادى دارين بازار آوليا
سايم اوغلى سيكركان سايم شيخ آوليا
ماغروبده آوليا ماشرخده آوليا
باى مراوغلى پيريمين مينك مرزالى آوليا
حق سليمان پيغمبر
تاق سليمان پيغمبر
ايندى داوت پيغمبر
اوستا داوت پيغمبر
مايم سيق پيغمبر
پيرمين سيق پيغمبر
آنا ديبار پيغمبر
آوشا ديبار پيغمبر
بى بى بى چيق
بى ايكاسى قامبار چيق

قامبار بولسانك قالماى چيق
تاستوبه‌دان تايماى چيق
ماى تاباننان قالماى چيق
آتقان اوقتان جلدام قورت
آغين سودان قاتدى قورت
آير قويريق آشاشيق
آلا قاننان آوماى شيق
مينده كيلديم سينده شيق
مينم آتيم آنان شيق
آندان كيلده موندان شيق

بى بى بى من
مين بى دينك اوي من
قرا قورتدينك قانى من
قاسا قورباس اوزيمن
اوزى بيركين ديرتى من
شيق سليمان ديمى من

بى بى بى من
مين بى دينك كينى من
آلماس قيليش جوزى من
آيتولى دينك اوزى من
آدراسپان دانى من
آلا بوته گلى من
اونكرفشاق اوچى من
تورومتاى كيلدى تورماى شيق
زهَرونكدى جايماى شيق

آی کیلینکر کیلینکر بابا نظر کیلینکر
شاطر بوطر کیلینکر
شاطرونکدی بوزاین
تاناوینکدی تیلاین
تانکر اورغاندای قیلاین
آقتان سوغه سالاین
تری غریب قیلاین
سینی مینان بولاین
قوفراقه تویماغان
توقسان بی قویماغان
آی کیلینکر کیلینکر
آلا قونده بلا قونده
یاوری چوبار قره قونده
آلامیکر
قرامیکر
شلامیکر
شایشامیکر
تولامیکر
تولشی میکر
سین میکر
سیمیك میکر
شیفار بولسانك جیلدام شیق
شیقباسانك کوکراغونکدی بوزارمیکر
چینغل اونی جیلاولار
کیکره مین میاولار

جانم دیکان جالبزلار
جانیده قویمای چابارلار

باستان باستان کیلدی * باستان اوتوب کیستان کیلدی * خُفییه
تمر قرغان کیلدی * قرغان منان بورقان کیلدی * کافر کیلدی جهود کیلدی *
آرباو کیلدی قیرا کیلدی * اونده کیلدی مونده کیلدی * باستان باستان
باستاندی * باستو قرا کیستاندی * کیرو میکر آشینداو پوشونداو *
دایینداو میرانداو * کیلوکی کیلو * ساسر باری بولا باری * تولا
ایسینداو فیشینداو * ایمانداو شیمانداو * چینی چینی چینی بی چینی *
خواجه تنی بی خدای * باستان مین جاستانه چیغه بیرسون * بر باستان
اینکل اینکل قورت اینکلی * باستی قرا قورت * کیرمیر کیری قورت
کیران * باستی صاری قورت * چیغار بولسانك جیلدام چیق * چیقباس
بولسانك قایته اورغین قرا قورت * تالاق تالاق تالاق قورت * تالاغی
آیریلغان چولاق قورت * آرسینی کورسینی مورتینی چورتینی *
کیرکانی کرتینی * چویا چویا چیغه چیغه * بارا بارا داوا داوا . . . . .

Переводъ:

ВСТУПЛЕНІЕ.

Би-базаръ-аулiе твердитъ: «би, би» [1],
Дарынъ-базаръ-аулiе твердитъ: «дарынъ, дарынъ».
Сынъ Саима прыгнулъ, Саимъ-шейхъ-аулiе...
О, святые запада, о святые востока!...
Я пиръ сына Бай-мира, Мингъ-мирзали-аулiе.
О, истинный пророкъ Сулейманъ,
Обладающiй трономъ, Сулейманъ!
За нимъ слѣдуетъ пророкъ Даудъ;
О, кузнецъ пророкъ Даудъ,
О, пророкъ, выжимающiй жиръ [2]),

---

[1]) «Би» по мѣстному нарѣчiю фаланга.

[2]) По преданiю пророкъ Даудъ отличался не естественной силой. Напр., взявъ въ руки желѣзо, онъ обращался съ нимъ, какъ съ тѣстомъ, и выжималъ изъ него жиръ.

О, пророкъ, обладающій власть!
О, пророкъ Анадіяръ! } [1]
О, пророкъ Аушадіяръ! }
(у всѣхъ васъ прошу поддержки)!

ПОХВАЛЫ:

О, фаланга, фаланга, фаланга, выходи,
Вѣдь ты, Камбаръ, представитель фалангъ [2])!
Если ты, Камбаръ, выходи немедля,
Прямо изъ каменистой верщины [3])
Или изъ масляной подошвы [4]).
Ты червь мой (ядовитый), быстрѣй пущенной пули,
Ты червь мой, сильнѣй быстро текущей рѣки.
Выходи черезъ аиръ-куйрукъ [5]),
Выходи прямо изъ ладони.

УГРОЗЫ:

И я пришелъ, и ты выходи...
Зовутъ меня «Онанъ-чыкъ»...
Приходи оттуда, выходи отсюда.
Я фаланга, фаланга, фаланга,
Я жилище фаланги,
Я кровь кара-курта [6])!
Я самъ Каса-курбасъ [7])!
Я «болѣзнь», посланная Имъ!
Выходи же по дуновенію Сулеймана!
Я есть фаланга, фаланга, фаланга, я копи фалангъ.

---

[1]) Анадіяръ и Аушадіяръ, по проданію, жили ранѣе Мухаммеда.

[2]) Камбаръ былъ, какъ говорятъ киргизы, величайшій вызыватель (изъ норъ) пресмыкающихся и ядовитыхъ насѣкомыхъ.

[3]) Т. е. изъ верхней части человѣческаго черепа, макушки. Здѣсь «арбауши» проситъ, чтобы ядъ, распространившійся въ тѣлѣ укушеннаго человѣка, вышелъ черезъ черепъ или подошвы (какъ сказано ниже) его.

[4]) Подошвы голой человѣческой ноги, а также и верблюжьи лапы, какъ не имѣющія копытъ, киргизы называютъ ماى تابان «май-табанъ». т. е. масляныя подошвы.

[5]) Аиръ-куйрукъ—названіе какого-то ядовитаго насѣкомаго.

[6]) Кара-куртъ—паукообразное ядовитое насѣкомое, отъ укуса котораго дохнутъ верблюды.

[7]) Имя одного знаменитаго заговорщика.

Я левіе алмазной шашки,
Я заклинатель, котораго всюду приглашаютъ,
Я сѣмя адрасбана [1]),
Я цвѣтъ ала-буты (лебеды),
Я конецъ остраго ножа!...
Вотъ прилетѣлъ турумтай [2]),
Выходи скорѣе, не распространивъ (въ тѣлѣ) своего яда.
О, Кленгеръ, Кленгеръ, Баба-назаръ Кленгеръ [3])!
О, безобразный Кленгеръ!
Я разрушу твое жилище,
Я надрѣжу твой носъ.
Я покараю тебя (какъ караетъ иногда) Всевышній,
Брошу тебя въ быструю рѣку.
Я сдѣлаю тебя чистѣйшимъ обездоленнымъ,
Я буду имѣть дѣло съ тобою...
Ты не наѣдаешься землей...
Ты девяносто фалангъ побѣдила.
О, Кленгеръ, Кленгеръ!...
Ала-кунда, Бала-кунда!
Кара-кунда, съ полосатымъ бокомъ!
О, вы, Ала-мегеръ,
Кара-мегеръ,
Шала-мегеръ,
Тола-мегеръ,
Толша-мегеръ,
Сенъ-мегеръ,
Семекъ-мегеръ!!...
(Имена ядовитыхъ насѣкомыхъ.)
Если думаешь выходить, выходи скорѣе!
А если не выйдешь, я изомну твою грудь.
Джилау, растущій подъ джингиломъ (гребенщикъ),
Джалбызъ (мята), мія и кекре [4])
Побьютъ тебя до смерти.

---

[1]) Адрасбанъ— это дикая рута. Употребляется въ Бухарской медицинѣ подъ названіемъ «хазаръ-асбандъ», т. е. тысяча потребъ. Сѣменами этого растенія окружаютъ не только вновь родившихся животныхъ, но иногда и дѣтей. Бухарскіе дуваны (юродивые) одуряютъ себя дымомъ этихъ сѣмянъ; почетному гостю также бросаютъ въ жаровню горсть ихъ.

[2]) Турумтай—хищная птица, въ родѣ копчика. Отличается необыкновенною смѣлостью.

[3]) Слова эти также обращены къ фалангѣ. Нѣкоторые туземцы кленгеромъ называютъ породистыхъ куръ, которыя несутъ крупныя яйца, другіе понимаютъ подъ этимъ названіемъ дородность, великость и. т. д. Въ сказкѣ же Гульханы, Кленгеръ-султаномъ названъ сынъ филина, за котораго сватали дочь совы.

[4]) Травы: кекре, джилау, джалбызъ и мія, какъ отзываются туземцы, имѣютъ цѣлебное свойство противъ яда насѣкомыхъ.

ЗАКЛИНАНІЕ [1])

Бастанъ, бастанъ, бастанъ кельды; бастанъ утыбъ Кестанъ кельды; хуфія темиръ кырганъ кельды; Кырганъ-мненъ борканъ кельды; кяфиръ кельды. джихудъ кельды; арбау кельды, Кара кельды; онда кельды, монда кельды; олда кельды, болда келъды; бастанъ, бастанъ бастанды, басту кестанды, кезъ мегеръ, ашиндау, бушундау, дарындау, мирандау, килюки. Килю сасыръ, бары була: бары тула, исиндау, фишиндау, имандау, шимандау, чны, чны чны би, чны ходжа тны би, худай бастанъ, менъ джастанъ, чига бирсунъ биръ бастанъ, ингиль, ингиль куртъ, ингиль басты басты кара-куртъ, кирь-мергери куртъ, киранъ басты сары-куртъ, чигаръ болсангъ джилдамъ чыкъ. чыкмасъ болсангъ кайта ургынъ кара-куртъ, талакъ талакъ куртъ, талагы айрылганъ чолакъ куртъ, арысыны, курисыны, муртыны, чуртыны, кирганы, киртины, чуя, чуя, чигá, чигá, барá, барá, давá, давá [2]).

Дѣйств. членъ Общества

А. Диваевъ.

Іюль—августъ 1898 г.
Г. Ташкентъ.

Дополненіе редакціи.

Въ дополненіе къ статьѣ А. А. Диваева редакція считаетъ нужнымъ сказать слѣдующее:

1) Слово «баксы» извѣстно не только киргизамъ, у которыхъ значитъ «лекарь» и «колдунъ», но и др. народамъ урало-алтайской семьи: у маньчжуръ «бакси» знач. «учитель, наставникъ, ученый, мудрецъ, лама», у монголовъ первыя 2 значенія, а въ джагат. яз. также «пѣвецъ, хирургъ, музыкантъ»;

2) баксы и занятія его суть остатки прежняго шаманства, ужившіеся въ исламѣ только благодаря призыванію по временамъ именъ Мухаммеда, Давида, Соломона и др. лицъ. Что баксы остались отъ шаманства, видно это какъ изъ ихъ исторіи, такъ и изъ сходства ихъ призываній духовъ съ призываніями, практикуемыми у нынѣшнихъ шамановъ Сибири и Мон-

[1]) Заклинаніе это непереводимо.

[2]) Иллюстраціей этой статьи могли бы служить двѣ картины, изъ которыхъ одна изображаетъ баксы Бай-аке, а другая—баксы Джарчи въ экставѣ. Обѣ картины подарилъ мнѣ, уѣзжая изъ Туркестанскаго края, мой бывшій начальникъ Н. И. Гродековъ, нынѣ Приамурскій Генералъ-Губернаторъ и Командующій войсками. Пользуясь настоящимъ случаемъ, приношу ему искреннѣйшую и почтительнѣйшую благодарность за высокопросвѣщенное вниманіе ко мнѣ.

голіи. Нынѣшніе киргизскіе баксы своимъ призываніямъ вторятъ на струнномъ кобузѣ, тогда какъ еще въ прошломъ вѣкѣ, по словамъ К. В. Миллера и П. С. Палласа, они употребляли бубны (барабаны), и нынѣ употребляемые сибир. и монгол. шаманами. О баксахъ въ общихъ чертахъ писали очень многіе: К. В. Миллеръ (Спб. 1776), П. С. Палласъ (Парижъ, 1788 и Лейпцигъ, 1773), А. Левшинъ (Спб. 1832), И. Казанцевъ (Спб. 1867), В. В. Радловъ (Спб. 1870), Г. Н. Потанинъ (Спб. 1881) и многіе другіе, но подлинныхъ словъ призываній духовъ (на киргизскомъ яз.) до сихъ поръ кромѣ В. В. Радлова никто не печаталъ; призыванія помѣщены у него въ III томѣ «образцовъ народной литературы. Спб. 1870» (киргиз. текстъ на стр. 46—51 и нѣмец. переводъ на стр. 60—66). Статья А. А. Диваева является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу о баксахъ; жаль только одного, что авторъ не снабдилъ текста русскою транскрипціей, безъ которой чтеніе текста для лицъ, не знающихъ киргиз. яз., можетъ представить большія затрудненія При сравненіи текстовъ В. В. Радлова и А. А. Диваева редакція замѣтила между прочимъ слѣдующее:

1) На стр. 62, въ стихѣ 31 В. В. Радловъ слова:
«ата, коркутъ аулiјa»
переводитъ: «Vater, erschreck ihn, Heiliger». А. А. Диваевъ совершенно справедливо второе слово считаетъ собственнымъ именемъ «Коркудъ».

2) А. А. Диваевъ имя «Саразбанъ» считаемъ однимъ словомъ, тогда какъ В. В. Радловъ дѣлитъ ихъ на 2 части: «Sary Asban» и переводитъ ихъ «gelber Mullah» (вѣроятно, нужно: «gelber Wallach»—желтый меринъ). Оба записывали очевидно такъ, какъ диктовали имъ киргизы.

Чтобы въ разборѣ словъ помочь публикѣ, незнакомой съ киргиз. яз., хоть отчасти, приводятся въ алфавитномъ порядкѣ иностранныя слова, встрѣчающіяся въ призываніяхъ, въ такой транскрипціи, какая принята въ тюркскихъ изданіяхъ Академіи Наукъ.

ابروی абрый (совѣсть)=перс. آبرو

آرواق аруак (духи предковъ)=араб. ارواح

آلله Алда (Богъ)=араб. الله

اوستا уста (кузнецъ)=перс. استاد

آولیا аулiа (святой)=араб. اولیاء

آووا ауа (небо, воздухъ)=араб. هواء

بارکالله бäрäкälдä (слава Богу)=араб. بارك الله

بسمیلله бесмälдä (во имя Божіе)=араб. بسم الله

بلا belā (бѣда, болѣзнь)=араб. بلاء

بی‌باق бі бак (несчастный)=перс. بی‌بخت

پیر пір (старецъ)= перс. پیر

تاق так (тронъ)=перс. تخت

جادو цады (колдовство)=перс. جادو

جان цан (душа)=перс. جان

جبار Цаппар (Всемогущій)=араб. جبار

جفا цапа (мученіе)=араб. جفا

جین цын (духъ)=араб. جن

خدای или قودای Кудай (Богъ)=перс. خدای

خوجه или قوجا коца (хозяинъ)= перс. خواجه

قومار или قومار кумар (жажда)=араб. خمار

داری дары (лекарство)=перс. دارو

دان дан (зерно)= перс. دانه

داوت Даут, Дäўт (Давидъ)=араб. داود

دیرت дерт (болѣзнь)=перс. درد

دیوانه или دوانا дуана (юродивый)=перс. دیوانه

سلیمان Сўläймäн (Соломонъ)=араб. سلیمان

سیطان сайтан (дьяволъ)=араб. شیطان

سیکل секіl (красота)=араб. شکل

شیر шер (несчастіе)=араб. شر

شیرمینده шермäндä (осрамленный)=перс. شرمنده

ظالم залым (жестокій)=араб. ظالم

عیشه Айша (Айша)=араб. عائشه

غریب ƣаріп или قارب карып (бѣдный)= غریب

فری пері (духъ)=перс. پری

فلكت belӓkӓт (болѣзнь)=араб. فلاكة

قوى قاف Койкап (гора Кафъ)= كوه قاف

لسكر или ليسكر leскӓр (армія)=перс. لشكر

لنت leнӓт (проклятіе)=араб. لعنة

ماشرخ или مشروق машрык (востокъ)=араб. مشرق

ماغروب или معروف маҕрып (западъ)=араб. مغرب

مشايخ или مشايق машаjык (старцы)=араб. مشائخ

ميدات или ميدت или ميديت медӓт (помощь)=араб. مدد

ناموس намыс (стыдъ)=перс. ناموس

نايزا найза (копье)=перс. نيزه

نظر назар (взоръ)=араб. نظر

Б) ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Городъ Лаишевъ въ XVI—XVII вв.

Свѣдѣнія о городѣ Лаишевѣ въ разсматриваемый періодъ не могутъ быть названы достаточными: они заключаются всего въ двухъ памятникахъ—именно, въ писцовой книгѣ города Лаишева и его посада 1568 г. и въ переписной книгѣ его же отъ 1646 года [1]); при этомъ первый изъ указываемыхъ памятниковъ не сохранился въ цѣломъ видѣ, такъ какъ до насъ дошла лишь первая часть писцовой книги, содержащая данныя о Лаишевской крѣпости, о «городѣ» въ техническомъ значеніи этого слова, и объ его гарнизонѣ;

---

[1]) Книги города Лаишева и посаду Лаишевского писма Дмитрея Андрѣева сына Кикина с товарыщи лѣта 7076-го; Арх. М. Юст., писц. кн. №№ 152 (л. 256 обор.), 59 (лл. 501—508), 62 (лл. 479—484). Списокъ съ переписныхъ казанскихъ книгъ писма и довору Тимоѳѣя Ѳедоровича Бутурлина да подъячево Алексѣя Грибоѣдова 154 году; А. М. Ю., переп. кн. № $\frac{6445}{6}$, лл. 211- 248. См. также «Описаніе докум. и бум., хранящ. въ М. А. М. Ю.,» кн. I, Спб. 1869 г., стр. 114 (№ 1164) и 83—84 (№ 845).

БАКСЫ ДЖАРЧИ ВЪ ЭКСТАЗѢ.

ТАШКЕНТСКАГО УѢЗДА.

БАКСЫ БАЙКЕ
ТАШКЕНТСКАГО УѢЗДА

вторая половина ея, гдѣ описывался «посадъ» и его населеніе, отсутствуетъ,— уцѣлѣло только описаніе посадской церкви, да шести дворовъ посадскихъ людей. Другой источникъ—переписная книга—касается, какъ это вполнѣ естественно по самому характеру и назначенію памятниковъ этого рода,— только вопроса о «посадѣ» и его обитателяхъ, рисуя намъ экономическую сторону, но вовсе умалчивая о Лаишевѣ, какъ о стратегическомъ пунктѣ.

Несмотря на такую обстановку дѣла, когда нельзя похвалиться обиліемъ матеріала, мы все же рѣшились представить выборку данныхъ о Лаишевѣ изъ двухъ цитированныхъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ представленіе о боевомъ значеніи города въ эпоху, близкую къ водворенію въ краѣ русскаго владычества и потому полную всевозможныхъ случайностей, а другой—о торгово-промышленномъ значеніи его въ періодъ, непосредственно предшествовавшій изданію Уложенія, произведшаго, какъ извѣстно, такую рѣзкую перемѣну въ политикѣ по отношенію къ посадскому населенію.

Далеко не грозную силу представлялъ изъ себя Лаишевъ во второй половинѣ XVI столѣтія. Это былъ не болѣе, какъ деревянный острогъ, имѣвшій въ окружности всего 284 сажени. Впрочемъ, нужно замѣтить, что слабость фортификаціонныхъ сооруженій въ достаточной мѣрѣ искупалась природной крѣпостью даннаго пункта, такъ какъ Лаишевскій «городъ» занималъ уголъ, образуемый берегами р. Камы и «крутого врага», бывшаго, вѣроятно, русломъ исчезнувшей потомъ рѣчки; недостатокъ такихъ природныхъ укрѣпленій съ остальныхъ двухъ сторонъ былъ восполненъ устройствомъ рва, глубиною и шириною по сажени «невеликие», имѣвшаго своимъ назначеніемъ усилить линію обороны «с казанские с лесные стороны, от казанского приезду».

Фронтомъ «городъ» обращенъ къ р. Камѣ, причемъ стѣна, шедшая параллельно берегу и равнявшаяся 60 саж., заканчивалась на обоихъ концахъ стрѣльнями, носившими названіе «верхней» и «нижней», сообразно теченію рѣки. Послѣдняя стрѣльня была устроена въ самой вершинѣ угла, составляемаго линіями Камы и «крутого врага», и потому на ней не находилось никакого «наряда», ни даже «сторожи»; напротивъ, на «верхней» стрѣльнѣ поставлены двѣ «пищали затинныя», и постоянно, «в день, и в ночь», по выраженію писцовой книги, находилась стража изъ трехъ стрѣльцовъ «съ ручницами». Въ этой же стѣнѣ продѣлано двое воротъ: Воскресенскія, расположенныя подлѣ «верхней» стрѣльни, и Водяныя — по серединѣ стѣны, чрезъ которыя, судя по ихъ названію, предполагалось, въ случаѣ осады, пользоваться водою; они были устроены «бес тайника», но, за то, надъ ними воздвигнута башня, вооруженная «затинной пищалью» и имѣвшая всегда «сторожу» изъ двухъ стрѣльцовъ «съ ручницами».

Отъ «нижней» стрѣльни шла вдоль «крутого врага» глухая стѣна, длиною 70 саж., въ концѣ которой, противъ татарской за-овражной слободки, возвышалась угловая стрѣльня, не имѣвшая «наряда», а только стражу изъ двухъ стрѣльцовъ «съ ручницами».

Задняя стѣна «города», выходившая къ «лѣсной сторонѣ» и направлявшаяся, на протяженіи 69 саженъ, отъ сейчасъ описанной угловой стрѣльни до такой же стрѣльни, по счету четвертой, прорѣзана по серединѣ Николь-

скими воротами, защищавшимися особо устроенной надъ ними башней съ двумя «затинными пищалями» и всегда охранявшимися карауломъ изъ трехъ стрѣльцовъ «съ ручницами»; къ этой же башнѣ, съ внутренней стороны ея, обращенной внутрь «города», были придѣланы, поверхъ воротъ, «отходныя» перила, огражденныя щитами. Четвертая «наугольная» стрѣльня, которая соединялась глухой стѣной, длиною въ 65 саж., съ «верхней» стрѣльней, послужившей для писцовъ исходнымъ пунктомъ при описаніи Лаишевскаго «города», охранялась двумя стрѣльцами «съ ручницами», но «наряда» не имѣла [1]).

Каждая изъ шести указанныхъ стрѣленъ и башенъ высотою была три сажени «с лохтемъ» и заключала въ себѣ три яруса или пояса, имѣвшихъ «бои», т. е. отверстія, черезъ которыя защитники могли отражать нападавшихъ; такіе же «бои» были продѣланы и по всему протяженію стѣнъ, въ два ряда, причемъ верхніе назывались технически «из вокон», нижніе— «из городенъ». Число всѣхъ «боевъ» равнялось 582, и этимъ числомъ, слѣдовательно, опредѣлялся maximum защитниковъ Лаишева. Около каждой «городни» стѣны, подлѣ «вокон», лежало приготовленными по возу камней, да по 30 дубовыхъ кольевъ, заостренныхъ съ обоихъ концовъ, вѣроятно, какъ матеріалъ на случай исправленія поврежденной стѣны, а, можетъ быть, и какъ оборонительныя средства. «Нарядъ», или артиллерія, какъ мы видѣли при описаніи укрѣпленій, заключался въ пяти «затинныхъ пищаляхъ», расположенныхъ надъ воротами, какъ слабѣйшими пунктами оборонительной линіи. Любопытно исчисленіе боевыхъ запасовъ, потребныхъ для дѣйствій артиллеріи: оказывается, что всѣ эти запасы состояли изъ двухъ пудовъ 17 гривенокъ съ полугривенкою пороха, по тогдашней терминологіи—«зелья», и двухъ пудовъ 7 гривенокъ съ полугривенкою свинца; «а не станетъ въ Лаишеве зелья и свинцу,—простодушно добавляетъ писцовая книга,—и зелье и свинецъ емлютъ въ Казани изъ государевы казны, у дьяковъ».

Этимъ исчерпывается описаніе Лаишевскихъ укрѣпленій; остальная часть писцовой книги посвящена обозрѣнію того, что находилось внутри «городской» стѣны. Здѣсь, конечно, на первомъ планѣ говорится о церквахъ. Внутри «города» стояло двѣ церкви, обѣ деревянныя,—Успенія Пресв. Богородицы и теплая,—во имя Николая Чудотворца; поставлены эти церкви лаишевскими жильцами, полоняниками и стрѣльцами, причемъ въ ц. Успенія былъ и «государевъ прикладъ»—«образъ Успенія Пречистые, местной, на золоте»; здѣсь же было нѣсколько образовъ—«поставленья» разныхъ лицъ, князей и бояръ. Утварь церковная и ризница, которыя подробно перечисляются и описываются книгой,—во первыхъ, очень немногосложны, а, во вторыхъ, поражаютъ своею бѣдностью, пожалуй, даже убогостью. Церковный штатъ заключалъ въ себѣ священника, дьячка и просвирницу, получавшихъ опредѣленное вознагражденіе за свой трудъ, т. к. храмы были «ружные»: «государева жалованья годовые руги, у обеихъ церквей: попу—полшеста рубля,

---

[1]) Такимъ образомъ постоянная стража укрѣпленій Лаишева состояла изъ 12 стрѣльцовъ, а не изъ 9-ти, какъ ошибочно сказано у Н. Д. Чечулина въ его изслѣдованіи: «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ», Спб. 1889 г., стр. 212—213.

да рубль за сукно; да за церковную ругу—на ладанъ, и на темьянъ, и на воскъ, и на вино церковное—тритцеть алтынъ; да хлеба одиннатцать четвертей с полуосминою ржи, а овса тоже, да три пуды соли; да на реке Каме рыбные ловли, две свяски плавныхъ; да проскурнице, да церковному дьячку—по полтине человѣку, да по полутретьи четверти ржи, а овса тожъ». Въ такомъ видѣ получалась руга: съ одной стороны, видимъ, что она выдавалась и деньгами, и натурой; съ другой, что руга священно- и церковно-служителей отдѣлялась отъ собственно церковной руги для которой назначалась особая сумма.

Изъ прочихъ строеній внутри «города» отмѣчены слѣдующія: сушило, въ которомъ, во время наѣздовъ, государевы повары «рыбу делают», откуда можемъ заключить, что въ то время Лаишевъ славился своими рыбными промыслами, что, какъ увидимъ ниже, подтверждается и послѣдующими данными; два двора головъ, дворъ сына боярскаго, дворъ поповъ, два двора городовыхъ «воротниковъ», 25 дворовъ стрѣлецкихъ, и, наконецъ, дворъ жильца «нежалованнаго». Вотъ и всѣ обитатели «города» Лаишева, его гарнизонъ, его администрація; дополненіемъ, составлявшимъ необходимую принадлежность городского поселенія и составляющимъ ее и въ настоящее время, являлась тюрьма, находившаяся подъ вѣдѣніемъ тѣхъ же «воротниковъ».

Незначительность Лаишева XVI вѣка, какъ стратегическаго пункта, и даже какъ поселенія, помимо слабости его гарнизона, состоявшаго изъ трехъ десятковъ человѣкъ, обнаруживается и изъ того факта, что въ Лаишевѣ не было воеводы: представителями власти здѣсь служатъ головы Жила Чемодуровъ и Истома Дементьевъ. Что это за головы, изъ документа не видно; въ немъ они названы просто «лаишевскими»; вѣроятно, это были стрѣлецкіе головы.

Описанія «посада», какъ сказано, не сохранилось; по уцѣлѣвшему отрывку его можно лишь заключить, что «посадъ» былъ обнесенъ «острогомъ», т. е. частоколомъ; на площади между «городомъ» и «острогомъ» помѣщалась церковь Воскресенія Христова, поставленная и устроенная лаишевскими обывателями-посадскими; въ церковномъ дворѣ жили священникъ и просвирница. Изъ этого же отрывка видно, что, если не всѣ, то значительная часть лаишевскихъ посадскихъ «жильцовъ» состояла изъ «полоняниковъ», чему соотвѣтствуютъ и сохранившіяся имена «жильцовъ», какъ то: Ногайко, Самоилко, Кудеярка.

Таковъ былъ Лаишевъ XVI вѣка. Переходимъ теперь къ его обозрѣнію въ половинѣ XVII столѣтія.

Всѣ обитатели Лаишева раздѣлялись на нѣсколько категорій, различающихся между собою юридическимъ положеніемъ каждой изъ нихъ, и отчасти—занятіями ихъ членовъ. Послѣдній принципъ различія не имѣлъ, впрочемъ, существеннаго значенія въ разсматриваемое время, и лишь Уложеніе царя Алексѣя Михайловича стремилось придать ему таковое, но это стремленіе, какъ извѣстно, не имѣло большого успѣха.

Ядро населенія Лаишева составляли посадскіе люди и бобыли, обладавшіе въ совокупности 197 дворами, причемъ первыхъ, т. е. посадскихъ людей, представлявшихъ собою тяглый элементъ въ полномъ значеніи этого

понятія, было 170 человѣкъ. Населеніе посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ равнялось 573 человѣкамъ, изъ числа которыхъ 376 падало на долю лицъ, находившихся въ тѣхъ или иныхъ, родственныхъ или экономическихъ, отношеніяхъ къ главѣ даннаго двора: это были—дѣти, пасынки, внучата, братья, племянники, пріемыши, ученики, наймиты, сосѣди и ихъ дѣти [1]).

Кромѣ дворовъ посадскихъ и бобылей, въ Лаишевскомъ посадѣ стояло 65 дворовъ рыбныхъ ловцовъ, которые жили на такъ называемыхъ бѣлыхъ мѣстахъ. Лаишевскіе рыбные ловцы, присутствіе которыхъ, какъ замѣчено выше, служитъ доказательствомъ широкаго развитія здѣсь рыбнаго промысла, занимали, въ сравненіи съ посадскими, привилегированное положеніе, ставившее ихъ совершенно особнякомъ отъ этихъ послѣднихъ; это была особая община, не тянувшая посадскаго тягла и лишь обязанная уплатой опредѣленнаго количества оброка, быть можетъ, даже въ натурѣ; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что ловецкая община была отдѣлена отъ посадской не только въ отношеніи податей и повинностей, но и въ отношеніи административномъ она стояла самостоятельно [2]).

Остальные жители Лаишева—это военные люди на мирномъ поприщѣ; сюда относятся: служилые казаки (208 дворовъ—752 челов.), служилые иноземцы (10 дворовъ—24 челов.) и пашенные стрѣльцы (29 дворовъ—138 челов.).

Подводя итогъ цифрамъ, получимъ, что въ Лаишевскомъ посадѣ находилось 513 дворовъ, съ общимъ количествомъ населенія въ нихъ—въ 1736 человѣкъ «всякихъ чиновъ людей».

Что-же говорятъ намъ эти цифры? Онѣ, какъ намъ кажется, свидѣтельствуютъ объ одномъ, именно о невыгодномъ положеніи лицъ, принадлежавшихъ къ «чину» посадскихъ, о невозможности ихъ конкурренціи, при тяжести падавшаго на нихъ тягла, съ людьми, не несшими его, съ бѣломѣстцами. Такое положеніе не было чѣмъ либо исключительнымъ для Лаишева; оно было обще всѣмъ русскимъ посадамъ, со всѣхъ концовъ Руси въ первую половину XVII столѣтія неслись къ Москвѣ жалобы на «оскудѣніе» и «обнищаніе» посадовъ, отвсюду указывалось, что «тяглые людишка..... разбрелися розно и дворишка свои мечутъ».

Уложеніе царя Алексѣя, регламентируя русскую жизнь, пыталось, между прочимъ, уничтожить факторы, препятствовавшіе до тѣхъ поръ развитію и процвѣтанію городскихъ поселеній; кое чего оно достигло въ указанномъ направленіи, но, во всякомъ случаѣ, результатовъ настолько незначительныхъ, что наступившему XVIII столѣтію досталась въ наслѣдіе отъ предшествовавшаго вѣка лишь одна «разсыпавшаяся храмина» городского благоустройства. Были попытки возстановить ее и со стороны Петра Великаго, и его

---

[1]) Къ рубрикѣ посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ переписной книгой отнесены еще дворъ Троицкаго монастыря, въ которомъ жилъ дворникъ съ сыномъ и съ внукомъ, и 3 двора нищенскихъ, въ которыхъ обитали—4 человѣка. Т. о. общій итогъ настоящей рубрики выразится въ 201 дворѣ и 580 человѣкахъ ихъ обитателей.

[2]) Ловецкая община состояла всего изъ 242 человѣкъ.

великой послѣдовательницы—Екатерины II, попытки, сопровождавшіяся лишь одностороннимъ и временнымъ, по большей части, улучшеніемъ дѣла. Главная заслуга въ вопросѣ городского благосостоянія принадлежитъ нашему столѣтію, его послѣднимъ десятилѣтіямъ.

Въ заключеніе, чтобы исчерпать весь матеріалъ, имѣющійся въ переписной книгѣ, вернемся ненадолго къ Лаишеву и разсмотримъ свѣдѣнія о родахъ занятій его жителей. Относительно торговли и ея размѣровъ здѣсь ничего не говорится, т. к. это не составляло цѣли переписчиковъ, а указаны только ремесла, которыми занимался владѣлецъ того или другого двора. Вотъ эти ремесла и число лицъ, занимавшихся ими: сапожниковъ—2 [1], орасильщиоъ—1, портныхъ—2 [2], плотниковъ—3, горшечниковъ—2, калачниковъ—3 [3], кузнецовъ—3 [4], бочкарь—1, «дехтярь»—1, «овощникъ»—1, «корчажникъ»—1, кирпичникъ—1, «солодовниковъ»—2, котельщикъ—1 [5], «крашенинниковъ»—2 [6].

Наконецъ, еще одно замѣчаніе: при занесеніи въ книгу «сосѣдей», казываются мѣста ихъ прежняго жительства, до переселенія въ Лаишевъ, что позволяетъ нѣсколько прослѣдить, откуда «брело» населеніе, не нашедшее себѣ удобствъ тамъ, гдѣ оно жило ранѣе; «устюженинъ», «колмогорецъ», «вятченинъ—Котелнича города», «хлыновецъ», «вятченинъ», «орловецъ», «свіяженинъ», «юрьевченинъ», «алатарецъ», «кузмодемьянецъ», «двиненинъ—ростовские волости»—таковы эпитеты, сопровождающіе имена «сосѣдей», ушедшихъ въ Лаишевъ въ надеждѣ на лучшую жизнь и, при неосуществленіи такой надежды, устремляющихся еще далѣе, на розыски «новыхъ землицъ».

В. Борисовъ.

---

1) Изъ нихъ—1 сосѣдъ пашеннаго стрѣльца; у него—*ученикъ*.

2) Изъ нихъ—1 пашенный стрѣлецъ.

3) Изъ нихъ—1 служилый казакъ.

4) Изъ нихъ—1 братъ пашеннаго стрѣльца.

5) Пашенный стрѣлецъ.

6) Изъ нихъ—1 пашенный стрѣлецъ; лица, о которыхъ не сдѣлано оговорки,—*посадскіе*.

Тяжба города Царевококшайска съ окольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли.

(Одинъ изъ случаевъ практическаго примѣненія Уложенія царя Алексѣя Михайловича).

Извѣстно, что многія обстоятельства, сложившіяся къ половинѣ XVII столѣтія, побудили правительство царя Алексѣя Михайловича приступить къ исправленію законодательства, уже давно устарѣвшаго, переставшаго соотвѣтствовать дѣйствительности, особенно рѣзко измѣнившей свою физіономію послѣ великой московской смуты. Сепаратные указы Михаила Ѳедоровича, хотя и стремились возстановить соотвѣтствіе между закономъ и жизнью, но они мало помогали дѣлу «строенія» земли, сильно расшатанной предшествовавшими событіями; притомъ же, нѣкоторыя явленія, несомнѣнно имѣвшія свое зарожденіе въ эпохѣ смуты, обнаружились во всей полнотѣ и рельефности,—а, слѣдовательно, и потребовали мѣръ противъ себя,—уже послѣ смерти перваго Романова.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, между прочимъ, неудовлетворительное экономическое положеніе городского, посадскаго населенія, явившееся слѣдствіемъ слишкомъ тяжелой опеки властей и совершенно непосильной для него конкурренціи со стороны людей, не связанныхъ такимъ тяжелымъ тягломъ, какъ посадское, — со стороны многочисленныхъ привилегированныхъ лицъ, бѣломѣстцевъ, различныхъ «закладчиковъ» и проч. Требовалось, прежде всего, оградить посады отъ присутствія среди нихъ элементовъ, препятствовавшихъ развитію ихъ экономическаго благосостоянія, и вотъ новый законодательный кодексъ—Уложеніе—отводитъ цѣлую главу, спеціально предназначенную нормировать вопросъ о посадахъ и заключающую въ себѣ основы посадской организаціи, свободныя, по убѣжденію составителей, отъ прежнихъ отрицательныхъ факторовъ [1]). Факторы же эти были, дѣйствительно, многочисленны. Особенно давали себя чувствовать слободы, устроенныя патріархомъ и духовными властями, а также служилыми людьми—по близости посадовъ, на выгонной землѣ, и лишавшія обитателей ихъ этой необходимой принадлежности хозяйства. Не меньшее значеніе имѣло поселеніе между посадскими лицъ, занимавшихся торговлей и промыслами, но не принимавшихъ вмѣстѣ съ ними участія въ платежѣ повинностей и пользовавшихся, такимъ образомъ, въ сравненіи съ ними, болѣе выгодными условіями [2]). Все это должно было исчезнуть съ появленіемъ

---

[1]) Улож., гл. XIX—«о посадскихъ людѣхъ».

[2]) «А нынѣ де на Москвѣ и около Москвы и въ городѣхъ, гдѣ преже сего бывали животинные выгоны, устроены патріарши и монастырьскіе и боярскіе и иныхъ чиновъ слободы и пашни на государевѣ искони вѣчной на выгонной землѣ; да на Москвѣ же де и по городомъ патріарши и монастырьскіе и боярскіе и иныхъ чиновъ люди, ихъ крестьяне, покупили себѣ

Уложенія: всѣ слободы предписывалось «взять за государя въ тягло» и, вообще, всѣхъ лицъ, содержащихъ себя торговлей и ремеслами,—за нѣкоторыми, точно указанными исключеніями, — велѣно было трактовать, какъ посадскихъ, т. е. обложить ихъ повинностями наравнѣ съ послѣдними; что касается городскихъ выгоновъ, то относительно Москвы размѣры выгонной земли опредѣлялись пространствомъ въ двѣ версты «на всѣ стороны отъ земляного города, ото рву», причемъ межеванье должно было быть произведено «новою саженью, которая сажень, по государеву указу, сдѣлана въ три аршина, а въ верстѣ учинити по тысячи саженъ», относительно же прочихъ городовъ эти размѣры опредѣлялись общею формулою:—«выгономъ быти въ городѣхъ по прежнему, какъ къ которому городу были выгоны при прежнихъ государѣхъ, а будетъ кто выгонною землею завладѣлъ, и тѣ выгонныя земли, по сыску, у тѣхъ людей взяти и отмежевати къ городомъ по прежнему» [1]).

Мы подошли къ весьма существенному и любопытному вопросу о примѣненіи Уложенія на практикѣ, о значеніи его, какъ средства, призваннаго уничтожить недостатки современной русской жизни, въ частности—жизни посадской.

Сохранились указанія, что дѣятельность правительства въ области перечисленія дворовъ въ тягло оказалась положительной, такъ что уже въ первые три года послѣ составленія Уложенія отписано было въ тягло 10095 дворовъ съ населеніемъ въ 21036 человѣкъ [2]). Каковы были успѣхи по части возстановленія выгонной посадской земли, занятой слободами и пашнями лицъ, принадлежавшихъ къ категоріи «сильныхъ міра сего»,—такихъ извѣстій до насъ, къ сожалѣнію, не дошло; но, насколько можно думать, врядъ ли Уложеніе въ данномъ отношеніи оказало плодотворные результаты, въ

и въ заклады поимали тяглые дворы и лавки и погребы каменные, и торгуютъ всякими товары, и своею мочью и заступою откупаютъ на Москвѣ и по городомъ таможни и кабаки и всякіе откупы, и отъ того де они, служилые и тяглые люди, обѣдняли и одолжали неоплатными долги, а промысловъ своихъ многіе отбыли»—такими чертами рисовали картину современнаго состоянія посадовъ челобитчики въ петиціи, поданной на имя государя 30 окт. 1648 г.; въ качествѣ примѣра, иллюстраціи къ своимъ словамъ, они указывали на Н.-Новгородъ, гдѣ въ одной Благовѣщенской слободѣ числилось за патріархомъ болѣе 600 торговыхъ и ремесленныхъ людей, не внесенныхъ въ писцовыя книги, поселившихся здѣсь «для своего промыслу и легости». А. А. Э. т. IV, № 32 (I), стр. 45.

[1]) Улож., гл. XIX, ст. 7, 6, 10. И до Уложенія существовали распоряженія относительно приписки къ тяглу торговцевъ и ремесленниковъ, жившихъ на посадахъ или вблизи, въ слободахъ, но это были лишь палліативы, получившіе значеніе общей мѣры только съ изданіемъ Уложенія. См. Лаппо-Данилевскій, «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій». Спб. 1890 г., стр. 166, 170.

[2]) Лаппо-Данилевскій, op. cit., стр. 171.

силу того именно, что здѣсь затрогивались интересы лицъ вліятельныхъ, которымъ приходилось поступаться тѣмъ, что они привыкли считать своимъ [1]).

Къ такому, по крайней мѣрѣ, выводу приводитъ знакомство съ однимъ случаемъ,—тяжбой г. Царевококшайска съ окольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ, производившейся изъ-за выгонной земли,—который, впрочемъ, какъ фактъ единичный, не можетъ служить основаніемъ для общаго заключенія [2]).

Лѣтомъ 1649 года царевококшайскій воевода Иванъ Титовичъ Шадринъ получилъ изъ приказа сыскныхъ дѣлъ, за приписью дьяка Степана Чернышова, грамоту отъ 13 іюля, съ предписаніемъ привести въ исполненіе постановленія XIX главы Уложенія, которая почти вся и воспроизводится въ грамотѣ. По установившемуся порядку, воевода собралъ «передъ себя» земскаго старосту, цѣловальниковъ и всѣхъ посадскихъ людей и «сказалъ» имъ государевъ указъ, а затѣмъ 3 августа въ присутствіи тѣхъ же лицъ, съ присоединеніемъ къ нимъ мѣстныхъ священниковъ и дьяконовъ, приступилъ къ исполненію указа [3]). Всѣ участники «сыска» объявили, что «при прежнихъ государехъ было въ выпуске и въ выгоне къ Царевококшаскому городу земли—при этомъ ими подробно опредѣлены границы выгона—и на той выгонной землѣ блиско Царевококшасково города деревни крестьянские, преже сего были за государемъ, а въ прошломъ во ҆рн҃е-мъ году (т. е. 1647 г.) отданы въ помѣстье околничему князю Василью Григорьевичю Ромодановскому [4]); да на той же выгонной землѣ, на Ноле рекѣ, слобода новокрещенская служилыхъ новокрещенъ, а торговыхъ людей и ремесленыхъ въ ней нѣтъ». Далѣе «обыскные люди» указали на четырехъ че-

---

[1]) Изъ-за выгонной земли шли постоянные споры между посадскими г. Серпухова и властями Высоцкаго монастыря; см. Симсонъ, «Исторія Серпухова». М. 1880 г., стр. 233.

[2]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 523, 7157 года.

[3]) Представителями земской власти въ то время въ Царевококшайскѣ были—земскій староста Евсевейко Ивановъ сынъ Лапшинъ и 5 цѣловальниковъ.

[4]) Деревни, отданныя въ помѣстье кн. Ромодановскому, были слѣдующія: Жукова, Пахомова, Коряковская, Вяткина, Березовская, Лапшина, Вараксина, Княжна; починки: Кожинъ, Марковъ, Мышинъ, Гузнищевъ, Ѳоминъ, Семенкинъ—Коровинъ тожъ, Екимки Ширшева, Игнашки Еливарьева.—Всѣ почти перечисленныя сейчасъ селенія существуютъ и теперь, сохранивъ свои названія безъ измѣненія; только нѣкоторые изъ починковъ, какъ напр., Марковъ, Кожинъ,—превратились въ деревни, и, наоборотъ, прежнія деревни стали нынѣ починками, напр., д. Коряковская—теперь починокъ Коряковъ. См. Спиридоновъ, «Населенныя мѣстности Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи». К. 1898 г., стр. 17—21.

ловѣкъ, которые прежде «жили во крестьянехъ за государемъ въ деревняхъ» но потомъ «вышли» оттуда, до отдачи этихъ деревень въ помѣстье кн. Ромодановскому, «на посадъ жить и въ слободы» и теперь имѣютъ тамъ свои дворы, торгуютъ, по тягла до сихъ поръ не тянули и податей не платили, что подтвердили и сами оговоренные [1]); точно также сообщены были «обыскными людьми» свѣдѣнія и относительно торговыхъ и ремесленныхъ людей, проживавшихъ въ деревняхъ кн. Ромодановскаго, — «хто имянемъ и въ которой деревне живетъ и хто чемъ торгуетъ и ремесломъ промышляетъ»: здѣсь названо ими 36 человѣкъ, причемъ десять изъ нихъ «въ отъѣздъ ѣздятъ съ товары на иные городы», т. е. вели довольно обширныя торговыя операціи [2]). Какъ и въ первомъ случаѣ, справедливость «скаски» была признана тѣми, кого она касалась.

Таковымъ оказался матеріалъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло царевококшайскому воеводѣ. Какъ же онъ воспользовался имъ? Торговыхъ людей, поселившихся на посадѣ, воевода приказалъ «отдать въ посадъ, въ тягло и въ службу», приведя ихъ предварительно къ крестному цѣлованью и взявъ съ нихъ такъ называемыя «поручныя записи» [3]); относительно же выгонной земли и расположенныхъ на ней деревень—онъ велѣлъ произвести «перепись»,—«переписать особыми статьями, подлинно, порознь, тое выгонную землю и выпускъ и деревни, что на выгонной землѣ, и въ нихъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, и пашенныхъ крестьянъ, и бобылей, и зятей, и шурей, и захребетниковъ, и пріимышевъ, и подсосѣдниковъ». Произведенная перепись дала такіе итоги: въ деревняхъ и починкахъ, «что на вы-

---

[1]) Любопытно перечисленіе «торга» этихъ лицъ, которое не преминули сдѣлать «обыскные люди»: «Незговорко Борисовъ торгуетъ шелкомъ и солью и воскомъ и рыбою и иными товары, и нынеонъ, Незговорко, въ товарыщахъ въ откупу въ таможне и на кабакѣ; Варакска Григорьевъ торгуетъ воскомъ и лошадми и иными товары; Безсонко Алексѣевъ торгуетъ рыбою и солью; Мишка Исаковъ торгуетъ солью и хмелемъ и иными мѣлкими товары»; лл. 43—44; ср. выше, стр. 2, прим. 1-е.

[2]) Изъ предметовъ торговли перечисляются: соль, хмѣль, кожи, рыба, лошади, медъ, воскъ, котлы, скотина, желѣзо, коровы, «укладъ»; ремесла и занятія: «кожевное», «рукавишное», «кузнешное», «дѣлаетъ крашенинное», «роститъ солодъ», «рыбу ловитъ», «бочкарное», «плотнишное», «горшечное», «дѣлаетъ чаны и колеса и сани»; лл. 45—48.

[3]) Присяга состоялась «по записи, какова запись прислана изъ приказу сыскныхъ дѣлъ подъ государевою грамотою, за приписью дьяка Степана Чернышева»; содержаніе же «записи» слѣдующее: «что имъ жить въ Царевекокшаску на посаде и государевы службы служити и всякие подати платить съ царевококшаскими съ посадцкими людми вмѣсте и впредь въ закладчики ни за ково не закладыватца и ничьими людми и крестьяны не называтца и, живучи въ посаде, никакимъ воровствомъ не воровать»; лл. 37 обор.—38. См. списокъ новоприписныхъ тяглецовъ, взятыхъ въ тягло въ 1649—1652 гг. въ г. Серпуховѣ; Симсонъ, op. cit., стр. 282—293.

гонной землѣ», оказалось 32 двора торговыхъ и ремесленныхъ людей, въ которыхъ, кромѣ ихъ самихъ, находилось еще 39 человѣкъ дѣтей, «братьи» и племянниковъ; тамъ же, сверхъ этого, проживало, въ 136 дворахъ, столько же пашенныхъ крестьянъ и бобылей, да при нихъ 179 человѣкъ дѣтей, «братьи» и племянниковъ; всего, такимъ образомъ, населеніе помѣстья кн. Ромодановскаго состояло изъ 386 человѣкъ.

Но дальше воевода не зналъ, что дѣлать; быть можетъ, впрочемъ, онъ и зналъ, но имѣлъ въ виду, что его распоряженія коснутся кн. Ромодановскаго, и потому сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, какъ нужно поступить послѣ переписи: «а не отмежевано и граней не учинено тому выпуску и выгонной землѣ и деревень и въ нихъ крестьянъ за государя не отписано, потому что, по сколку саженъ или верстъ отъ города выпускъ и выгонную землю къ посаду отмежевать, и каковы грани учинить, и каковыхъ крестьянъ ихъ з деревнями и съ починки взять за государя, или изъ деревень вывесть въ слободы, на посадъ, и каковымъ ихъ тягломъ или службами устроить,—того въ государевыхъ царевыхъ и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамотахъ изъ приказу сыскныхъ дѣлъ въ Царевококшаскъ не написано» [1]).

Однако и такія осторожныя дѣйствія воеводы Шадрина вызвали неудовольствіе со стороны князя Ромодановскаго, который жаловался государю, что данное ему помѣстье,—деревня Вараксина съ деревнями и съ починками,—«отписано» къ посаду, на выпускъ, «невѣдомо почему», такъ какъ самая ближняя деревня,—Вараксина,—находится въ верстѣ отъ посада, а всѣ остальныя—гораздо дальше, версты на 3, на 4, на 5 и больше; благодаря всему этому, въ его деревняхъ «учинилось разоренье»,—крестьяне перестали слушаться его людей и во всемъ имъ отказываютъ [2]).

Нечего, конечно, и говорить, что челобитная сильнаго человѣка получила удовлетвореніе: изъ Москвы увѣдомили воеводу Шадрина, что по великаго государя грамотѣ окольничему кн. Ромодановскому «велено тѣмъ помѣстьемъ и крестьяны и землею владѣть противъ прежнего государева указу, какъ было за государемъ во дворцѣ, до государева указу»; крестьянамъ же предписывалось слушаться княжескихъ людей «по прежнему», «до государева указу»; рядомъ съ этимъ, воеводѣ поручалось произвести измѣреніе трехъ-аршинною саженью, «сколко отъ посацкихъ дворовъ до д. Вараксины зъ деревнями и съ починки, до крестьянскихъ дворовъ, саженъ». Вотъ что нашелъ воевода: до д. Вараксиной—300 саж.; д. Лапшиной—748 саж.; д. Вяткиной—960 саж.; д. Березовской—1400 саж.; д. Княжны—2542 саж.; до починка Гувнищева—1148 саж.; п. Ширякова—810 саж.; п. Игнатьева, что на рѣчкѣ Монагѣ,—4142 саж.; п. Якимова,—Ширшовъ тожъ,—4422 саж.;

---

[1]) Лл. 67 обор.—68; ср. Улож., гл. XIX, ст. 10; эта статья включена въ грамоту, присланную въ Царевококшайскъ; см. л. 4 обор.

[2]) Какъ видно изъ предыдущаго, воевода и не думалъ «отписывать» помѣстье кн. Ромодановскаго къ посаду, а произвелъ лишь «перепись» его населенія.

п. Коровина—3422 саж.; «а до деревень кузнецовскихъ и до починка Юшкова—прибавляетъ воевода—не мѣрено, потому что тѣ кузнецовския деревни и починокъ Юшковъ не на выпуске и не на выгонной землѣ» [1].

Здѣсь писцовая книга прекращается, такъ что изъ нея нельзя видѣть, чѣмъ закончился споръ посадскихъ людей съ окольничимъ В. Г. Ромодановскимъ [2]; но уже самое возникновеніе пререканій, когда имъ, по точному и вполнѣ ясному смыслу 10-й статьи XIX главы Уложенія, не должно было быть и мѣста,—очень характерно и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ не въ пользу твердости осуществленія нормъ Уложенія на практикѣ.

В. Борисовъ.

---

[1]) Лл. 70 обор.—72. Интересно сопоставить данныя, полученныя Шадринымъ, съ современными свѣдѣніями по этому же предмету; въ трудѣ г. Спиридонова, цитированномъ выше, показаны такія разстоянія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ селеній отъ г. Царевококшайска: д. Вараксина—рядомъ съ городомъ; д. Лапшина—1 в.; д. Березова—$3^1/_2$ в.; д. Княжна—5 в.; op. cit, стр. 17, 19—21.

[2]) Изъ другихъ источниковъ, впрочемъ, можно вывести заключеніе, что споръ былъ выигранъ кн. Ромодановскимъ. См. статью г. Пупарева—«Очеркъ разселенія русскаго племени въ Царевококшайскомъ уѣздѣ», «Каз. Губ. Вѣд.» 1857 г., № 23, стр. 201.

Семейное письмо первой половины XVIII в.

(*Доставлено И. Н. Юркинымъ*).

Государь мой батюшка Степанъ Зиновьевичъ.

Рабски просимъ и з женою своею а с твоею дочерью пожаловать в домъ мой стоять в светлицу которая нарочна для васъ изготовлена и при томъ вамъ объявляю что всякую провизию что вамъ *потребно* и на топление той светлицы дрова получать от нас також имѣть при себѣ одного человѣка а лошадѣй при себѣ своих не имѣть а куды надлѣжитъ вам съѣздить изволь ездить на наших лошедех и с нашими людми а рубашки ваши мыть и крахмалить дочъ ваша прикажит своим бабамъ какъ я такъ и жена моя досаждать ни в чемъ не будемъ и будемъ за всегда в васъ искать родителской масти а ежели вы намерение возмимѣтѣ совокупитца *не* законным браком і в том вам мы воспрѣщать не будемъ и тако оконъчавъ сие пребуду вам государю моему всегда покорны слуга и зять Иванъ Оболдуевъ.

Оригиналъ написанъ на одномъ листѣ обыкновеннаго формата писчей бумаги. Набранныя курсивомъ слова написаны другими чернилами. Подпись крайне неразборчива; письмо не собственноручное, и только подписано самимъ Оболдуевымъ. Документъ напечатанъ съ дипломатической точностью. Вмѣсто «родителской масти» можетъ быть слѣдуетъ читать «родителской милости».

Библіографія.

Историко-Географическій Словарь Саратовской Губерніи. Составилъ А. Н. Минхъ, членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Саратовской и Нижегородской Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій. Т. I. Вып. I. Лит. А—Г. Южные уѣзды: Камышинскій и Царицынскій. Саратовъ. 1898 г.

Составленіе областныхъ историко-географическихъ словарей — дѣло насколько въ высшей степени полезное, настолько же и трудное. Сообщая въ сжатомъ видѣ свѣдѣнія о каждой мѣстности края, выясняя его прошлое и современное состояніе—словарь служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и превосходной справочной книгой и даетъ матеріалъ для исторіи, географіи и этнографіи. Трудности составленія зависятъ отъ детальной неполноты мѣстнаго историко-географическаго матеріала при всемъ его громадномъ количествѣ, отъ его недостаточной разработанности, а иногда и малой доступности. Составителю приходится и доставать свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ, причемъ дѣло часто можетъ тормозиться простою неаккуратностью корреспондента при наличности другихъ благопріятныхъ условій, и провѣрять данныя, и излагать возможно полно и сжато. Вотъ почему трудъ составленія областныхъ историко--географическихъ словарей скорѣе подъ силу цѣлому учрежденію, чѣмъ частному лицу.

Вышепомянутый словарь Г. Минха, хотя и отпечатанъ на средства Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и надъ наблюденіемъ ея членовъ (гг. Смольянинова, Прозоровскаго, Военскаго и Щеглова), но составляетъ результатъ частной инициативы автора. Г. Минхъ приступилъ къ составленію словаря съ 1894 г. «Взяться сразу за всѣ десять уѣздовъ губерніи», говоритъ онъ, «не было никакой возможности; почему я предположилъ составлять послѣдовательно отдѣльныя группы уѣздовъ съ особымъ алфавитомъ, соединяя не болѣе, какъ по 2—3 смежныхъ уѣзда, носящихъ почти однородный характеръ.... При описаніяхъ я прилагаю чертежи и указанія на литературу данной мѣстности. Большой пробѣлъ составляютъ свѣдѣнія по частному землевладѣнію, казачьимъ, казеннымъ и удѣльнымъ землямъ». Какъ на особые источники, авторъ указываетъ 1) на списки населенныхъ мѣстъ Саратовской губерніи, которые составляетъ Саратовская Губернская Земская Управа и 2) на описа-

ніе приходовъ и исторію церквей,—труды духовенства Саратовской епархіи.

Отсюда видно, что авторъ предпринялъ громадный трудъ, который посильно и выполняетъ. Относительно большинства селеній онъ опредѣляетъ разстояніе отъ губернскаго и уѣзднаго города, почтовой, желѣзнодорожной станціи или пристани, причемъ иногда указываетъ градусы широты или долготы; далѣе—описываетъ мѣстоположеніе, общій видъ мѣстности и ея характерныя подробности; потомъ—сообщаетъ свѣдѣнія объ основаніи поселка, объясняетъ происхожденіе его названія, излагаетъ его краткую исторію, описываетъ современное состояніе, занятія населенія и т. д. При всемъ этомъ, гдѣ возможно, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія геологическія, историческія, археологическія, филологическія, этнографическія, статистическія и географическія. По мѣстамъ авторъ сообщаетъ массу интересныхъ подробностей, поясняя иногда текстъ географическими чертежами. Въ общемъ—трудъ носитъ характеръ усердной работы, отличающейся слѣдующими особенностями.

Источниками, конечно, объясняется то, что относительно однихъ мѣстностей даются свѣдѣнія болѣе подробныя, чѣмъ о другихъ, причемъ обширное поле отводится статистическому матеріалу, которымъ по преимуществу авторъ пользовался. Онъ перечисляетъ количество душъ села, земли, дворы и т. д. по десятой ревизіи, по земскимъ переписямъ 1886, 1894 и другихъ годовъ, и это утомительное перечисленіе занимаетъ большую часть текста словаря. Кромѣ этого, въ интересахъ научности изданія, нельзя не пожелать, чтобы на будущее время г. Минхъ подробно указывалъ источники, откуда онъ заимствуетъ свѣдѣнія. Авторъ почти никогда не указываетъ страницъ цитируемыхъ книгъ. Излагая исторію деревни Авиловой, онъ указываетъ: «Понизовая вольница. Д. Мордовцева. 1867 г.»—и только (стр. 6). Говоря объ Александровской станицѣ, что въ 1862 г. въ ней считалось 755 казаковъ, онъ замѣчаетъ въ скобкахъ: «Волга—Боголюбова» (стр. 19). При изложеніи свѣдѣній объ Антиповкѣ, волостномъ селѣ камышинскаго уѣзда, г. Минхъ замѣчаетъ: »по свѣдѣніямъ С. А. Щеглова» (стр. 26, 28, 30, 31). Изъ цитаціи на стр. 35 видно, что авторъ пользовался рукописью С. А. Щеглова; но какой она цѣнности—указаній на это нѣтъ. Сообщая свѣдѣнія объ Ардобазарной дорогѣ, авторъ ссылается на «Труды Саратов. Учен. Архив. Коммисс.» 1893 г., свой трудъ: «Разбои и клады Низоваго Поволжья», «Донскія дѣла № 16», «Исторію России» Соловьева и др., не указывая страницъ (38—40). Излагая исторію Ахмата, волостного села Камышинскаго уѣзда, объясняя происхожденіе его названія, авторъ говоритъ: «Въ исторіи Соловьева мы читаемъ»... (стр. 45), не обозначая тома и страницъ. Иногда неопредѣленно указываются «Архивные документы» (47 и др.), неизвѣстно, гдѣ хранящіеся; дѣлается ссылка вообще на проф. Ѳ. Е. Корша (50 и др.), «сказанія старожиловъ» (110 и др.), безъ обозначенія, когда, гдѣ и кѣмъ эти сказанія записаны, или кому переданы и т. д. Относительно многихъ свѣдѣній, если не большинства, вовсе не указывается, откуда ихъ черпаетъ авторъ. Вслѣдствіе такого способа работы г. Минха—провѣрка ея отчасти затруднительна, отчасти вовсе невозможна и трудъ автора теряетъ долю своего научнаго достоинства. И это тѣмъ болѣе, что не всегда матеріалъ, сообщаемый авторомъ, вѣренъ и точно имъ самимъ провѣряется. Такъ, описывая Волжскія горы, авторъ говоритъ, что онѣ составляютъ отрасль той вѣтви Ураль-

скаго хребта, которая пересѣкаетъ Волгу у т. наз. Самарской Луки и затѣмъ холмится... на югъ вдоль теченія рѣки Волги (135 стр). Автору, повидимому, неизвѣстно, что т. наз. Приволжская возвышенность, сопровождающая правый берегъ Волги отъ Нижняго Новгорода до Царицына, составляетъ самостоятельную гряду холмовъ, идущую почти параллельно Средне-русской возвышенности (Учебникъ Географіи А. Линберга. Москва. 1896 г., стр. 5—6). При описаніи волостного села Баннаго, Камышинскаго уѣзда, авторъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что оно отстоитъ отъ Саратова въ 100—114 в. по свѣдѣніямъ волостного правленія (стр. 61 и слѣд.), а въ другомъ «по свѣдѣніямъ 1897 г.» утверждаетъ, что отъ Саратова до Баннаго 144 в. (стр. 204 и слѣд.). Второе мѣсто дополняетъ первое, но при этомъ такъ, что противорѣчивыя указанія перваго не согласованы съ свѣдѣніями, изложенными во второмъ, вслѣдствіе чего читатель остается въ недоумѣніи, чему вѣрить. Разсуждая объ Алексѣевкѣ, деревнѣ Камышинскаго уѣзда, авторъ говоритъ на стр. 21, что она лежитъ на правомъ берегу рѣчки Даниловки, впадающей въ Волгу; но ниже, на стр. 23, на основаніи списка населенныхъ мѣстъ Саратовской Губернской Земской Управы 1894 г., авторъ опредѣляетъ мѣстоположеніе Алексѣевки иначе: она лежитъ на днѣ глубокаго оврага, по коему протекаетъ рѣчка Даниловка, къ которой имѣется удобный подъѣздъ. Это дополненіе не выясняетъ точнаго мѣстоположенія Алексѣевки, а дѣлаетъ его неопредѣленнымъ. Андреевка, бывшая владѣльческая деревня Камышинскаго уѣзда на р. Иловкѣ, по словамъ автора «показана лишь въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ центральнаго Статистическаго Комитета», изд. 1862 г.,—въ 50 в. отъ г. Камышина, и въ ней 5 дворовъ, 25 душъ муж. пола и 29 женск. По другимъ свѣдѣніямъ—этой деревни нигдѣ не показано». Но если такъ, то любопытно знать, существуетъ эта деревня въ настояшее время, или нѣтъ? Какъ изъ этихъ, такъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ книги видно, что разнообразный матеріалъ, которымъ пользовался авторъ, приводится имъ, какъ сырой, безъ тщательной обработки, что, м. б., объясняется трудностью выполненія предпринятой задачи.

Вѣроятно желаніемъ автора придать словарю достаточную полноту обусловливается и то, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ не только названіе мѣстъ, исторію селеній и пр., но и объясненіе предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Саратовской губерніи такое же, какъ и ко всякой другой, преимущественно рѣчной. Такъ, въ словарѣ объясняются слова: баканъ (знакъ для обозначенія фарватера), балыкъ, баракъ (оврагъ или шалашъ), барка, батракъ (работникъ), бредень, бугоръ (холмъ), бурлакъ, буксиръ, бѣлопашцы, бобыль, вентерь, верша, вешнякъ (подъемный заслонъ въ мельничной плотинѣ), водоливъ (рабочій на суднѣ), врагъ (оврагъ), гай (роща), городокъ и т. п. Объясненіе нѣкоторыхъ словъ не совсѣмъ вѣрно; напр. ванду авторъ объясняетъ, какъ вершу (конусообразная плетенка изъ прутьевъ для ловли рыбы) и, ссылаясь на энциклопедическій лексиконъ 1837 г. (т. е. изданный А. Плюшаромъ), говоритъ, что ванда —это только большая верша (стр. 109, 120); между тѣмъ въ Саратовскомъ Поволжьѣ подъ вандою обыкновенно разумѣютъ рядъ вершъ, нанизанныхъ на канатъ или жердь, и бросаемыхъ съ грузомъ на дно рѣки. Выраженіе «поднять ванду» означаетъ—поднять этотъ канатъ или жердь и вытрясти рыбу изъ вершъ. Съ такимъ значеніемъ ванда употребляется у мѣстныхъ

рыболововъ. Авторъ, объясняя значеніе однихъ словъ, умалчиваетъ о другихъ; напр. нѣтъ объясненія слова арбузъ, разведеніе котораго распространено въ южныхъ уѣздахъ Саратовской губерніи. Далѣе, въ предѣлахъ помянутыхъ буквъ алфавита Словарь даетъ свѣдѣнія о родѣ нѣкоторыхъ фамилій, преимущественно дворянскихъ, имѣвшихъ и имѣющихъ то или другое отношеніе къ саратовскому краю, напр. Баратаевыхъ, Бахметевыхъ, Бекетовыхъ, Булатовыхъ, Врасскихъ, Гагариныхъ, Голицыныхъ, Готовицкихъ, Грековыхъ и др., но при этомъ, сообщая генеалогическія данныя о нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ фамилій, авторъ не уясняетъ, имѣютъ ли онѣ отношеніе къ современнымъ однофамильцамъ дворянамъ, или нѣтъ (напр. Бекетовы стр. 72, Всеволожскіе стр. 146—147 и др). Вѣроятно отутствіемъ свѣдѣній объясняется и то, что въ словарь попали почти исключительно фамиліи прежде бывшихъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства и нѣтъ указаній на другихъ дѣятелей описываемыхъ уѣздовъ; общегубернскихъ же дѣятелей удобнѣе было бы отнести къ обозрѣнію Саратова, чѣмъ къ алфавиту уѣздныхъ городовъ. Наконецъ, въ словарѣ отсутствуютъ два необходимыхъ предмета: а) нѣтъ общей карты описываемыхъ уѣздовъ; частные чертежи недостаточны для географической картины цѣлаго; слѣдуетъ надѣяться, что эта карта будетъ приложена по окончаніи алфавитнаго обозрѣнія уѣздовъ; б) нѣтъ алфавитнаго указателя къ первому выпуску, что составляетъ непремѣнную принадлежность всякой исторической книги и преимущественно справочнаго характера.

Несмотря на указанныя свойства, Словарь г. Минха, какъ первый опытъ выполненія крупнаго дѣла, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ не только полнаго вниманія, но и пожеланія автору его счастливаго окончанія.

С. К.

18) О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. 1895. Цѣна 20 коп.

19) О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочнева. 1895. Цѣна 10 коп.

20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

21) О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библіотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.

22) Трощанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

23) О древнихъ могилахъ у Мцхеты, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ. В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.

24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ. Составилъ И. Ѳ. Токмаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

25) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аристова. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

26) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

27) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

28) Катановъ, Н. Ѳ. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Со снимкомъ). Цѣна 15 коп.

29) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ I, 1878. выпуски 2—5, по 20 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно и томъ II-й и 1-й вып. VI-го тома, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, ц. 2 руб. 50 коп. Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884. ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VII, 1889, ц. 2 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 2, 1890, ц. 2 руб. 25 коп.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 2, ц. 1 руб. 75 коп., вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893 вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XII, 1894—1895, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 1 и 2 по 1 руб.—3, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 1—3 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. Томъ XV, вып. 1—2. цѣна 2 руб. 50 коп. Томы I и II, а равно и 1-й вып. VI-го тома «Извѣстій», Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.

30) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1897 годы по 25 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Казань. Гостинный дворъ. № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ), б) Карлъ Риккеръ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14), в) Книжный магазинъ «Новаго Времени» (Москва, Неглинный проѣздъ, д. Депре) и г) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.).

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) пользуются 30% уступки и безплатною пересылкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія и книжный складъ Общества открыты еженедѣльно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4—6 час. веч.

Въ 1899 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: проф Д. В. Айналовъ, проф. А. И. Александровъ, А. Е. Алекторовъ (Кустанай), И. В. Аничковъ (Аулiэ-Ата), проф. А. С. Архангельскій, о. Н А. Архангельскій, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, В. Л. Борисовъ, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ (Ташкентъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, проф. Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, о. Е. А. Маловъ, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), проф. Ѳ. Г. Мищенко, В. А. Мошковъ (Варшава), епископъ Никаноръ (Орелъ), Н. П. Остроумовъ (Ташкентъ), Н. Н Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна этого выпуска 1 рубль.